Russ. 266 z (12

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО

ТОМЪ XII.

<36607995280014

<36607995280014

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

Ф/54/43085

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

Изданіе третіе.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

См. Б.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1831.

Фд/66/765

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

(1828 года.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожъ хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъмѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ, неважныхъ для Публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре Главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра: манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣющіе цѣнить изящное

найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и, можетъ быть, еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

Дм. Б.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

Г. 1606 — 1608.

Г. 1606. Родъ Василіевъ.

Василій Іоанновичь Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о

[stamp]

Г. 1606. Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде[1].

Свойства новаго Царя. Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ большею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ

въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ[2]; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ[3], честною жизнію, ревностнымъ на- г. 1606.

*

Г. 1606. блюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ

Клятва Василіева.

наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; Г.
3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, 1606.
явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо[4]. »Мы желаемъ« (говорилъ Василій), »чтобы »православное Христіанство наслаждалось »миромъ и тишиною подъ нашею Цар»скою хранительною властію« — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву[5]. Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и

[library stamp]

Г. 1606. Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде[1].

Свойства новаго Царя. Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ большею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ

въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ[2]; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь граждан[3], честною жизнію, ревностнымъ на- г. 1606.

*

г. 1606. блюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ

Клятва Василіева.

наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; Г. 1606.
3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо[4]. »Мы желаемъ« (говорилъ Василій), »чтобы »православное Христіанство наслаждалось »миромъ и тишиною подъ нашею Цар»скою хранительною властію« — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву[5]. Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и

Г. 1606. не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи[6], и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время[7]: ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Ко-

Обнародованныя грамоты.

лы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества[8]. Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Марѳы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Марѳа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры[9], записъ данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ,

г. 1606.

г. 1606. двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе. Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій[10]. Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію

въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось г. 1606.
однакожь какое-то уныніе въ столицѣ[11].
Не было ни милостей[12], ни пировъ; были
опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца- Опалы.
Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятво-
преступниковъ Борисова времени[13], и ве-
лѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или
Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили
именоваться Конюшимъ, желая ли навѣ-
ки уничтожить сей знаменитый санъ,
чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или
единственно въ знакъ неблаговоленія къ
злопамятному страдальцу Василіева кри-
водушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіе-
ніи[14]; *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*,
Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство
въ Уфу[15], какъ ненавистнаго привержен-
ника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ,
Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили,
давъ первому начальство въ Иванѣ-горо-
дѣ, второму въ Казани[16]; многихъ иныхъ
сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Ца-
рю, также выслали на службу въ даль-
ніе города; у многихъ взяли помѣстья.
Василій, говоритъ Лѣтописецъ[17], нару-
шилъ обѣтъ свой не мстить никому
лично, безъ вины и суда. Оказалось не- Неудовольствія.
удовольствіе; слышали ропотъ. Василій,
какъ опытный наблюдатель придцати-

г. 1606. лѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ[18], особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ[19] и шатость въ умахъ: ибо частыя перемѣны

государственной власти раждают недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года[20] имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго[21], его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества. Г. 1606.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уеди- Пренесеніе Димитріева тѣла.

г. 1606. лѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ[18], особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ[19] и шатость въ умахъ: ибо частыя перемѣны

государственной власти раждаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года[20] имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго[21], его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества. г. 1606.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уеди- Пренесеніе Димитріева тѣла.

Г. 1606. ненно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой[22]: Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая[23]: »Мы »его любили и за него страдали! Лишен»ные живаго, лишимся ли и мертваго?« Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли[24]: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ жители и пришельцы начали славить сіе зна-

меніе святости — и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Мароа, Духовенство, Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ*[25]. Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Мароа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну*[26]. Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи свя-

г. 1606.

3 Іюня.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

Г. 1606 — 1608.

Г. 1606. Родъ Василіевъ.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о

Г. 1606. Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде[1].

Свойства новаго Царя.

Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ большею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ

въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ[2]; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ[3], честною жизнію, ревностнымъ на-

г. 1606.

*

г. 1606. блюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить

Клятва Василіева. смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ

наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо[4]. »Мы желаемъ« (говорилъ Василій), »чтобы »православное Христіанство наслаждалось »миромъ и тишиною подъ нашею Цар»скою хранительною властію« — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву[5]. Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и

Г. 1606.

г. 1606. не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи[6], и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время[7]: ему вѣрили, но не долго.

Обнародованныя грамоты. Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Ко-

лы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества[8]. Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Мароы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Мароа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры[9], запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ, г. 1606.

г. 1606. двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе. Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій[10]. Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію

въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ[11]. Не было ни милостей[12], ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени[13], и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи[14]; *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу[15], какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани[16]; многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ[17], нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель придцати-

Г. 1606.

Опалы.

Неудовольствія.

г. 1606. лѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лже-димитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Бояpахъ[18], особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ[19] и шаткость въ умахъ: ибо частыя перемѣны

государственной власти раждають недо- г. 1606.
вѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года[20] имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго[21], его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уеди-

Пренесеніе Димитріева тѣла.

Г. 1606. ненно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой[22]: Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая[23]: »Мы »его любили и за него страдали! Лишен»ные живаго, лишимся ли и мертваго?« Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное состію земли[24]: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ жители и пришельцы начали славить сіе зна-

меніе святости — и за чудомъ слѣдо- г. 1606.
вали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Мароа, Духовенство, Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили 3 Іюня.
ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ*[25]. Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Мароа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну*[26]. Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи свя-

г. 1606. тые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати:* вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву[27].

Новый Патріархъ. Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву[28], гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ[29], и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался

Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезлъ Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія! г. 1606.

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его[30] и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство,

г. 1606 послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ дочерью[31]. Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: »Избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!« У нее взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ[32], сказавъ ему: »возвратимъ »тебѣ, что найдется твоимъ собствен-

Гордость Марины.

»нымъ; удержимъ достояніе казны Цар- г.
»ской.« Въ свиданіи съ Боярами Мнишекъ 1606.
не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелію или узами, послѣ его сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру[33].

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ Послами Литовскими. Первое было 27 Мая, во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль[34]. »Намъ казалось« — пишутъ Ляхи очевидцы — »что Дворъ Московскій готовился къ погребенію.« Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Татищевъ, приняли

г. 1606. Олесницкаго и Госѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непобѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспоможенія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а не многіе Ляхи, въ часъ мятежа убиты чернію за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. »Однимъ словомъ« — заключилъ Мстиславскій — »кто виною зла и »всѣхъ бѣдствій? Король и вы, Паны, на»рушивъ святость мирнаго договора и »крестнаго цѣлованія.«

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. »Мы »слышали о бѣдственной кончинѣ Дими»трія« — говорили Паны — »и жалѣли объ »ней какъ Христіане, гнушаясь убійцею. »Но явился человѣкъ подъ именемъ сего

Рѣчь Пословъ Литовскихъ.

»Царевича, свидѣтельствуясь разными г.
»примѣтами въ истинѣ своего увѣренія, 1606.
»и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ
»отъ убійцъ, — какъ Борисъ тайно умер-
»твилъ Царя Ѳеодора, истребилъ знат-
»нѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ
»всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли са-
»мое говорили намъ о Борисѣ и нѣкото-
»рые изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая
»Исторію, не находимъ ли въ ней при-
»мѣровъ, что мнимо-усопшіе являются
»иногда живы въ казнь злодѣйству? Но
»мы еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ
»ему только добросердечный Воевода Сен-
»домирскій, и не ему одному, но многимъ
»Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Ди-
»митрія[35]: они клялися, что Россія ждетъ
»его; что города и войско сдадутся Іоан-
»нову наслѣднику. Дѣйствуя самовольно,
»Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣтелемъ
»торжества Димитріева — и былъ; но,
»повинуясь указу Королевскому, возвра-
»тился, чтобы не нарушить мира, за-
»ключеннаго нами съ Годуновымъ. Дими-
»трій, какъ онъ называлъ себя, остался
»въ землѣ Сѣверской единственно съ Рос-
»сіянами, Донскими и Запорожскими Ко-
»заками: чтожь сдѣлали Россіяне? пали
»къ ногамъ его: воеводы и войско. Что

г. »сдѣлали и вы, Бояре? выѣхали къ нему
1606. »на встрѣчу съ Царскою утварію; вопи-
»ли, что принимаете Государя любимаго
»отъ Бога, и кипѣли гнѣвомъ, когда Ля-
»хи смѣли утверждать, что они дали
»Царство Димитрію. Мы, Послы, соб-
»ственными глазами видѣли, какъ вы
»предъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей
»сей самой палатѣ, разсуждая съ нами о
»дѣлахъ государственныхъ, вы не изъ-
»являли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ
»его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы По-
»ляки, но вы Русскіе признали своего же
»Русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣ-
»тили съ хлѣбомъ и солью на границѣ,
»привели въ столицу, короновали и....
»убили; вы начали, вы и кончили. Для
»чего же вините другихъ? Не лучше ли
»молчать и каяться въ грѣхахъ, за ко-
»торые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣ-
»пленіемъ? Не говоримъ о клятвопресту-
»пленіи и цареубійствѣ; не осуждаемъ ва-
»шего дѣла, и не имѣемъ причины жа-
»лѣть о семъ человѣкѣ, который въ ва-
»шихъ глазахъ оскорблялъ насъ, величал-
»ся, безумно требовалъ неслыханныхъ
»титуловъ и едва ли могъ быть надеж-
»нымъ другомъ нашего отечества; но ди-
»вимся, что вы, Бояре, какъ люди из-

»вѣстно умные, дозволяете себѣ суесло- г. 1606.
»вить, желая оправдать душегубство:
»безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ.....
»Они не воевали съ вами, не помогали ва-
»шему Лжедимитрію, не хранили его: ибо
»онъ ввѣрилъ жизнь свою не имъ, а вамъ
»единственно! Слагаете вину на чернь:
»повѣримъ тому, если можно; повѣримъ,
»если вы невредимо отпустите съ нами
»Воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ
»Ляховъ къ Королю, дабы мы своимъ ми-
»ролюбивымъ ходатайствомъ обезоружи-
»ли месть готовую. Но доколѣ, вопреки
»Народному Праву, уважаемому и варвара-
»ми, будете держать насъ, какъ бы плѣн-
»никовъ, дотолѣ въ глазахъ Короля, Рес-
»публики и всей Европы не чернь Мо-
»сковская, а вы съ вашимъ новымъ Ца-
»ремъ останетесь виновниками сего кро-
»вопролитія, и не въ безопасности. Раз-
»судите!«

Бояре слушали съ великимъ внима-
ніемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смо-
тря другъ на друга; наконецъ отвѣт-
ствовали Панамъ: »Вы были Послами у
»Самозванца, а теперь уже не Послы: слѣд-
»ственно не должно говорить вамъ такъ
»вольно и смѣло«[36]; но разстались съ ни-
ми ласково; видѣлись снова, и сказали имъ,

Г. 1606. что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ, и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ. Олесницкій и Госѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь[37]. Они имѣли дозволеніе писать къ Королю, и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе.

Посольство къ Сигизмунду. 13 Іюля.

Уже́ слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями[38]; метали въ ихъ людей камнями и грязью; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій

пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько выгодъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ Коронными Панами, Волконскій доказывалъ тоже, что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ; а Паны отвѣтствовали ему тоже, что Послы Боярамъ. Мы говорили Ляхамъ: »Вы дали намъ Лже»димитрія!« Ляхи возражали: »Вы взяли »его съ благодарностію!« Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца: за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и платежа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ, или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожь не грозили войною другъ другу. »Швеція« — сказалъ Волконскій — »уступаетъ »Царю знатную часть Ливоніи, желая

г. 1606. »его вспоможенія; но онъ не хочетъ на-»рушить прежняго мирнаго договора.« Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: »я не гонецъ.« Король велѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника; но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими, какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Сношенія съ Европою и съ Азіею. Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ[39]. Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи[40]. Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ

о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію!... Сіи новыя бѣдствія начались такимъ образомъ: г. 1606.

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дворянъ, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенію за измѣну[41]. Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія. Мятежи въ Москвѣ.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лука-

г. 1606. выми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа, и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: »Вижу вашъ »умыселъ; но для чего лукавствовать, »ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы из»брали, того можете и свергнуть. Будьте »спокойны: противиться не буду«[42]. Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: »Ищите же другаго Царя!« — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: »Если »я Царь, то мятежники да трепещутъ! »Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невин»ныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаме»нитѣйшихъ Россіянъ, и моей; по край»ней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы зна»ли меня, избирая въ Цари: имѣю власть »и волю казнить злодѣевъ.« Всѣ единогласно отвѣтствовали: »Ты нашъ Госу-

»дарь законный! Мы тебѣ присягали и г.
»не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!« — 1606.
Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго; не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость, и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ!... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и вторый, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣ-

г. 1606. рія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя — и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичь Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому[43]. Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева[44], и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію то-

же, что Басмановъ несчастному Ѳеодо- г. 1606.
ру[45], — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и Бунтъ Шаховскаго.
сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ[46]; что

Г. 1606. не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ, Черниговскимъ Воеводою, мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону: Княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему Самозванцу, съ шайками крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Ѳеодорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію

побѣждало власть законную, уже не обо- г.
льщая милосердіемъ, какъ прежде[47], но 1606.
устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, — кто не хотѣлъ измѣнить Василію и держалъ противиться мятежу: тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ, еще ко славѣ отечества, погибли Воеводы, Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, Князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожъ разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій

Г. 1606. имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: »Знаешь ли насъ? Ты перевезъ »Государя Димитрія Іоанновича, который »спасается отъ Московскихъ измѣнни»ковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ »ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣ»лать великимъ человѣкомъ[48]. Вотъ онъ!« примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ

Второй Лжедимитрій. предѣловъ Россіи въ Литву, — и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣй-

ственельно объявила какого-то человѣка Г. 1606.
своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ[49]. Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Ѳеодора[50] и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги,

г. чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣвер-
1606. ской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти[51]. Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: »чернь Московская« (пишутъ свидѣтели очевидные) »была го»това мѣнять Царей еженедѣльно, въ на»деждѣ доискаться лучшаго или своеволь»ствовать въ безначаліи« — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли

еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ[52]: въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами, и не открыли сочинителей[53]. г. 1606.

Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю[54], образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митро-

г. полита не приняли и не слушали. Цари-
1606. ца-Инокиня Мароа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ[55]; что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховской звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа[56]. Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воево-

дою, достойнымъ такого начальства, холопомъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему пристали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій[57]. Г. 1606. Болотниковъ.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами[58]. Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя

г. 1606. медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства[59].

Успѣхи мятежниковъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія *Шубникомъ*[60]; велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ Державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: Сына Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго Сотника[61]; Григорія Сунбулова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и

тамошняго Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ, — одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ[62]. Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова[63] въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги, и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій, Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ[64], были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами[65]. Ужасъ распростра-

Г. 1606. Прокопій Ляпуновъ.

Г. 1606. нялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Ѳеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ; разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ[66] и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ и знаменъ,— наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго[67]. Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного славнаго храбро-

стію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лже-димитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой баснѣ Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства[68], въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти Вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи, юнаго Ѳеодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приближить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между Царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ,

г. 1606.

Пренесеніе тѣла Борисова.

г. 1606. будучи также Монархомъ избраннымъ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Ѳеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго[69], жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ *саняхъ*[70], несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго[71]. Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небес-

ныхъ[72]. Новымъ погребенiемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василiй, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣнiи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую[73]? Г. 1606.

Уже не только Политика мирила Василiя съ Годуновымъ, но и злополучiе, разительное сходство ихъ жребiя. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и другаго, видомъ крѣпкiя, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бренiе. Рати Василiевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнiю Димитрiя. Юноша, ближнiй Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскiй, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непрiятельскими толпами на берегахъ Пахры[74]; но Воеводы главные, Князья Мстиславскiй, Димитрiй Шуйскiй, Воротынскiй, Голицыны, Нагiе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ[75], встрѣтились съ непрiятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ[76], сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ

г. 1606. Мятежники подъ Москвою.

Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги[77]; что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство*[78]; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную.... Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ[79]. Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины,

граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ[30]. Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскія, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне[31]; вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ. г. 1606.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ[32]; но Воеводы, избранные

г. городами, не признавали сей власти, тре-
1606. бовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія[83], говорилъ: »Они также Русскіе »и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, »да раскаются, и кровь отечества да не »ліется въ междоусобіи!« Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для

вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тве- г.
ритянъ: они соединились въ Можайскѣ 1606.
съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю[84] и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ[85], отвѣтствуя: »я клялся Димитрію умереть за него, и »сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣн»никомъ, а побѣдителемъ;« уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Ско-

Г. 1606. городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія[83], говорилъ: »Они также Русскіе »и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, »да раскаются, и кровь отечества да не »ліется въ междоусобіи!« Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для

вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тве- г. 1606.
ритянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю[34] и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ[35], отвѣтствуя: »я клялся Димитрію умереть за него, и »сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣн»никомъ, а побѣдителемъ;« уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Ско-

г. 1606. 2 Декабря. пипу-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ и Пашковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первый сразился какъ левъ; второй, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска[86]. У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги;

Побѣда Скопина-Шуйскаго. но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову: остальные разсѣялись. Козаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но Козаковъ не тронули и приняли въ Царскую службу[87]. Юношѣ-побѣдителю, Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ Боярина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и Дворецкаго[88]. Радовались и торжествовали; пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ[89] и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не впустили его[90]. Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ; собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ[91]. Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ инаго человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ Г. 1606.

г. 1606. жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ[92], коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Лжепетръ. Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Ѳеодора[93]. На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акинѳеева[94]; остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится[95]. Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ дока-

запельство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ[96], Думнаго мужа Сабурова, Князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они »ждутъ Пословъ »отъ Государя Сѣверскаго, сына Ѳеодоро»ва, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, »укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ »свергнуть Василія съ престола; что если »Царь возвратитъ свободу Мнишку и »всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, Московскимъ »плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжеди»митрія, ни Лжепетра; а въ противномъ »случаѣ оба сдѣлаются истинными и »найдутъ сподвижниковъ въ Республикѣ«[97]! Но Ляхи только грозили Василію; мани-

г. 1606.

*

Г. 1606. ли, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры[98], осадилъ Калугу (30 Декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу[99]. Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ[100]: Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также

Осада Калуги.

измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ[101]. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ[102]. Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія[103]. Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ[104]. Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Г. 1606.

Годуновы въ Сибири.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ, Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ[105], Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Ѳедора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явить-

Г. 1607. Распоряженія Василіевы.

г. 1607. ся на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

3 Февраля. Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. Ермогенъ писалъ къ Іову: »Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть »благолѣпное лице твое и слышать гласъ »твой сладкій: молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго«[106]. Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) явился въ церкви Успенія, извнѣ окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію

Призваніе Іова.

14 Февраля.

его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію: отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному Разстригѣ [107]; наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Рос-

Г. 1607.

Г. сія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтство-
1607. валъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея Монарховъ — хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго[103], Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ Цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: »Я давалъ вамъ страшную на себя клятву »въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: »вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣла»лось, чему нѣтъ примѣра ни въ Свя»щенной, ни въ свѣтской Исторіи.« Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ — воздавъ хвалу Василію, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели — Іовъ продолжалъ:

»Вы знаете, убитъ ли Самозванецъ; знае- г. 1607.
»те, что не осталось на землѣ и *скаред-*
»*наго* тѣла его — а злодѣи дерзаютъ увѣ-
»рять Россію, что онъ живъ и есть
»истинный Димитрій! Велики грѣхи наши
»предъ Богомъ, *въ сіи времена послѣднія*[109],
»когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь
»мерзостная, тати, разбойники, бѣглые
»холопи, могутъ столь ужасно возму-
»щать отечество!« Наконецъ, исчисливъ
всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не
исключая и данной Лжедимитрію при-
сяги[110], Іовъ именемъ Небеснаго милосер-
дія, своимъ и всего Духовенства объ-
являлъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ
надеждѣ, что они уже не измѣнятъ сно-
ва Царю законному, и добродѣтелію вѣр-
ности, плодомъ чистаго раскаянія, уми-
лостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ
враговъ и возвратятъ Государству миръ
съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу
казалось, что тяжкія узы клятвы спали
съ него, и что самъ Всевышній устами
Праведника изрекъ помилованіе Россіи.
Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе
тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва
успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, 8 Марта.
преставился[111]. Мысль, что онъ, уже

г. 1607. стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу[112], стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ

Храбрость Болотникова.

голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Г.
Разбойники Калужскіе ѣли лошадей, не 1607.
жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: »жду милости единственно отъ »Димитрія!« Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца[113].

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали[114]: Хованскій отъ Михайлова въ Переславль-Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ[115]; вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ

г. 1607. Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ[116], гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Споровскаго; но близѣ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ[117]. — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія[118]. — Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотни-

кова, если не мечемъ, то голодомъ — надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Кощирѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго[119], который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки[120], смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи[121], удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть[122].

Г. 1607.

Побѣда Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были счастливѣе. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя слѣдуя общей мысли, и стремясь съ раз-

Г. 1607. ныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкас-
1 Мая. скаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана[123]. Въ жестокой битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили
Мужество Скопина. тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго[124]: они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не ки-

нулъ снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Мещовскѣ[125]. Г. 1607.

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнію ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру[126]. Употребили и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который, съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ[127]. 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Димитрію Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому[128], а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали

Бодрость Василія въ несчастіяхъ

Г. 1607. въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячь воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть[129]; онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова[130] къ Коширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ
5 Іюня. Теляшевскому. Рати сошлися на берегахъ Восми[131]; началось дѣло кровопролитное,

и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: »нѣтъ для насъ бѣгства; одна »смерть или побѣда!« и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки[132]: черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Г. 1607. Доблесть Воеводъ Царскихъ.

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность[133]; двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ,

г. 1607. сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли вмѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячь злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили

Осада Тулы. Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе.

30 Іюня. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ[134]; презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя

только издали и не мѣшко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. »Но »Россія,« говоритъ Лѣтописецъ[135], »утопала въ пучинѣ крамолъ, и волны стремились за волнами: рушились однѣ, поднимались другія.« Г. 1607.

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: »гдѣ же »тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?« Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; второй, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближ-

г. 1607. нимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: »Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; »только избавьте насъ отъ Шуйскаго«[136]. Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ, Ивана Мартинова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его[137]: искали и нашли бродягу, жителя Украйны, сына Поповскаго, Матвѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ[138]. Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости; только подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св.

Явленіе новаго Лжедимитрія.

Писаніе и Кругъ Церковный[139]; разумѣлъ, г. 1607.
если вѣрить одному чужеземному Историку[140], и языкъ Еврейскій, читалъ Талмудъ, книги Равиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго[141]. Панъ Меховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. »Не спрашивали« — говоритъ Историкъ Польскій[142] — »истинный ли »Димитрій или обманщикъ зоветъ во»ителей? Довольно было того, что Шуй»скій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ »кровію Ляховъ. Война Ливонская кончи»лась: юношество, скучая праздностію, »кипѣло любовію къ ратной дѣятельно»сти; не ждало указа Королевскаго и рѣ»шенія Чиновъ Государственныхъ: хотѣ»ло и могло дѣйствовать самовольно,« но

Г. 1607. конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій [143].

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: »гдѣ онъ? гдѣ »отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ голо»вами [144]. *Онъ здѣсь*, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: »Хвала Богу! нашлося сокровище

»нашихъ душъ!« Ударили въ колокола, пѣли молебны, чествили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій[145], готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣятся на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію[146], и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, г. 1607.

г. 1607. твердые душею. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной[147].

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ ея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ[148]. Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячь Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спа-

сти Брянска и велѣли зажечь его, когда г. 1607.
жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію[149]. . . Въ сіе время одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное[150]: »Царь Димитрій и всѣ наши благородные »витязи здравствуютъ. Мы взяли Брянскъ, »сожженный людьми Шуйскаго, которые »вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣ»жали такъ скоро, что ихъ не льзя бы»ло настигнуть. Димитрій теперь въ »Карачевѣ, ожидая знатнѣйшаго вспомо»женія изъ Литвы. Съ нимъ нашихъ 5000, »но многіе вооружены худо.... Зовите »къ намъ всѣхъ храбрыхъ; прельщайте »ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. »У васъ носится слухъ, что сей Дими»трій есть обманщикъ: не вѣрьте. Я »самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его; »увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ, »трезвъ, уменъ, чувствителенъ; любитъ »военное искусство; любитъ нашихъ; ми»лостивъ и къ измѣнникамъ: даетъ плѣн»нымъ волю служить ему или снова Шуй»скому. Но есть злодѣи: опасаясь ихъ, »Димитрій никогда не спитъ на своемъ

Г. 1607. »Царскомъ ложѣ, гдѣ только для вида »велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ »кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ »ночью къ Гетману или ко мнѣ, и воз»вращается домой на разсвѣтѣ. Часто »бываетъ тайно между воинами, желая »слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. Зная »даже и будущее, говоритъ, что ему »властвовать не долѣе трехъ лѣтъ; что »лишится престола измѣною, но опять »воцарится и распространитъ Государ»ство. Безъ прибытія новыхъ, сильнѣй»шихъ дружинъ Польскихъ, онъ не ду»маетъ спѣшить къ Москвѣ, если воз»метъ и самого Шуйскаго, который въ »ужасѣ, въ смятеніи снялъ осаду Тулы[151]; »всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію«..... Но Самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ,

Взятіе Тулы.

Сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизнію [152]. Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ [153]; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ

г. 1607.

*

г. 1607. милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: »Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, »кто называлъ себя Димитріемъ въ Сен»домирѣ: обманщикъ или Царь истинный, »не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я »въ твоей власти: вотъ сабля, если хо»чешь головы моей; когда же оставишь »мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, »усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ«[154]. Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному[155]: сла-

бость безстыдная, вреднѣйшая жестокости! г. 1607.

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества[156]; и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску[157]. Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей[158]; не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ[159]: велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя[160]. 21 Октября. Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался

Г. 1607. счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова Монастыря[161]. Болотникова, Атамана Ѳедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь[162]. Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго[163]. Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца[164], что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе

Г. 1607.

Бракъ Василіевъ. Г. 1608. Генваря 17.

г. 1608. могло устоять противъ такихъ бѣдствій?

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, как бы среди глубокаго мира. (Законы.) Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Ѳеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе[165]. Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ;

чпо мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣ- Г.
лается рабомъ ея господина; чпо если 1608.
господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ* Устав.
Дѣлъ Ратныхъ, желая, какъ сказано въ Воин-
началѣ онаго, чтобы »Россіяне знали всѣ скій.
»новыя хитрости воинскія, коими хва»лятся Италія, Франція, Испанія, Австрія, »Голландія, Англія, Литва, и могли не »только силѣ силою, но и смыслу смы»сломъ противиться съ успѣхомъ, въ та»кое время, когда умъ человѣческій всего »болѣе вперенъ въ науку необходимую для »благосостоянія и славы Государствъ: »въ науку побѣждать враговъ и хранить »цѣлость земли своей«[166]. Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы

г. 1608. пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ*[167], напоминать имъ отечество и присягу; говорить: »я буду впереди... лучше умереть »съ честію, нежели жить безчестно,« и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни[168]; выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ[169]: но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества... и

въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева царствованія.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Разврать въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Г. 1607 — 1609.

Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала. Г. 1607 —608.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ[170], съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: »не знаемъ Царя,

Г. 1607. »кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!« Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися[171], загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужествомъ витязь, ремесломъ грабитель[172]. Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, не-

Самозванецъ усиливается.

медленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осьмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ[175]: Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: »спасите »насъ! не имѣемъ куска хлѣба!« и съ сле-

г. 1607.

г. 1607. Дѣло знаменитое

зами простирали къ нимъ руки[174]. Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: »лучше умереть, нежели »выдать своихъ: съ нами Богъ!« плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка спала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское,

г. 1608.

оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому:

»Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею ми- Г. 1608.
»лостію Царь всея Россіи, Великій Князь Грамота
»Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Го- Лже-
»родецкій и другихъ многихъ земель димитріева.
»и Татарскихъ Ордъ, Московскому Цар-
»ству подвластныхъ, Государь и наслѣд-
»никъ.... Любезному отцу нашему! Судь-
»бы Всевышняго непостижимы для ума
»человѣческаго. Все, что бываетъ въ мі-
»рѣ, искони предопредѣлено Небомъ, ко-
»его страшный судъ совершился и надо
»мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или
»за мои собственные изгнанный изъ оте-
»чества, и скитаясь въ земляхъ чуждыхъ,
»сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали!
»Но Богъ же милосердый, не помянувъ
»моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ из-
»мѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство,
»караетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ
»къ намъ сердца людей, Россіянъ и чуже-
»земцевъ, такъ, что надѣемся скоро осво-
»бодить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ
»неописанной радости вашего сына. Богу
»единому слава! Да будетъ также вамъ
»извѣстно, что Его Величество, Король
»Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь
»Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ
»въ отысканіи наслѣдственной Державы«[178].
Сія грамота, вѣроятно, не дошла до

г. 1608. Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ[176]. Тамъ прибыли къ нему знатные Князья Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ[177]. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать его злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому[178]; велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ

Татарской и Мордовской, посланной еще из Тулы на Сѣверскую землю[179], и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе[180]; но Василій—такъ же, какъ и Годуновъ[181] — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Г. 1608.

Предложеніе Шведовъ.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ[182]; не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская остановилась въ

г. 1608. Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами[183], до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ[184] отдыхали; а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ

Побѣда Лисовскаго. нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ[185], который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Димитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и

Апрѣля 13. дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца[186].

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; глав-

ное войско также дрогнуло: но запасное, г. 1608.
подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: »наши жены и дѣти въ »Москвѣ,« ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія — и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій велѣлъ умер-

Побѣда Самозванца.

Г. 1608. твить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ[187].

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ[188], сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ.

Ужасъ въ Москвѣ.

Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами[189]; нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей соб-

ственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею[190]. Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій[191], Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей

г. 1608.

Измѣна Воеводъ.

г. 1608. Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева[192]. Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ[193], думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите*

Самозванецъ въ Тушинѣ.

мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ? »Сія жа- Г. 1608.
»лость къ Москвѣ погубила его,« пишетъ Историкъ чужеземный[194], который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: »Самозванецъ щадилъ столицу, но »не щадилъ Государства, преданнаго имъ »въ жертву Ляхамъ и разбойникамъ. На »пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; »она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пе»пелищемъ.« Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ[195], большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу[196]; хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Ли-

Г. 1608. товскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино[197], избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе[198], стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре[199], и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь,

готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами. Г. 1608.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій[200], присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились[201]. Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи[202], Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву

Bayerische
Staatsbibliothek
München

г. 1608. Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно[203]. Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ:

Перемиріе съ Литвою. »1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мирѣ или двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, »Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни »деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго съ »дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и »дать имъ нужное для путешествія до »границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома Королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, второму Лжедимитрію[204], »немедленно оставить его, и впредь не

»приставать къ бродягамъ, которые взду- Г. 1608.
»маютъ именовать себя Царевичами Рос-
»сійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не
»называть сего новаго обманщика своимъ
»зятемъ, и не выдавать за него дочери.
»8) Маринѣ не именоваться и не писать-
»ся Московскою Царицею[205].« Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Чиновники, посыланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людь-

Коварство Ляховъ.

*

г. 1608 ми Ближними, Спольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки[206].

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни,

и немедленно выйти изъ Россіи[207]. Число Г. 1608.
Ляховъ грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою[208]. Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ иныхъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: »мы жалуемъ »въ Цари Московскіе, кого хотимъ«[209]; жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій[210]: Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими[211], сносились и съ Гетманомъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ

Г. 1608. къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ[212], взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ[213] — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ[214]: »отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель,« третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳедора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили

Побѣда Сапѣги.

Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновникаки бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича: »идемъ защитить нашихъ женъ и »дѣтей отъ непріятеля[215]!« г. 1608.

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали[216]. Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ

Г. 1608. Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ[217], чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. »Мы сердечно »обрадовались« — писалъ къ нему Самозванецъ — »услышавъ о вашемъ отъѣздѣ »изъ Москвы: ибо лучше знать, что вы »далѣе, но свободны, нежели думать, что »вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ »нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ »теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ »будетъ скоро, должна видѣть васъ Поль»ша. Мать моя, ваша супруга, здорова и »благополучна въ Сендомирѣ: ей все из»вѣстно.« Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился;

Мнишекъ и Марина Самозванца.

другіе спѣшили въ Литву[218], не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ[219]; но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожь увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы[220]. Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжно- г. 1608.

г. 1608. стію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: »Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, »когда Марина признала въ немъ мужа«[221]. Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго[222]. Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ ѳеатрѣ злодѣйства[223]. Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ

него по домамъ[224]; не тронулись, и были г. 1608.
ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой[225].

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору[226], о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союз-

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

Г. 1608. никовъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: »Для чего срамить себя бѣгствомъ? »Даю вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!« Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на

Бѣгство къ Самозванцу.

другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ

быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ[227]! г. 1608.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу[228], орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ[229], которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную

г. 1608. мольбу Васильеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца[230], и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій[231], и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами*[232]. Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы

Развратъ въ Москвѣ.

пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!), одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ *Царику:* такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ*[233]. Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову[234], и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ къ умноженію зла. »Вельможи его« — говоритъ Лѣтописецъ — »были въ смущеніи и въ *двоемысліи:* служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки присягѣ и совѣсти.« Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева[235], еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: г. 1608.

Г. 1608. все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Знаменитая осада Лавры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымгородомъ, Вологдою, Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и

глубокимъ рвомъ[236]: предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе[237]; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. »Доколѣ« — говорили Лжедимитрію Ляхи — »доколѣ свирѣпствовать противъ »насъ симъ кровожаднымъ *вранамъ, гнѣ»здящимся въ ихъ каменномъ гробѣ*[238]? Го- г. 1608.

г. 1608. »рода многолюдные и цѣлыя области уже »твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ »войскомъ, а Чернцы ведутъ дерзкую вой»ну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и »жилище!« Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій[239]: но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго[240], хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій, Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкевичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ[241]. Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться[242]. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень[243]. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: »Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ« — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные

Г. 1608.

г. 1608. Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны*[244]. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество[245]. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: »Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но »и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя, »чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ »уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете »Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ слу»чаѣ безполезнаго упорства, падутъ ва»ши головы.« Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благо-

дарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: »упованіе наше »есть Святая Троица, стѣна и щитъ »Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ »сподвижники: не страшимся!« въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты[246].

г. 1608.

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной[247]; выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ[248], стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣпля-

Г. 1608. лись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣсницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣсницы, щиты и тарасы[249]. Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ

болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казалися страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно. Г. 1608.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ[250]. Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россій-

г. скіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ сво-
1608. ихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи[251].

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея[252]. Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго плѣнника

и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста[253]. Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу[254]. Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ[255]; стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости[256], и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ[257]. Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими г. 1608.

г. 1608. народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія: сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: »Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ »кровь Христіанскую« — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ[258]. — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ[259].

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ[260]; въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, уми-

рая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ г.
мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мель- 1608.
ницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря[261]. Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну[262]. 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія[263]. Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ,

*

Г. 1608. къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, пру-

довъ Клементьевскаго, Келарева, Коню- Г.
шеннаго и Круглаго, церквей нижняго мо- 1608.
настыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды)[264]. Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ[265]. Братъ измѣнника и переметчика[266], Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: »хочу смертію »загладить безчестіе нашего рода,« и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ[267]. Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову[268]. Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы

г. 1608. извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою[269].

Стыдясь своихъ неудачь, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками[270].

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. »Св. Сергій« — говоритъ Лѣ-

шописецъ — »*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ г.
»лашъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія 1608.
»ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, »доспѣшныхъ, и побѣждали«[271]. Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Теневевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня[272]. Другаго знатнаго Ляха, Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру[273]. Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей[274]. Осажденные едва не

Г. 1608. лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ [275]. Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время [276]. — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гу-

рій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры[277]. г. 1608.

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. »Когда« — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — »бѣдствіе и гибель ежедневно »намъ угрожали, мы думали только о ду»шѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы »обратились къ тѣлесному«[278]. Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды

Г. 1608. и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою.... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса[229].

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу[230]: ею заразились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ[231]. Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской[232].

Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые, слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ. Г. 1608.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ[233]. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣ-

г. 1608. шила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Лисовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою[284].

Бѣдствія Лавры не уменшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто

Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ[235] былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Липовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мар-

Г. 1608.

г. тіаса начали пытать и свѣдали истину:
1608. онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя[286] дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю[287]. Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру[288]. Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: »будьте непоко-

»лебимы до конца«[289]! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли, что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны[290]. г. 1608.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка[291]. Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ[292]. Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обы-

г. 1608. кновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою[293]. Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ *змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣсницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣн-

чалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣсницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы[294]. Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ. г. 1608.

Г. 1608. Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ[295], имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ[296], — велѣвъ и Боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ[297]. Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги[298]. Переславль-Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи,

Г. 1608 —609.

Измѣна городов.

г. 1609. а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью [299]; опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ [300]; но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности,

но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, как непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію[301]. Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу[302]; уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и поклонялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ[303]. Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ! г. 1609.

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда и другіе[304], тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: »да здравствуетъ Димитрій!« и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣй-

Г. 1609. ствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳедоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ[305]; взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники[306]. Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника[307]; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ[308]:

вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство[309]. Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳедоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили, рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго. . . . Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили

г. 1609.

г. 1609. граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы[310]?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось! Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

Ужасное состояніе Россіи.

»Россію терзали свои болѣе, нежели »иноплеменные: путеводителями, настав»никами и хранителями Ляховъ были на»ши измѣнники, первые и послѣдніе въ »кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ »въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись »безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ »болотахъ непроходимыхъ Россіяне ука»зывали или готовили имъ путь, и чи»сломъ превосходнымъ берегли ихъ въ »опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые »обходились съ ними какъ съ рабами. Вся »добыча принадлежала Ляхамъ: они изби-

»рали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, крас- г. 1609.
»ныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали
»на выкупъ ближнимъ — и снова отни-
»мали, къ забавѣ Россіянъ! . . . Сердце тре-
»пещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ:
»тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ ле-
»жали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное
»любострастіе искало одра для своихъ
»мерзостныхъ наслажденій. . . . Святыхъ
»юныхъ Инокинь обнажали, позорили; ли-
»шенныя чести, лишались и жизни въ
»мукахъ срама. . . . Были жены прельщае-
»мыя иноплеменниками и развратомъ; но
»другія смертію избавляли себя отъ звѣр-
»скаго насилія. Уже не сражаясь за оте-
»чество, еще многіе умирали за семей-
»ства: мужъ за супругу, отецъ за дочь,
»братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь
»Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣр-
»ный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ля-
»хами, иногда находилъ въ нихъ жалость
»и самое уваженіе къ его вѣрности; но
»измѣнники называли ихъ за то женами
»слабыми и худыми союзниками Царя
»Тушинскаго: всѣхъ твердыхъ въ добро-
»дѣтели предавали жестокой смерти; ме-
»тали съ крутыхъ береговъ въ глубину
»рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и са-
»мопаловъ; въ глазахъ родителей жгли

г. 1609. »дѣтей, носили головы ихъ на سабляхъ и »копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая »изъ рукъ матерей, разбивали о камни. »Видя сію неслыханную злобу, Ляхи со»дрогались и говорили: *что же будетъ »намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ дру»га губятъ съ такою лютостію?* Сердца »окаменѣли, умы омрачились; не имѣли ни »состраданія, ни предвидѣнія: вблизи сви»рѣпствовало злодѣйство, а мы думали: »*оно минуетъ насъ!* или искали въ немъ »личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ »круженіи головъ всѣ хотѣли быть вы»ше своего званія: рабы господами, чернь »Дворянствомъ, Дворяне Вельможами. Не »только простые простыхъ, но и знат»ные знатныхъ, и разумные разумныхъ »обольщали измѣною, въ домахъ и въ са»мыхъ битвахъ; говорили: *мы блажен»ствуемъ; идите къ намъ отъ скорби къ »утѣхамъ!* . . . Гибли отечество и Цер»ковь: храмы истиннаго Бога разорялись, »подобно капищамъ Владимірова времени; »скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; возду»хами и пеленами украшались кони; пили »изъ потировъ; мяса̀ стояли на диско»сахъ; на иконахъ играли въ кости; хо»ругви церковныя служили вмѣсто зна»менъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блуд-

»ницы. Иноковъ, Священниковъ палили г. 1609.
»огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; »отшельниковъ, Схимниковъ заставляли »пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствую»щихъ убивали.... Люди уступили свои »жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оста»вивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ »и весяхъ; враны плотоядные сидѣли ста»ницами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя »птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы »какъ горы вездѣ возвышались. Граждане »и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣ»сахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или »въ болотахъ, только ночью выходя изъ »нихъ осушиться. И лѣса не спасали: лю»ди, уже покинувъ звѣроловство, ходили »туда съ чуткими псами на ловлю людей; »матери, укрываясь въ густотѣ древес»ной, страшились вопля своихъ младен»цевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ »до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожа»рами озарялись ночи: ибо грабители »жгли, чего не могли взять съ собою, »домы и все, да будетъ Россія пустынею »необитаемою«[311]!

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплемен-

г. 1609. никовъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ [312].

Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести[313]. Не многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи[314], уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту. Г. 1609.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль-Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ[315], Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями[316], гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса̀, варенья и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино[317]. Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ[318], и кре- Тушино.

г. 1609. никовъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ [312].

Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести[313]. Не многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи[314], уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту. Г. 1609.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль-Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ[315], Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями[316], гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса̀, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино[317]. Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ[318], и кре- Тушино.

Г. 1608. щенымъ Ногайскимъ Княземъ, Араслапомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ[319]: оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; второй оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими[320] унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію[321]; тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго поповича или Жида[322], принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господ-

Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ.

ствуя надъ Россiею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспiйскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитiя, какъ обѣщали ему легкомысленные перемѣтчики[323], которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства. Г. 1608.

Миновало и возвратилось лѣто: Самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпрiятiяхъ всякое замедленiе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленiя; хотя Лжедимитрiй, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженiемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться[324], если бы Ляхи, виновники его счастiя, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрiя[325].

Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ
г. Генварѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву,
1609. такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность[326]. Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество

мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли[327]. Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, от-

г. 1609.

г. 1609. крылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство[328]. Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялися Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: »Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ вспо-

»моженіемъ утвердитъ власть свою, то г.
»чего добраго ждать Республикѣ отъ 1609.
»союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если
»Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше,
»если она, утомленная бѣдствіями, поко-
»рится и Султану или Татарамъ[329]. Дол-
»жно предупредить опасность, и легко:
»3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ
»Московское Царство; нынѣ дружины воль-
»ницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ:
»можемъ ли бояться сопротивленія?« Бы-
ли однакожь Сенаторы благоразумные,
которые не восхищались мыслію о завое-
ваніи Москвы и думали, что Республика
едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ
первому Лжедимитрію, вопреки миру,
ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на
Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участво-
вать въ злодѣйствахъ *втораго;* что Поль-
ша, бывъ еще недавно жертвою междо-
усобія, не должна легкомысленно начи-
нать войны съ Государствомъ обшир-
нымъ и многолюднымъ; что въ семъ слу-
чаѣ надлежитъ имѣть четыре войска:
два противъ Шуйскаго и мнимаго Дими-
трія, два противъ Шведовъ и собствен-
ныхъ мятежниковъ; что такія ополче-
нія безъ тягостныхъ налоговъ невозмож-
ны, а налоги опасны. Имъ отвѣтство-

г. 1609. Польша объявлеть войну Россіи

вали: »богатая Россія будетъ наша« — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ[330], одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая[331], въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою[332], и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики[333]; выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ,

куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, г. 1609.
гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій[334]? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ. . . Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не

многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

Продолженіе Василіева царствованія.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.

Г. 1608 — 1610.

г. 1608 —610. Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Цар-

скіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во впоромъ дѣлѣ оказалось мужесшво и счасшіе юнаго, еще неизвѣсшнаго Сшрашига, коему Провидѣніе гошовило благошворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя-спасишеля ошечесшва. Князь Димишрій Михайловичь Пожарскій, происходя ошъ Всеволода III и Князей Сшародубскихъ[335], царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Сшольникъ при Разсшригѣ, опасносшями Россіи вызванный на ѳеашръ кровопролишія, долженъ былъ вшорично защишишь Коломну ошъ нападенія Лишвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хошѣлъ ждашь ихъ: всшрѣшилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ шридцаши версшахъ ошъ Коломны, и на ушренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріяшеля; взялъ множесшво плѣнниковъ, запасовъ и богашую казну[336]; одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не шолько смѣлосшь, но и рѣдкое искусство, въ предвѣсшіе своего великаго назначенія.

г. 1608.

Князь Пожарскій.

Тогда же и въ иныхъ мѣсшахъ Судьба начинала благопріяшсшвовашь Царю. Мяшежники, Мордва, Черемисы и Лжедимишріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Ниж-

г. 1608. Доблесть Нижняго Нова-города. ній Новгородъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію[337]; обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и

Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, спо-

движникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы. Г. 1608.

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверныхъ[338], Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. »Несчастные! кому вы »рабски цѣловали крестъ и служите? Зло»дѣю и злодѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже »видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія уви»дите! Когда своимъ малодушіемъ преда»дите имъ Государство и Церковь; когда »падетъ Москва, а съ нею и святое оте»чество и святая Вѣра: то будете от»вѣтствовать уже не намъ, а Богу... »есть Богъ мститель! Въ случаѣ же рас»каянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ »вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: мило»сти, льготу, торговлю безпошлинную »на многія лѣта.« Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Само- Возстаніе Сѣверной Россіи.

Г. 1608. званца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: »вы опустошили наши житницы »и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою«[339]! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ[340]. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ[341]; втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, за-

мѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры[342]. Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу[343]. Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ[344], и пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ[345]. Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и г. 1608.

г. 1608. вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳедоромъ Шереметевымъ[346]; наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ. Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну[347] — гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуй-

скому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію[348]: обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи[349]; Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства? г. 1608.

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ[350], Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный

Г. 1608. измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля[351] вдругъ сдѣлалась тревога: заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками[352], обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ[353]; что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: »Мы всѣ были свидѣ»телями Василіева избранія, добровольна»го, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, при»сягали ему какъ Государю законному.

»Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ »вамъ право располагать Царствомъ безъ »Чиновъ Государственныхъ?« Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго[354]. Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: »Чего хотите? Если »убить меня, то я предъ вами, и не бо»юсь смерти; но свергнуть меня съ Цар»ства не можете безъ Думы Земской. Да »соберутся Великіе Бояре и Чины Госу»дарственные, и въ моемъ присутствіи »да рѣшатъ судьбу отечества и мою »собственную: ихъ судъ будетъ для ме»ня закономъ, но не воля крамольниковъ!« г. 1608.

г. 1608. Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому[355] и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщенiе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитрiева вторично осадила сей городъ[356]. Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей[357], къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василiй желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобилiе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патрiархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенiя, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнiю Христiанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ[358]. Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года.

Г. 1608 Голодъ

Г. 1608. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: »Мы гибнемъ отъ Царя злосчаст-»наго; отъ него кровопролитіе и голодъ!« Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи[359]; другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: »Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждать »голодной смерти?« Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей[360]. Сихъ запасовъ не могло стать на-долго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ
28 Мая. Царю съ раскаяніемъ[361]; принесъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хо-

четъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу. г. 1608.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время вели-

Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги.

*

г. 1608. чайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи[362]: прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ[363], онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду[364], требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью ты-

сячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы[365]. Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ[366], отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ[367]. Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ г. 1608.

г. 1608. спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Россіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать винимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татищева, не

давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судіею[368]. Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою[369]. Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго[370], имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король Г. 1609.
Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновье-

Г. 1609. вымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія[371]: »1) Мирный договоръ »1595 года возобновляется между Россіею »и Швеціею на вѣки вѣковъ. 2) Первой »не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ »даетъ Василію 2000 конныхъ и 3000 пѣ»шихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефим»ковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье[372]. 4) »Сіе войско въ полномъ распоряженіи Кня»зя Михаила Шуйскаго; должно занимать »города единственно именемъ Царскимъ, »и не можетъ выводить плѣнниковъ изъ »Россіи, кромѣ Ляховъ. 5) Съѣстные при»пасы будутъ ему доставляемы по цѣнѣ »умѣренной[373]. 6) Царь взаимно обязы»вается помогать Королю войскомъ на »Сигизмунда въ Ливоніи, куда открытъ »путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Рос»сійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая »Держава безъ общаго согласія не вольна »мириться съ Сигизмундомъ. 8) Царь, въ »знакъ признательности, уступаетъ Шве»ціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе, но »*тайно* до времени[374]: ибо сія уступка »можетъ произвести сильное неудоволь»ствіе между Россіянами. 9) Князь Ми-

»хаилъ Шуйскій даритъ Шведскому вой» г. 1609.
»ску 5000 рублей не въ счетъ опредѣ»леннаго жалованья. — Сія грамота бу»детъ утверждена въ Новѣгородѣ имъ »Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояриномъ »и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, а »въ Москвѣ самимъ Царемъ.«

26 Марта[375] уже вступилъ въ Россію Полководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассавскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Ододуровъ, высланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемниками ихъ, Французами, Англичанами, Шотландцами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали

Г. 1609. вымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія[371]: »1) Мирный договоръ »1595 года возобновляется между Россіею »и Швеціею на вѣки вѣковъ. 2) Первой »не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ »даетъ Василію 2000 конныхъ и 3000 пѣ»шихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефим»ковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье[372]. 4) »Сіе войско въ полномъ распоряженіи Кня»зя Михаила Шуйскаго; должно занимать »города единственно именемъ Царскимъ, »и не можетъ выводить плѣнниковъ изъ »Россіи, кромѣ Ляховъ. 5) Съѣстные при»пасы будутъ ему доставляемы по цѣнѣ »умѣренной[373]. 6) Царь взаимно обязы»вается помогать Королю войскомъ на »Сигизмунда въ Ливоніи, куда открытъ »путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Рос»сійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая »Держава безъ общаго согласія не вольна »мириться съ Сигизмундомъ. 8) Царь, въ »знакъ признательности, уступаетъ Шве»ціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе, но »*тайно* до времени[374]: ибо сія уступка »можетъ произвести сильное неудоволь»ствіе между Россіянами. 9) Князь Ми-

»хаилъ Шуйскій даритъ Шведскому вой- г. 1609.
»ску 5000 рублей не въ счетъ опредѣ»леннаго жалованья. — Сія грамота будетъ утверждена въ Новѣгородѣ имъ »Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояриномъ »и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, а »въ Москвѣ самимъ Царемъ.«

26 Марта[575] уже вступилъ въ Россію Полководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассавскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Одоуровъ, высланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемниками ихъ, Французами, Англичанами, Шотландцами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали

г. 1609. Делагарди и Генераловъ его для свиданія съ Княземъ Шуйскимъ...

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. »Князь Ми»хаилъ« — пишетъ современный Шведскій Историкъ[376] — »имѣлъ 23 года отъ »рожденія, прекрасную душу, умъ не по »лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку »пріятную, искусство въ битвахъ и въ »обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ. Де»лагарди сказалъ ему, что Королю из»вѣстны всѣ ухищренія Ляховъ; что онъ »прислалъ рать и готовитъ еще силь»нѣйшую для вспоможенія Россіи, желая »благоденствія Царю и народу ея, а вра»гамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, »кланяясь, опустилъ руку до земли; изъя»влялъ благодарность; увѣрялъ, что Рос»сія усердна къ Царю и волнуема только »малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ »легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ »союзниковъ. Разсуждали, какъ дѣйство»вать и съ чего начать. Делагарди тре»бовалъ впередъ жалованья войску: Князь »Шуйскій обѣщалъ немедленно выдать »8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 со»болями; утвердилъ (4 Апрѣля) Выборг-

»скій договоръ, и самъ проводилъ Делагар- г. 1609.
»ди до воротъ крѣпости.«

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливоніею и Финляндіею, заняться прежде всего осадою Копорья, Иванягорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ[377]; но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно итти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ[378]. Порховъ, Торопецъ сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій[379] съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглокова, Князь Михаилъ от-

Г. 1609. рядилъ туда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячь воиновъ, они сразились съ непріятелемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отпѣвъ молебенъ въ Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 Мая) главную рать. Новгородъ, нѣкогда *Великій*, столь многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ: тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ[380]! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами: Князь Барятинскій, Воевода усердный и мужественный, привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму[381]. Союзники спѣшили къ Твери: тамъ засѣли Зборовскій и Керносицкій, бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно, во время сильнаго дождя, который препятствовалъ дѣйствію пальбы: непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Шведовъ, обратилъ Французовъ въ бѣгство; Нѣмцы, Финляндцы, Россіяне также дали тылъ, — и хотя правое крыло, гдѣ на-

чальствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и вытѣснило Ляховъ въ городъ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненный едва спасся отъ плѣна: но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя сутки. Въ слѣдующую ночь, когда Ляхи безпечно спали въ Острогѣ, Князь Михаилъ тихо приблизился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ[382]. Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за мужество Шведовъ[383], которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и ненужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжитъ. Чрезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами[384]. Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новогородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. До-

г. 1609.

Г. 1609. селѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ[385], что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ *древней Греческой вѣры, вольности и льготы*, — для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества[386]. Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: »мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ«[387]. Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буйность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сія неожидаемая измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ итти въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что

имъ не выдано полнаго жалованья; что вѣроломство Московскаго народа всѣмъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома[388]. Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечь, грозилъ — и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ[389], для прикрытія бунта, жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу наканунѣ величайшей для него опасности и славы[390]. Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ про-

г. 1609.

г. 1609. иствіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою[391]: разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры[392]: защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска[393] и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила[394]. Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому,

что они торжествують побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ[595]: оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: »Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына — и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь »Царя гнѣвнаго со всѣмъ Литовскимъ »войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, »для казни вашего ослушанія.« Имъ отвѣтствовали единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): »Всевышній съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вамъ вѣрили? »скажите, что Князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и вос- г. 1609.

г. 1609. »хвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите »съ мечемъ на мечь, и Господь разсудитъ »виновнаго съ правымъ!« Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ[596]! Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Лахъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ*[597]. Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова[598], а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ мо-

настырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева[399], сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: »Слышимъ о твоемъ »великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда »ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься »отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого »веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое »и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣ»ковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ »Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя »надежны, какъ на свою душу«[400]. — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ[401]. Имѣя едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме[402], Князь Михаилъ рѣшился однакожъ встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали г. 1609.

г. 1609. непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями[405], не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сно-

сился съ городами сѣверными, принималъ г. 1609.
отъ нихъ дары, казну и воиновъ[404]; поручилъ Генералу Зоме устроенiе дружинъ, образованiе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпрiятiй. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ[405]: Послы Скопина настигли его въ Кресттцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями[406], и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденiя Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непрiятельскiе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрiй еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять

Г. 1609. Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою [407]. Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными [408],

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева[409]. Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области[410]; мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ мило-

Г. 1609. Побѣда Царскаго войска.

г. 1609. Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою[407]. Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ-Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными[408],

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева[409]. Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области[410]; мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ мило-

Г. 1609. Побѣда Царскаго войска.

г. 1609. ствымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ[411]. — Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владимiра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитрiева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердiемъ принялъ Воеводъ Царскихъ[412].

Уже безъ легкомыслiя можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ — стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружiя. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенiя силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино... и вдругъ едва не впали въ новое отчаянiе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченiи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣ-

дамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, второй и третій внуками Іоанна Грознаго[413]. »Злодѣи рабскаго племени« — говоритъ Лѣтописецъ — »холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись »одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей, даже небывалыхъ, и надѣялись »властвовать въ ней, какъ союзники и »ближніе Тушинскаго злодѣя«[414]. Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними. Въ опасностяхъ, не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани[415], предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія[416], перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода

г. 1609.

Три Самозванца.

Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.

Г. 1608. его, Лѧхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной[417]; съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились[418], и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей.

Новый мятежъ въ Москвѣ. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: »хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ »Тушинскій!« . . . Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною[419]: сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно,

при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву. г. 1609.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля-Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати[420]. 16 Сентября пришелъ наконецъ и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность[421]. Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще Слобода Александровская.

г. еще напоминало его время: дворецъ, пять
1609. богатыхъ храмовъ[422], чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ[423]. Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову[424]. Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ[425], хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской по-

бѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими выдазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними. Г. 1609.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы[426]. Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки[427]. Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гетманъ Побѣда надъ Сапѣгою.

г. 1609. Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ[428], почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось.

Уже Слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля[429], Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи[430]. Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей.

Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе. Г. 1609. Любовь къ Князю Михаилу.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною черні[431]; а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто

Г. 1609. господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова[432], измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ России, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами[433]. Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево серд-

Предлагаютъ вѣнецъ Герою.

це; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась. Г. 1609.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова - Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ[434]. Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. — Между тѣмъ

Разбои.

г. 1609. разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка[435]: выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый, — встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы Князья Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы[436].

Пожарскій.

Осада Смоленска. Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый

непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ Сигизмунду[437]. Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ избавиться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго. г. 1609.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ[438]; расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ[439], и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюб-

г. цевъ, которые беззаконно въ ней цар-
1609. ствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью[440]. За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: »мы въ храмѣ Богоматери »дали обѣтъ не измѣнять Государю на»шему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, Ли»товскому Королю, и твоимъ Панамъ не »раболѣпствовать во вѣки[441]. Пославъ Си-

гизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: »Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у »насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли »къ намъ присоединиться: ибо Король »обманываетъ ихъ вольностію; но мы »будемъ стоять усердно.« Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы. г. 1609.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ Монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но

г. 1609. не могли вломиться въ крѣпость[442]. 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи*[443] или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ[444]. Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. — Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію[445]. »Чего хочетъ Сигизмундъ?« говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: »лишить насъ славы и »возмездія за труды; взять даромъ, что »мы въ два года пріобрѣли своею кровію »и побѣдами! Сѣверская земля есть наша »собственность: изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье — »и кто же въ ней теперь властвуетъ? »новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; »а мы остаемся въ бѣдности, съ однѣми »ранами!« Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими[446]. Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ

г. 1609. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

Г. 1608.

Расприи между Сигизмундомъ и Конфедератами.

своими товарищами новый союзъ[447]: они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали сказать Сигизмунду: »Если сила и »беззаконіе готовы исхитить изъ на»шихъ рукъ достояніе меча и геройства, »то не признаемъ ни Короля Королемъ, »ни отечества отечествомъ, ни братьевъ »братьями«[448]! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: »Ваше Величество все зна»ли, и единственно намъ предоставляли »кончить войну за Димитрія, еще болѣе »для Республики, нежели для насъ выгод»ную; но вдругъ, неожиданно, вы являе»тесь съ полками, отнимаете у него зе»млю Сѣверскую, волнуете, смущаете »Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вре»дите дѣлу, уже почти совершенному на»ми!... Сія земля нашею кровію увлаже»на, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ »могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ »кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ.... »Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе »всѣ мы, остальные, положимъ также »свои головы... и врагъ Димитрія, кто »бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!« Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: »Издревле витязи Рес»публики, рожденные въ нѣдрахъ златой

»свободы, любили искать воинской славы Г. 1609.
»въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ
»мечемъ, *истиннымъ Марсовымъ раломъ*,
»*воздѣлывали землю Московскую*, *чтобы*
»*пожать на ней честь и корысть*. Сколь
»же горестно намъ видѣть противниковъ
»въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей
»горести простираемъ руки къ тебѣ,
»Гетману отечественнаго воинства, на-
»шему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни
»Сенату, блюстителю законовъ и сво-
»боды, чего мы требуемъ справедливо:
»да удержитъ Сигизмунда.« . . . Тутъ Па-
ны и Дворяне Королевскіе воплемъ него-
дованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли
Посламъ удалиться, язвительно издѣва-
лись надъ ними; спрашивали въ насмѣшку
о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о
второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи[449]
— и дали имъ, отъ имени Сигизмундова,
слѣдующій отвѣтъ письменный: »Вамъ
»надлежало не посылать къ Королю, а
»ждать его Посольства: тогда вы узнали
»бы, для чего онъ вступилъ въ Россію.
»Отечество наше конечно славится рѣд-
»кою свободою; но и свобода имѣетъ за-
»коны, безъ коихъ Государство стоять
»не можетъ. Законъ Республики не дозво-
»ляетъ воевать и Королю безъ согласія

г. 1609. »Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди »частные, своевольнымъ нападенiемъ раз»дражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: »вами озлобленный, Шуйскiй мститъ ей »Крымцами и Шведами. Легко призвать, »трудно удалить опасность. Хвалитесь »побѣдами; но вы еще среди непрiятелей »сильныхъ... Идите и скажите своимъ »клевретамъ, что искать славы и коры»сти беззаконiемъ, мятежничать и нагло »оскорблять Верховную Власть есть дѣ»ло не граждан свободныхъ, а людей ди»кихъ и хищныхъ«[450].

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ прѣнiи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостiю, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренiя крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитрiевомъ станѣ; узналъ о несогласiи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣнiи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желанiи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими,

дѣйствовать за-одно съ Королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною[451]. Онъ предписалъ имъ, что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія[452], но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ[453]. Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ, служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Г. 1609.

Посольство Королевское въ Тушино.

г. 1609. Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ[454], умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збараскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ[455], спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды[456]. Выслушавъ рѣчь Посоль-

скую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. »Согласно ли съ достоинствомъ Короля« — возражали Послы — »имѣть владѣнную »грамоту на Россійскія земли отъ того, »кому большая часть Россіянъ даетъ имя »обманщика[457]? и благоразумно ли проли»вать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?« Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. »Вспомните« — отвѣтствовали имъ — »что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь »нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ; ко»гда же Богъ покоритъ Сигизмунду вели»кую Державу Московскую, тогда и преж»няя ваша служба не останется безъ воз»мездія, хотя вы служили не Государю, »не Республикѣ, а человѣку стороннему, »безъ ихъ вѣдома и согласія.« О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни г. 1609.

г. 1609. слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоносным. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго[453], и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичь въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и чествивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемь, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. »Сіи люди« — пишетъ Историкъ Польскій[459] — »угнетенные дол»говременнымъ злосчастіемъ, не могли »найти словъ для выраженія своей бла»годарности: печальныя лица ихъ освѣ»тились радостію; они плакали отъ уми»ленія, читали другъ другу письмо Ко»ролевское, цѣловали, прижимали къ серд»цу начертаніе его руки, восклицая: *не »можемъ имѣть Государя лучшаго!*«... Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ Россіянами; но какими? Сонмомъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые, нарушивъ три присяги[460], и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедимитрія

Г. 1609.

Переговоры съ Тушинскими измѣнниками.

Г. 1609. и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе Короля и подъ сѣнію новаго царствующаго Дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ[461], ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни[462], чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размы-

шленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію[463]: условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ замышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ нетрезвый забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку[464]. Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: »Гетманъ »выдаетъ меня Королю; я долженъ спа»саться: прости« — и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось!

Г. 1609.

Бѣгство Лжедимитрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ

г. 1609. стане, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку[465]. Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ[466]. Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву[467]; знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Высокомѣріе Марины. Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей

Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: »Благодарю за »добрыя желанія и совѣты; но правосу»діе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, »Шуйскому, насладиться плодомъ вѣро»ломства. Кому Богъ единожды даетъ »величіе, тотъ уже никогда не лишает»ся сего блеска, подобно солнцу, всегда »лучезарному, хотя и затмѣваемому на »часъ облаками«[468]. Она писала къ Королю: »Счастіе меня оставило, но не лишило »права Властительскаго, утвержденнаго »моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукрат»ною присягою Россіянъ;« желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ[469].

Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, Г. 1610.

Г. 1610. но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры[470]. Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ[471], Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати[472]. Составились дружины тѣлохранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ[473]: ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россія-

Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ.

нами, во всѣхъ городахъ, еще подвласт- Г. 1610.
ныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ[474]. Тамъ же истерзали и добраго Окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ[475], свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хвалялся особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери[476]! И кровію Ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы[477]: Само-

г. 1610. званецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ[478]: они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали[479]; но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ[480]. Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, красно-

Волненіе въ Тушинѣ.

рѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: »Послы Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! Гдѣ »тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого »будемъ требовать награды?« Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи[481] и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться. Г. 1610.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала верхомъ къ мужу, провождаемая только слугою и служанкою[432]. Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: »Безъ друзей и ближнихъ, одна »съ своею горестію, я должна спасать »себя отъ наглости моихъ мнимыхъ за»щитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пи»ровъ, клеветники гнусные равняютъ »меня съ женами презрительными, умы»шляютъ измѣну и ковы. Сохрани Боже, »чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать 11 Февр. Бѣгство Марины

Г. 1610. »мною и выдать меня человѣку, которо»му ни я, ни мое Царство не подвластны! »Утѣсненная и гонимая, свидѣтельству»юсь Всевышнимъ, что не престану блю»сти своей чести и славы, и бывъ Вла»стительницею народовъ, уже никогда »не соглашусь возвратиться въ званіе »Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе »воинство не забудетъ присяги, моей бла»годарности и наградъ ему обѣщанныхъ, »удаляюсь«[483]. Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: »Злодѣй! »Ты выгналъ злосчастную Марину твоею »буйностію, въ чаду высокоумія и пьян»ства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Ко»ролемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ »нашихъ рукъ казну Московскую! Возвра»ти намъ Димитрія, или умри, измѣн»никъ!« Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать инаго начальника[484] и немедленно итти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. »Ни за что не ру-

»чаюсь« — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — »если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаніямъ войска и Бояръ Московскихъ, съ нами соединенныхъ«[485]. г. 1610.

Сіи желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и Ляховъ Тушинскихъ. Въ числѣ сорока-двухъ первыхъ находились Михайло Салтыковъ и сынъ его, Иванъ, Князья Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый[486], который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 Генваря) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Ѳеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ — не Си-

Посольство Тушинское къ Королю.

г. 1610 гизмунду, но юному Королевичу Владиславу[487]; а Грамотинъ заключилъ изображенiемъ выгодъ, безопасности, благоденствiя обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскiй Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россiйской Державы и Церкви, и назначитъ Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры началися немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: »Съ того времени, какъ смер»тiю Iоаннова наслѣдника извелося Дер»жавное племя Рюриково, мы всегда же»лали имѣть одного Вѣнценосца съ вами: »въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей »Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичь »Салтыковъ, зная всѣ тайны государ»ственныя. Препятствiемъ были грозное »властвованiе Борисово, успѣхи Лжедими»трiя, беззаконное воцаренiе Шуйскаго и »явленiе втораго Самозванца, къ коему »мы пристали, не вѣря ему, но отъ не»нависти къ Василiю, и только до вре»мени. Обрадованные вступленiемъ Коро»ля въ Россiю, мы тайно снеслися съ

»людьми знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣда- г. 1610.
»ли ихъ единомысліе съ нами и давно
»прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы
»Ляхи Лжедимитріевы тому не проти-
»вились. Нынѣ же, когда Вожди и войско
»готовы повиноваться законному Монар-
»ху, объявившему намъ чистоту своихъ
»намѣреній, — нынѣ смѣло убѣждаемъ Его
»Величество дать намъ сына въ Цари:
»ибо ему самому, Государю иной великой
»Державы, не льзя оставить ее, ни упра-
»влять Московскою чрезъ Намѣстника.
»Вся Россія встрѣтитъ Царя вождѣлен-
»наго съ радостію; города и крѣпости
»отворятъ врата; Патріархъ и Духовен-
»ство благословятъ его усердно. Только
»да не медлитъ Сигизмундъ; да идетъ
»прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско,
»угрожаемое превосходными силами Ско-
»пина и Шведовъ. Мы впереди: укажемъ
»ему путь и средства взять столицу;
»сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго,
»какъ жертву, уже давно обреченную на
»гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый
»съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, до-
»селѣ безполезнымъ — тогда и все Госу-
»дарство послѣдуетъ нашему примѣру.«
Но, боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить
судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича

г. 1610. народу ославленному строптивостію и мятежами[488], или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что *если* Всевышній благословитъ доброе желаніе Россіянъ; *если* грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; *если*, въ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ — и готовъ итти къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не велѣть. »Сіи люди« — говоритъ Польскій Историкъ[489] — »мало заботились о правахъ и вольностяхъ государственныхъ: »твердили единственно о Церкви, монастыряхъ, обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существеннымъ »предметомъ, необходимымъ для ихъ мира

»душевнаго и счастія.« Именемъ Королевскимъ Сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы Королевичь, *если* Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ[490]; а Послы клялися оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить Государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его[491]. Въ тоже время Король писалъ къ Сенату, что Москва въ смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василіемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія Республики и завоевать часть Россіи или всю Россію[492]! Не могли Салтыковъ и клевреты его быть слѣпыми: они видѣли, что Король готовитъ Царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять нашего Закона: но ужасаясь близкаго торжества Василіева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣ-

г. 1610.

Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ.

г. 1610. пленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости[493]. Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ: они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому[494]. Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а му-

жу ея Княжество особенное[495]. Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія, Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлить Марину и Лжедимитрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ — а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика. Г. 1610.

Вѣсти Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги[496], и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. »Царица Мо-

Г. 1610. »сковская« — сказала Марина — »не бу-»детъ жалкою изгнанницею въ домѣ ро-»дительскомъ« — и взявъ у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, при-

Марина въ Калугѣ.

скакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ убранствѣ юнаго витязя[497]. Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ, — а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ, какъ въ осадѣ, или, толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михаиловыхъ отрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ[498], прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить станъ и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буйность страхомъ.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и

Нарвы[499]. Готовились итти прямо на Г.
Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озабо- 1610.
тить ихъ и съ другой стороны: послали Успѣхи
Воеводъ Хованскаго, Боряшинскаго и Гор- Князя Ми-
на[500], занять южную часть Тверской и хаила.
сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ долженъ былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взялъ тамъ дружину Жеребцова[501], утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и Гетмана отдѣльно. Но дерзость перваго уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя шесть тысячь сподвижниковъ[502], изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Иноки и воины Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упор-

Г. 1610. наго[503]! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится — и чрезъ восемь дней послали наконецъ Инока Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сія не только святостію, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны монастырской[504]. — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову[505], и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Нача-

Освобожденіе Лавры.

лось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ[506].

Г. 1610.

Бѣгство Сапѣги.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ[507], заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы итти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Са-

Г. 1610. мозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города[508], надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ[509] освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета) Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе втораго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову: Полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы[510], или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ[511], и предла-

Опустѣніе Тушина.

галъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло главное, страшное ополченіе удальцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой!.. Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ, Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ[512] оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій, гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутренность Государства успокоилась. г. 1610.

Дѣло Князя Михаила.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Царства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей — находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣ-

г. 1610. наго[503]! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится — и чрезъ восемь дней послали

Освобожденіе Лавры.

наконецъ Инока Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сія не только святостію, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны монастырской[504]. — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову[505], и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Нача-

лось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ[506]. Г. 1610. Бѣгство Сапѣги.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ[507], заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы итти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Са-

г. 1610. мозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города[508], надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ[509] освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета) Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе втораго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову: Полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы[510], или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ[511], и предла-

Опустѣніе Тушина.

галъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло главное, страшное ополченіе удальцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой!.. Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ, Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ[512] оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій, гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутренность Государства успокоилась. г. 1610.

Дѣло Князя Михаила.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Царства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей — находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣ-

Г. 1610. лость Россіи отъ Запада до Востока, разсѣять сонмы непріятелей многочисленныхъ и взять одною угрозою крѣпкіе, годовые ихъ станы — Князь Михаилъ двинулся изъ Лавры, имъ освобожденной, къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы вкусить сладость добродѣтели, увѣнчанной славою.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ, другіе съ гордостію, шли какъ братья, Воеводы и воины, на торжество рѣдкое въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знатнымъ чиновникамъ встрѣтить Князя Михаила: народъ предупредилъ чиновниковъ[513]; стѣснилъ дорогу Троицкую; поднесъ ему хлѣбъ и соль, *билъ челомъ* за спасеніе Государства Московскаго, давалъ имя *отца отечества;* благодарилъ и сподвижника его, Делагарди. Василій также благодарилъ обоихъ, съ слезами на глазахъ, съ видомъ искренняго умиленія. Казалось, что одно чувство всѣхъ одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражданина. Москва, бывъ еще не давно столицею безъ Государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не знавъ, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престо-

Торжественное вступленіе Героя въ Москву. 2 Марта.

лѣ, законнаго ли Вѣнценосца Россійскаго г.
или бродягу, клеврета разбойниковъ ино- 1610.
земныхъ — Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому, — опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные, и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности[514]: гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ клики живѣйшей къ нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не предвидя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество — и Князь Михаилъ, среди свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный ни честію, ни славою, требовалъ указа Царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очистить южные предѣлы ея, успокоить Государство навѣки, имѣя все для успѣха несомнитель-

Г. 1610. наго: войско, доблесть, счастіе или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество наше должно было возродиться для величія!

ГЛАВА IV.

Низвержение Василія и междоцарствіе.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена.

Г. 1610 — 1611.

Въ то время, когда всякой часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Рос- Г. 1610.

Г. 1610. сію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ — когда всѣ друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живѣйшую ревность[515], а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю итти въ поле — минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, — что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный Князь Михаилъ для него опасенъ[516], любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе Царя и явно въ Цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя Героя, многіе Дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею[517]; многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали

Наушники.

что въ Россіи будетъ Вѣнценосецъ, име- Г.
немъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою уми- 1610.
рить Государство: »чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына »оправдало гадателей,« пишетъ Историкъ чужеземный[518]; но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери, Анастасіи[519]. Князь Дмитрій, духомъ слабый[520], сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева[521]. Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату, — даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ Героя — но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, Князь Ми-

*

г. 1610. хаилъ спѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія[522]: ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга[523]: Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали итти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуй-

скій давалъ обѣдъ Скопину[524]. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!... Москва въ ужасѣ онѣмѣла. Г. 1610. Кончина Скопина Шуйскаго.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду[525], и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Горесть народная.

г. 1610. Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Θеодора Іоанновича: любивъ Θеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михаилова, столь нежидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго[526]: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши

Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; Г. 1610.
тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя[527], стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца[528]. Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось — и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

г. 1610. хаилъ спѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія[522]: ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга[523]: Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали итти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуй-

скій давалъ обѣдъ Скопину[524]. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!... Москва въ ужасѣ онѣмѣла. Г. 1610. Кончина Скопина Шуйскаго.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду[525], и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Горесть народная.

г. 1610. Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Θеодора Іоанновича: любивъ Θеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михаилова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго[526]: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши

Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; Г. 1610.
тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя[527], стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца[528]. Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось — и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

г. 1610. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ.

Надлежало избрать Военачальника: избрали того, кто уже давно былъ нелюбимъ, а въ сіе время ненавидимъ: Князя Дмитрія Шуйскаго. Россіяне вышли въ поле съ уныніемъ и безъ ревности: Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя готоваго серебра, Василій требовалъ его отъ Иноковъ Лавры; но Иноки говорили, что они, давъ Борису 15,000, Разстригѣ 30,000, самому Василію 20,000 рублей, остальною казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои, поврежденныя непріятельскою стрѣльбою[529]. Царь силою взялъ у нихъ и деньги и множество церковныхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, для сплавки. Иноки роптали: народъ изъявлялъ негодованіе, уподобляя такое дѣло святотатству. Одни Шведы, изъявивъ участіе въ народной скорби о Михаилѣ[530], ими также любимомъ, казались утѣшенными и довольными, получивъ жалованье — и Делагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитріемъ къ Можайску, чтобы освободить Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзниковъ, не бывалыхъ подъ хоругвями Христіанскими: Крымскихъ Царевичей съ толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ

и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и миллiоны людей не замѣняютъ.... Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели[531], уже не спасся въ третій! г. 1610.

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Димитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія[552], все, Бунтъ Ляпунова.

г. 1610. кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростію и добродѣтелію, Князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы, прислалъ мятежную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія: Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова съ дружиною, и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы Московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ явился Воевода Лжедимитріевъ, Князь Черкасскій, и разбилъ Царскаго Воеводу, Князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно[553]. Чего хотѣлъ сей мятежникъ? Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедимитрія, отъ Ляховъ, и быть Государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ Историкъ[554]; другіе пишутъ вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ, Бояриномъ Княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, но не долго: онъ презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное, видя и безъ того легкое исполненіе же-

лаемаго имъ и многими иными врагами Г. Царя несчастнаго. 1610.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву: другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску, а Ляхи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ, что Россія лишилась своего Героя, и вѣря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевретами, что сія кончина есть паденіе Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ[535]. Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ[536]: имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ, они уклонились отъ битвы и спѣшили присоединиться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожно-

г. 1610. стію: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу[537]; имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣпленій — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помоцъ къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны: ибо клевреты Салтыкова окружали, вели его, — сносились съ своими единомышленниками въ Царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе, и ручались Жолкѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы Шведскіе, Нѣмцы, Французы, Шотландцы[538], являясь къ нему толпами, и сказывая, что всѣ ихъ товарищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ Ляхамъ. Шведы дѣйствительно, едва вышедши изъ Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать: Князь Дмитрій далъ имъ еще 10,000 рублей, но не могъ удовольствовать, ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ: они

шли не-хотя, и грозили, казалось, болѣе союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго, еще болѣе проницательнаго, нежели смѣлаго. г. 1610.

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, Гетманъ ввечеру (23 Іюня) съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому, столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рать непріятельскую предъ собою; а Гетманъ, принужденный итти верстъ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ, близъ села Клушина, между полями и лѣсомъ, плетнями и двумя деревеньками, обширный станъ тридцати тысячь Россіянъ и пяти тысячь Шведовъ, ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плетни, и трескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные незапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ кустарникѣ, — Россіянъ и Шведовъ особенно. Гетманъ съ труб-

Битва подъ Клушинымъ Іюня 24.

г. 1610. нымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ: конница Московская дрогнула; но подкрѣпленная новымъ войскомъ, стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ, что Жолкѣвскій, стоя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма[539]. Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины; стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы отступили къ лѣсу; Французы, Нѣмцы, Англичане, Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: сто гнало тысячу. Князья Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли-было въ станѣ съ пѣхотою и пушками; но узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали въ лѣсъ, усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными, чтобы прелестію добычи остановить непріятеля. Делагарди — въ искренней горести, какъ пишутъ[540] — ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василію, и захвативъ казну

Шуйскаго, 5450 рублей деньгами и мѣ- г.
ховъ на 7000 рублей[541], съ Генераломъ 1610.
Горномъ и четырмя стами Шведовъ уда- Делагарди
лился къ Новугороду, жалуясь на мало- отступаетъ
душіе Россіянъ столько же, какъ и на къ Нову-
мятежный духъ Англичанъ и Французовъ, городу.
письменно обѣщая Царю новое вспоможеніе отъ Короля Шведскаго, а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Но стыдъ союзниковъ уменьшался стыдомъ Россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали нелюбви къ Царю любовію къ отечеству, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михаилова, думая, кажется, что побѣда Ляховъ губитъ только несчастнаго Василія, и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный, Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на Царское войско. Не многіе легли въ дѣлѣ: одинъ знатный Князь Яковъ Борятин-

г. 1610. скій палъ сражаясь; Воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ. 11 пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго, его карета, шлемъ, мечь и булава, также не мало богатства, суконъ, соболей, присланныхъ Царемъ для Шведовъ, были трофеями и добычею Ляховъ. Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска, и сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу[542].

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу, гдѣ Россіяне, ночью, были пробуждены шумомъ и кликомъ: Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить: Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдалися, не Ляхамъ, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частію Россіи[543]. Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана итти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры: имъ отвѣтствовали: »когда вы сдадитесь, то и Мо-

»сква будетъ наша.« Волуевъ, болѣе Елецкаго властвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣшилъ ихъ недоумѣніе: присягнулъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ[544]; другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ Ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ.... Смѣлый въ битвахъ, Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному, что нѣтъ инаго, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодою для Республики[545]! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича, вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Г. 1610. Поляки занимаютъ Царево-Займище.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. »Виною всѣхъ вашихъ золъ« — писалъ Гетманъ — »есть Шуйскій: отъ »него Царство въ крови и въ пеплѣ. Для »одного ли человѣка гибнуть милліонамъ?

г. 1610. »Спасеніе предъ вами: побѣдоносное войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ«[546]! Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный твердости въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія Царства[547]; ободрялъ Москвитянъ, давалъ деньги Стрѣльцамъ[548]; хотѣлъ писать къ Гетману, назначилъ гонца, но отмѣнилъ, чтобы не унизиться безполезно, въ такихъ обстоятельствахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина[549]: Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ.... Грозы внѣшнія

Отчаяніе столицы. еще умножились: явился и Лжедимитрій въ полѣ, съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячь рублей[550], доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще ка-

зался опаснѣйшимъ Царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья Хана, уже близъ Серпухова, Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей, Князя Воротынскаго, Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками, чтобы вести ихъ противъ Самозванца[551]; но Крымцы, встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго, ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лыковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Москву. Все кончилось для Василія! Снова торжествовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастіе. Сапѣгины Ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали вѣрный Князь Михайло Волконскій и два предателя: первый сражался какъ Герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, впустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія (оставивъ для вѣковъ память[552] своей доблести въ гербѣ Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь трупами Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дотолѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная Сотникомъ Бобынинымъ. Не слушая до-

Г. 1610.

Новые успѣхи Самозванца.

г. 1610. браго Епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не быть Царемъ, и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Туренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостію Князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ тишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, остаться вѣрными Василію, если Василій останется Царемъ, или служить Царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій[553]. Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Твердость Пожарскаго.

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ[554], памятномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣжденный Гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый

Ляпуновымъ и крамолою, малодушіемъ и зломысліемъ, безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и безполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать? Ненавистники Василіевы уже громогласно требовали его сверженія; кричали: »Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома »земли Русской[555]: для того земля раздѣ»лилась; для того льется кровь Христі»анская. Братья Василіевы ядомъ умер»твили своего племянника, а нашего от»ца-защитника. Не хотимъ Царя Василія!« *Ни Самозванца, ни Ляховъ!* прибавляли многіе, благороднѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Ляпунова Рязанскаго, брата его

г. 1610.

Ропотъ народный.

г. 1610. Захаріи и Князя Василія Голицына[556]. Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ; гнушаясь Лжедимитріемъ, думали усовѣстить его клевретовъ, чтобы усилиться ихъ союзомъ, и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго: Князья Сицкій и Засѣкинъ, Дворяне Нагой, Сунбуловъ, Плещеевъ, Дьякъ Третьяковъ и другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловскаго монастыря[557], какъ братья; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія; наконецъ взаимно дали клятву, Москвитяне оставить Василія, измѣнники предать имъ Лжедимитрія, избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей договоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ, выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, находилось и множество людей сановныхъ, лучшихъ гражданъ, гостей и купцевъ: всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость[558]; всѣ казались увѣренными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Синклита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпу-

ховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана — указывая на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана — предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели, избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ [559]. Говорили, что »земля »Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Лжеди»митріевы немедленно возвратятся подъ »сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ »Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и »страшнаго; что Государство безсильно »только отъ раздѣленія силъ: соединит»ся, усмирится . . . и враги исчезнутъ!« Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ [560]. Весьма не многіе Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горе- г. 1610.

Г. 1610. стію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, и сія народная Дума единодушно, единогласно приговорила: »1) *бить челомъ* Василію, да оставитъ Царство и да возметъ себѣ въ »удѣлъ Нижній-Новгородъ[561]; 2) уже никогда не возвращать ему престола, но »блюсти жизнь его, Царицы, братьевъ »Василіевыхъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ »міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Церкви и Государству для истребленія ихъ »злодѣевъ, Ляховъ и Лжедимитрія; 4) всею »землею выбрать въ Цари, кого Богъ »дастъ; а между тѣмъ управлять ею »Боярамъ, Князю Мстиславскому съ товарищами, коихъ власть и судъ будутъ »священны; 5) въ сей Думѣ верховной не »сидѣть Шуйскимъ, ни Князю Дмитрію, »ни Князю Ивану; 6) всѣмъ забыть вражду личную, месть и злобу; всѣмъ помнить только Бога и Россію«[562]. Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія: щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали къ Василію, еще Вѣнценосцу, знатнаго Боярина, его свояка, Князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими,

объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ: ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василій ожидалъ ихъ безъ трепета, воспоминая, можетъ быть, невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ, подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же дворцу, въ день Разстригиной гибели!.... Захарія Ляпуновъ, увидѣвъ Царя, сказалъ: »Василій Іоанновичь! ты »не умѣлъ царствовать: отдай же вѣнецъ »и скипетръ«[563]. Шуйскій отвѣтствовалъ: »какъ смѣешь!«... и вынулъ ножъ изъ-за пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ростомъ, силы необычайной, грозилъ ему своею тяжкою рукою.... Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть, но Вѣнценосцемъ, и волю мятежниковъ, испровергающихъ законъ, не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію, и былъ, вмѣстѣ съ юною супругою, перевезенъ изъ палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ участи Борисова семейства[564], зная, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

г. 1610.

Василій лишенъ престола. 17 Іюля.

г. 1610. Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клевреты его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго[565], что Шуйскій сведенъ съ престола, и что Москва, въ слѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедимитрія, для казни. Тушинцы отвѣтствовали: »Хвалимъ ваше дѣло. Вы »свергнули Царя беззаконнаго; служите же »истинному: да здравствуетъ сынъ Іоан»новъ! Если вы клятвопреступники, то »мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Ди»митрія«[566]! Достойно осмѣянные злодѣями, Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на Царство; но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали: страшились мести Василіевой, и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Тщетныя увѣщанія Патріарха.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, не многимъ жалкій, Царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предъ тѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ, имъ собран-

ныхъ и движимыхъ[567], рѣшилась гибель Г. 1610.
Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее утро, 18 Іюля.
явились Захарія Ляпуновъ, Князь Петръ Засѣкинъ[568], нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Иноками и Священниками, съ толпою людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію, еще гнушаясь новымъ цареубійствомъ и считая келлію надежнымъ преддверіемъ гроба. »Нѣтъ!« сказалъ Василій съ твердостію: »никогда не буду Монахомъ« — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія; но смотря на многихъ извѣстныхъ ему Москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: »Вы нѣкогда любили меня.... »и за что возненавидѣли? за казнь ли »Отрепьева и клевретовъ его? Я хотѣлъ »добра вамъ и Россіи; наказывалъ единственно злодѣевъ — и кого не миловалъ«[569]? Вопль Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Читали молитвы постриженія, совершали обрядъ священный, и не слыхали уже ни единаго слова отъ Василія: онъ безмолвствовалъ, и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества Князь Туренинъ[570]. Постригли и несчастную Царицу, Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ су-

Постриженіе Василія и супруги его.

Г. 1610. пругу: она рвалась къ нему, стенала, называла его своимъ *Государемъ милымъ*, Царемъ великимъ народа недостойнаго[571], ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ Инока. Ихъ разлучили силою: отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилію безбожному, кромѣ Ермогена: онъ торжественно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за Помазанника Божія, Царя Россіи, хотя и невольника; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ Инокомъ не Василія, а Князя Туренина, который вмѣсто его связалъ себя обѣтами Монашества[572]. Уваженіе къ сану и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но безполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ[573], умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ

достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келлію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ. . . Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась! г. 1610.

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хотѣла *своего* Царя — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ*[574] для спасенія отечества; что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Ва-

г. 1610. силіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. »Не требуемъ твоей защи»ты,« писали они: »не приближайся, или »встрѣтимъ тебя какъ непріятеля«[575]. Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопи не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію[576], единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ея главою былъ Князь Ѳедоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней[577].

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея — когда отече-

ство смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою — когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистію: тогда мысль искать Государя внѣ отечества, какъ древніе Новогородцы искали Князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ — вѣроятно послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими — торжественно объявилъ Боярамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гражданамъ, что для спасенія Царства должно вручить скипетръ.... Владиславу[578]. Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть Вѣнценосцемъ[579], того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ пи-

Г. 1610.

Совѣтъ Князя Мстиславскаго.

г. 1610. салъ о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Боярской[580], вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ[581] для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король плѣнится честію видѣть сына Монархомъ великой Державы и дозволитъ ему перемѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія и будучи уважаемъ, какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ся постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ[582]: уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ пред-

лагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова[533], внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелію отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи.... Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще не наступило — и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни[534], противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ[535], ни юноша, питомецъ келлій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: »принять »совѣтъ Мстиславскаго!« г. 1610.

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель[586]? »Желаю не крови вашей, а блага »Россіи,« отвѣчалъ Жолкѣвскій: »предлагаю вамъ Державство Владислава и ги»бель Самозванца.« Дали взаимно аманатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣ- Переговоры съ Жолкѣвскимъ

Г. 1610. вичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, Окольничій Князь Мезецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гетмана[587], объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія Королевскаго: Король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ, Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ Бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы *Владисласъ крестился въ нашу Вѣру*, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: »да »будетъ Королевичъ Царемъ, и тогда, вни-

»мая гласу совѣсти и пользы государ- Г.
»ственной, можетъ добровольно испол- 1610.
»нить желаніе Россіи«[588]. Устранилъ, *до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія*, и другія статьи: »1) Владиславу не сноситься »съ Папою о Законѣ[589]; 2) утвердить въ »Россіи смертную казнь для всякаго, кто »оставитъ Греческую Вѣру для Латин»ской; 3) не имѣть при себѣ болѣе пяти»сотъ Ляховъ; 4) соблюсти всѣ титла »Царскія (слѣдственно Государя Кіевска»го и Ливонскаго) и жениться на Россіян»кѣ;« но все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ: ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ Короля; наконецъ уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья[590], — и 17 Августа подписалъ слѣдующія достопамятныя условія:

»1) Святѣйшему Патріарху, всему Ду- Условія.
»ховенству и Синклиту, Дворянамъ и Дья»камъ Думнымъ, Стольникамъ, Дворянамъ, »Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ »Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, При»казнымъ людямъ, Дѣтямъ Боярскимъ,

Г. 1610. »гостямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ, пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и *Жилецкимъ* людямъ Московскаго Государства бить челомъ Великому Государю Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына своего, Владислава, въ Цари, коего всѣ Россіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святый крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и потомству его, какъ они служили прежнимъ Великимъ Государямъ Московскимъ.

»2) Королевичу Владиславу вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ Святѣйшаго Патріарха и Духовенства Греческой Церкви, какъ издревле вѣнчались Самодержцы Россійскіе.

»3) Владиславу Царю блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи цѣлебныя, Патріарха и все Духовенство; не отнимать имѣнія и доходовъ у церквей и монастырей; въ Духовныя и Святительскія дѣла не вступаться.

»4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ[591]; не склонять никого въ Римскую, ни въ другія Вѣры, и Жидамъ не въѣзжать для торговли въ Московское Государство.

»5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ.

»Бояре и всѣ чиновники, воинскіе и зем- Г. 1610.
»скіе, будутъ, какъ и всегда, одни Рос»сіяне; а Польскимъ и Литовскимъ лю»дямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чиновъ: »которые же изъ нихъ останутся при Го»сударѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денеж»ное жалованье или помѣстья, не стѣсняя »чести Московскихъ, Боярскихъ и Княже»скихъ родовъ честію новыхъ выходцевъ »иноземныхъ.

»6) Жалованье, помѣстья и вотчины »Россіянъ неприкосновенны. Если же нѣ»которые надѣлены сверхъ достоинства, »а другіе обижены, то совѣтоваться Го»сударю съ Боярами, и сдѣлать, что уло»жатъ вмѣстѣ.

»7) Основаніемъ *гражданскаго правосу»дія быть Судебнику, коего нужное испра»вленіе и дополненіе зависитъ отъ Госуда»ря, Думы Боярской и Земской*[592].

»8) Уличенныхъ государственныхъ и »гражданскихъ преступниковъ казнить »единственно по осужденію Царя съ Боя»рами и людьми Думными; имѣніе же »казненныхъ наслѣдуютъ ихъ невинныя »жены, дѣти и родственники. Безъ сего »торжественнаго суда Боярскаго никто »не лишается ни жизни, ни свободы, ни »чести.

Г. 1610. »9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣ»ніе отдавать ближнимъ его или кому »онъ прикажетъ[593]; а въ случаѣ недоумѣ»нія, рѣшить такія дѣла Государю съ »Боярами.

»10) Доходы государственные оста»ются прежніе; а *новыхъ налоговъ не вво»дить Государю безъ согласія Бояръ*[594], и »съ ихъ же согласія дать льготу обла»стямъ, помѣстьямъ и вотчинамъ разо»реннымъ въ сіи времена смутныя.

»11) Земледѣльцамъ не переходить ни »въ Литву, *ни въ Россіи отъ господина къ »господину*, и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ »быть навсегда такими.

»12) Великому Государю Сигизмунду, »Польшѣ и Литвѣ утвердить съ Вели»кимъ Государемъ Владиславомъ и съ Рос»сіею миръ и любовь на вѣки и стоять »другъ за друга противъ всѣхъ непрія»телей.

»13) Ни изъ Россіи въ Литву и Поль»шу, ни изъ Литвы и Польши въ Россію »не переводить жителей.

»14) Торговлѣ между обоими Государ»ствами быть свободною.

»15) Королю уже не приступать къ »Смоленску и немедленно вывести войско »изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ; а пла-

»тежъ изъ Московской казны за убытки г.
»и на жалованье рати Литовской и Поль- 1610.
»ской будетъ уставленъ въ договорѣ осо-
»бенномъ.

»16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ »выкупа, всѣ обиды и насилія предать »вѣчному забвенію.

»17) Гетману отвести Сапѣгу и дру»гихъ Ляховъ отъ Лжедимитрія, вмѣстѣ »съ Боярами взять мѣры для его истре»бленія, итти къ Можайску, какъ скоро »уже не будетъ сего злодѣя, и тамъ »ждать указа Королевскаго.

»18) Между тѣмъ стоять ему съ вой»скомъ у Дѣвичьяго монастыря[595] и не »пускать никого изъ своихъ людей въ »Москву, для нужныхъ покупокъ, безъ до»зволенія Бояръ и безъ писменнаго вида.

»19) Дочери Воеводы Сендомирскаго, »Маринѣ, ѣхать въ Польшу и не имено»ваться Государынею Московскою.

»20) Отправиться Великимъ Посламъ »Россійскимъ къ Государю Сигизмунду и »бить челомъ, да крестится Государь »Владиславъ въ Вѣру Греческую, и да бу»дутъ приняты всѣ иныя условія, оста»вленныя Гетманомъ на разрѣшеніе Его »Королевскаго Величества«[596].

И такъ Россіяне, бывъ недовольны

Г. 1610. собственнымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Самодержавіе[597], въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и *Земской* Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ[593]? Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, — и для того предписали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Присяга Владиславу. Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями — съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олтаря, богато украшенные; вокругъ олтарей Духовенство, Патріархъ, Святители, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ оде-

ждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; Г. 1610.
далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приближился къ олтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: »Волею Святѣйшаго Патріарха, Ермогена, призываемъ васъ къ исполненію торжественнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы, мужи Думные, всѣ Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всѣми ея жителями и достояніемъ, его наслѣдственною Державою!« Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: »Многія лѣта Государю Владиславу! да царствуетъ съ побѣдою, миромъ и счастіемъ!« Тогда началася присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, какъ увѣ-

Г. 1610. ряютъ[599], цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салтыковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники и главные пособники договора[600], обнялися съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василію и въ общемъ подданствѣ Владиславу!... Гонцы отъ Думы Боярской спѣшили во всѣ города, объявить имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіятскихъ, богатыя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій, отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія —

перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго! Г. 1610.

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳедоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ Дьякомъ[601], усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго, представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей[602], извѣстнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ляхами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостію — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ

Намѣренія Сигизмунда.

Г. 1610. сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить Республикѣ столько же, а Королевичу 100,000 — завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда — не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ[603]; но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бродягу упасть къ ногамъ Королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы Гетмановы нашли Лжедимитрія въ Обители Угрѣшской[604], гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: »хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, »нежели милостію Сигизмундовою!« Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: »теперь слушай-

»те *мое* предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ Царю Димитрію Краковъ и »возметъ отъ него, въ знакъ милости, »Варшаву«[605]! Ляхи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе[606]; но малочисленное и худое войско Лжедимитріево не могло обѣщать себѣ побѣды: Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства — и чрезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князья Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе[607]; а Самозванецъ и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхомъ въ Калугу, съ Атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ, Татаръ и Россіянъ немногихъ. г. 1610. Бѣгство Самозванца въ Калугу.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началося безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ,

г. 1610. Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ[608] и далѣе. Молились въ храмахъ за Государя новаго; всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ[609]. Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Патріархъ — скрывали горесть, не ожидая ничего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ[610]: Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божіею, ихъ невинностію и добродѣтелію. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю[611], сказалъ другимъ: »благословляю васъ, если вы дѣйствительно »хотите добра Государству; но если вы »Ляхи душею, лукавствуете и замышляе-

»пе гибель Православія, то кляну васъ »именемъ Церкви«[612]. Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Государство и Православіе спасены на вѣки — увѣрялъ, можетъ быть, непритворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣняя изображеніемъ златаго вѣка Россіи подъ державою Вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона[613]. Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: »возможно ли слугамъ обманщика »равняться съ нами?« ... и *сдѣлали не благоразумно*, какъ мыслилъ Жолкѣвскій:

г. 1610.

Политика Жолкѣвскаго.

Г. 1610. ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но Гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василія Голицына, одобреннаго Духовенствомъ искателя Державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане[614]: оба, какъ устроилъ Гетманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь Царскую, — требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ, и между тѣмъ служить Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Россіянъ[615]! Товарищами Филарета и Голицына были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ[616].

Посольство къ Королю.

Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величіи и православіи Россіи[617], Ермогенъ

заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняться *мірскою лестію* — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣпахъ Кремлевскихъ! г. 1610.

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску[613]. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія[619]. Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, итти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ[620], — и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королев-

Вступленіе Поляковъ въ Москву.

Г. 1610. скими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время[621], знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину,

Князю Мстиславскому, не хотѣвшему Г.
быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конюшаго* и 1610.
Слуги[622]. Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю[623], Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Инока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Іосифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячь Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими[624], уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. »Упорствовалъ въ зложелательствѣ »къ намъ« — пишутъ Ляхи[625] — »только »осьмидесяти-лѣтній Патріархъ, боясь »Государя иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось при »вѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ

*

Г. 1610. »Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ »всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, »что и Патріархъ казался наконецъ »искреннимъ ему другомъ.« Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое — и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава.... Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, го-

ворили Королю: »Не успѣхи случайные, »но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою »мудростію, должны быть намъ руко»водствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Из»влекая мечь, ты, Государь, объявилъ, »что думаешь единственно о благѣ Рес»публики: теперь, имѣя случай распро»странить ея владѣнія, можешь ли упу»стить его только для чести видѣть »сына на престолѣ Московскомъ? Отдать »ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ »совѣтниковъ и блюстителей, въ руки »людей, упоенныхъ духомъ мятежа и кра»молы? Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣр»ность и безопасность сего престола, »обліяннаго кровію? Не скажетъ ли на»родъ твой, ревнитель свободы, что »ты плѣняешься властію Самодержавною? »Если же Царство Россійское столь за»видно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Мо»скву, и собственною рукою, какъ побѣ»дитель, возьми ея державу«[626]! Хотя разсудительные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли Короля немедленно принять договоръ Гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ Поляковъ въ блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удо- Г. 1610.

Г. 1610. »Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ »всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, »что и Патріархъ казался наконецъ »искреннимъ ему другомъ.« Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое — и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава.... Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, го-

ворили Королю: »Не успѣхи случайные, г. 1610.
»но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою
»мудростію, должны быть намъ руко-
»водствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Из-
»влекая мечь, ты, Государь, объявилъ,
»что думаешь единственно о благѣ Рес-
»публики: теперь, имѣя случай распро-
»странить ея владѣнія, можешь ли упу-
»стить его только для чести видѣть
»сына на престолѣ Московскомъ? Отдашь
»ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ
»совѣтниковъ и блюстителей, въ руки
»людей, упоенныхъ духомъ мятежа и кра-
»молы? Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣр-
»ность и безопасность сего престола,
»обліяннаго кровію? Не скажетъ ли на-
»родъ твой, ревнитель свободы, что
»ты плѣняешься властію Самодержавною?
»Если же Царство Россійское столь за-
»видно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Мо-
»скву, и собственною рукою, какъ побѣ-
»дитель, возьми ея державу«[626]! Хотя раз-
судительные Вельможи, Левъ Сапѣга и
другіе, умоляли Короля немедленно при-
нять договоръ Гетмановъ, немедленно
отпустить Владислава въ Москву, дать
ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ
Поляковъ въ блюстители, обогатить
казну Республики казною Царскою, удо-

Г. 1610. влетворить ею всѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположеніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе — то есть, удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гетмана[627], но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи, кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать *ему* и Владиславу вмѣстѣ[628], обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не впустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ... Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требо-

вали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: »Король здѣсь »на войнѣ, и самъ терпитъ нужду«[629]! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили вину своего Посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Сапѣга: »Всевѣчный *Богъ боговъ* »назначилъ степени для Монарховъ и под»данныхъ. Кто дерзаетъ возноситься вы»ше своего званія, того Онъ казнитъ и »низвергаетъ: казнилъ Годунова и низверг»нулъ Шуйскаго, Вѣнценосцевъ рожден»ныхъ слугами!... Вы узнаете волю Ко»ролевскую.« И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

Г. 1610.

Дѣйствія Пословъ Московскихъ.

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неотступно »требо»вать и *молить слезно*, чтобы Короле»вичь« — находившійся тогда въ Литвѣ — »принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета

Г. 1610. »и Смоленскаго Епископа, ѣхалъ въ Мо»скву уже православный, и тѣмъ отвра»тилъ соблазнъ, нетерпимый и въ Поль»шѣ, гдѣ Государи должны быть всегда »одной Вѣры съ народомъ«[630]: но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія Королевскаго на статьи утвержденныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь *надеждою* склонить его къ своему Закону уже въ Царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ*[631], жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ Государя... И что же? Вельможи Королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтный не можетъ устроить Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію[632]. Послы отвѣчали: »Королевичь молодъ, но Богъ устроитъ Держа»ву разумомъ его и счастіемъ, нашимъ »радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи »Думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды »въ воинахъ иноземныхъ: оказавъ столько »вѣрности во времена самыя бѣдствен-

»ныя, столько доблести въ защитѣ про- г. 1610.
»тивъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ,
»чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ
»*душами* за Боярина Шеина и гражданъ:
»они искренно, вмѣстѣ съ Россіею, при-
»сягнутъ Владиславу«[635]. *Для чего же и не Сигизмунду?* возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовѣреніемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ.* Филаретъ и Голицынъ изумились. »Мы »избрали Владислава, а не Сигизмунда,« сказали они: »и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну.« *Сравненіе нелѣпое!* воскликнули Паны: *Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедимитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ жители усердствуютъ Королевичу, — гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ.* »Нѣтъ надобности »Сигизмунду« — говорили Послы — »и для »великаго Монарха унизительно итти са- »мому противъ злодѣя Калужскаго: пусть »велитъ только Жолкѣвскому соединить-

Г. 1610. »ся съ Россіянами, чтобы общими силами »истребить его, какъ уставлено въ до»говорѣ! Походъ Королевскій внутрь Го»сударства разореннаго еще умножилъ бы »зло. Ты, Левъ Сапѣга, бывалъ въ Россіи; »зналъ ея богатство, многолюдство, цвѣ»тущіе города и селенія: нынѣ осталась »единственно тѣнь ихъ, пепелища, обго»рѣлыя стѣны; жители изгибли, отведе»ны плѣнниками въ Литву, разбѣжались »въ иныя земли.... А кто виною? ваши »грабители еще болѣе, нежели Самозван»цы: да удалятся же на вѣки, и Россія »будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ »въ теченіе времени. Гнусный Лжедими»трій и безъ вашего содѣйствія исчез»нетъ. Упорнѣйшіе изъ клевретовъ Ту»шинскихъ и цѣлые города, обольщенные »именемъ Димитрія, возвратились подъ »сѣнь отечества, какъ скоро услышали »о новомъ Царѣ законномъ. Вы говорите »о Московскихъ мятежникахъ: ихъ не »знаемъ, видѣвъ собственными глазами, »что всѣ, *отъ мала до велика*, и тамъ и »въ другихъ городахъ цѣловали крестъ »Владиславу съ живѣйшею радостію. Нѣтъ, »Синклитъ и народъ немедленно казнили »бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить »святому обѣту вѣрности. Однимъ сло-

»вомъ, исполните только договоръ, утвер- Г. 1610.
»жденный клятвою Гетмана отъ имени
»Короля и Республики. Дѣло было конче-
»но, къ обоюдному удовольствію: не вы-
»мышляйте новаго, чтобы *нашедши не*
»*потерять и не каяться*[634]. Въ случаѣ вѣ-
»роломства, какія откроются бѣдствія!
»Вы знаете, что Государство Москов-
»ское обширно: еще не все разрушено, не
»все пало; есть Новгородъ Великій, мно-
»голюдная земля Поморская и Низовая[635];
»есть Царство Казанское, Астраханское
»и Сибирское! Не снесутъ обмана, и воз-
»станутъ.... Господь да спасетъ и васъ
»и насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!«

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условія: Паны не хотѣли слушать[636]; но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ[637], требовали милліоновъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску.... »За то ли,« спросилъ Голицынъ, »что Сапѣга, клевретъ »низкаго злодѣя, обнажилъ наши церкви, »иконы, гробы Святыхъ, и пилъ кровь »Христіанъ? Да и войско Королевское что »сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губитъ »людей и достояніе; какое право на мзду »и благодарность? Но когда успокоится »Держава, тогда Царь Владиславъ, Па-

г. 1610. »тріархъ, Бояре и Чины Государственные условятся съ Сигизмундомъ о вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ »помнимъ; хотѣли напомнить его вамъ, »и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына »на престолъ Московскій?«... *Жалуетъ*, сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ *крещеніи* и женидьбѣ Владислава *воленъ Богъ и Владиславъ*[638]; 2) что онъ не будетъ сноситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ Россіи[639] утверждается; 4) что о числѣ Ляховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія Россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія*, Король *дастъ* имъ сына въ Цари, но *прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію*... Тутъ исчезла радость Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ни-

чего, выступилъ изъ Россіи, то вольные Г. 1610.
Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячь въ ея предѣлахъ[640], соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане должны присягнуть Королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: »конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей!«

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестію и Бояре благонамѣренные и Гетманъ честолюбивый, который, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объясниться съ Королемъ. Сами Россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ

Г. 1610. ему: »ѣду довершить мое дѣло и спокой-»ствіе Россіи;« а Ляхамъ: »я далъ слово »Боярамъ, что вы будете вести себя »примѣрно для вашей собственной без-»опасности; поручаю вамъ Царство Вла-»дислава, честь и славу Республики.« Преемникомъ его, то есть, истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть Ляху Госѣвскому, съ усердною помощію Михайла Салтыкова и Дьяка Ѳеодора Андронова, названнаго Государственнымъ Казначеемъ[641]. Устроивъ все для

Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

храненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый Синклитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути

Шуйскій предапъ Полякамъ.

и скораго возвращенія! Сіе торжество Гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для Боярской Думы: она выдала бывшаго Царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіевыхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Женѣ Князя Димитрія Шуйскаго дозволили ѣхать съ мужемъ[642]; а несчастную Царицу удалили въ Суздаль-

скую Дѣвичью Обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самого Василія и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! »О время стыда и безчувствія!« восклицаетъ современникъ: »Мы забыли »Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и лю»дямъ? Что скажемъ чужимъ Государ»ствамъ себѣ въ оправданіе, самовольно »отдавъ Царство и Царя въ плѣнъ ино»вѣрнымъ? Не многіе злодѣйствовали; но »мы видѣли и терпѣли, не имѣвъ вели»кодушія умереть за добродѣтель«[643]. Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался! г. 1610.

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего Державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ[644]. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: *Царь Московскій*, отвѣтствовалъ Василій, *не кланяется Королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ*, *но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ*

Г. 1610. *моими подданными измѣнниками*[645]. »Его »твердость, величіе, разумъ заслужили »удивленіе Ляховъ,« говоритъ Лѣтописецъ: »и Василій, лишенный вѣнца, сдѣ»лался честію Россіи.« Онъ еще имѣлъ нужду въ сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ Вѣнценосцемъ!... Изъявивъ Гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король не хотѣлъ однакожь утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ Королевича Московская и Польская Держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести; наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять

Пословъ Московскихъ къ уступчивости миролюбивой. Г. 1610.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ былъ исполнить Королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости, и требовалъ отъ нихъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. »Вы боялись« — сказалъ онъ — »впустить насъ и въ Москву; а »впустивъ, радовались! Не упорствуйте, »или договоръ, заключенный мною съ ва»ми, столь благонамѣренный, столь бла»гословенный для обѣихъ Державъ, уни»чтожится неминуемо. Король думаетъ, »что не взять Смоленска есть для него »безчестіе; возметъ силою, и только изъ »уваженія къ моему ходатайству медлитъ: »сѣкира лежитъ у корня!« Не хотѣли дать времени Посламъ описаться съ Москвою, говоря: »не Москва указываетъ »Королю, а Король Москвѣ«[646]; требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ,

г. 1610. которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: »Не вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. Если Король »дерзнетъ лить кровь, то она будетъ »на немъ, вѣроломномъ; имъ, не вами священный договоръ рушится.« Дѣти Боярскіе примолвили: »Наши матери и жены »въ Смоленскѣ: пусть тамъ гибнутъ; но »города вѣрнаго не отдавайте Ляхамъ. И »знайте, что вы не можете отдать его: »защитники Смоленскіе не послушаются »васъ, какъ измѣнниковъ«[647]. Съ твердостію отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова и быть навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеиномъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гетмана и нашихъ Пословъ!... Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ,

Неудачные приступы къ Смоленску.

что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Боярской[648], слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ. г. 1610.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, *казалась* нечувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Госѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ Гетмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Стрѣльцевъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ[649]; запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ,

г. 1610. и вездѣ усилилъ стражу[650]. Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и Ляховъ. Однакожь благоразумныя предписанія Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а втораго высѣкли кнутомъ[651]. Еще тишина царствовала, и Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ[652]. Ляхи не вѣрили терпѣнію Россіянъ, а Россіяне доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ пра-

ведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава[653]! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ[654]: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король *отъ собственнаго имени* давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ[655]; жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его

Г. 1610.

Самовластіе Сигизмунда.

Г. 1610. волю, какъ будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтнаго[656]! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ[657]!.... Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душею Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску[658]. Вездѣ кричали: »Мы при-

Нетерпѣніе народа.

»сягали Владиславу, а не Гетману и не »Госѣвскому!« Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ

Г. 1610.

нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили, убивали Россіянъ[659]. Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новогородцы затворили ворота, и долго не хотѣли впустить Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга Гетманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы

Непріятельскія дѣйствія Делагарди.

отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель; занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горстію воиновъ мыслилъ отнять Царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи[660]. Давъ клятву Новогородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить

Злодѣйства Лисовскаго.

Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедимитрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій[661], торгуя добычею разбоевъ и святотат-

Г. 1610. ства, пируя съ жителями какъ съ братьями и грабя ихъ какъ непріятель[662] Великія Луки, занятыя его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ[663], вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому *Царику*, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани[664]. Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *будущему* Вѣнценосцу Московскому, безъ имени; стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьякомъ Шулгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растер-

Измѣна Казани.

зали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достоинство народа Россійскаго[665]! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться ослѣпленнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви[666]. Но Казанцы присягнули уже тѣни! г. 1610.

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячь пять Козаковъ, Татаръ и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъѣздахъ[667], и говорилъ: »Христіане мнѣ измѣнили: и такъ обращусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю »Россію, или не оставлю въ ней камня »на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать »покоя.« Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ

Г. 1610. всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хваляся дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ, Михайлу Бутурлину и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета[663] и кинуть въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Арaслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Араcланъ уже пылалъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ простpѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: »я научу тебя топить Хановъ »и сажать Мурзъ въ темницу,« отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истре-

Смерт. Самозванца.

бленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости. г. 1610.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести[669] — и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Арслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землѣ въ Соборной церкви[670], и Марина, въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещеннаго и названнаго Царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но Россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкаскій[671], Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ

Новый обманъ.

*

г. 1610. двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на Московскомъ престолѣ[672]; дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу[673].

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло . . . и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель: второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолв-

Начальники возстанія народнаго.

ствовали, когда, нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ[674]. Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый — извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ[675], но обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, вывѣдывалъ, и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія[676]. Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій[677]; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетманово или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми г. 1610.

г. 1610. надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога[678], вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія — писалъ (отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что »Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско Королевское идетъ противъ Калужскаго злодѣя«[679]: Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожь скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы*[680]; но Патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы

Московской[631]. Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за Вѣру и Государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ *Уѣздныхъ* Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: »Обольщенные Королемъ, мы ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви »разорены; ближніе наши въ могилѣ или »въ узахъ. Хотите ли такой же доли? »Вы ждете Владислава, и служите Ляхамъ, угождая извергамъ, Салтыкову и »Андронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго Вѣнценосца вамъ, »ославленнымъ измѣнами[632]. Нѣтъ, Король »и Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять »Россію безъ условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ ней »надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ »вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; подни-

Г. 1610.

Грамоты Смолянъ и Москвитянъ.

Г. 1610. »мите и другія области, да спасутся души и Царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!« Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города[683]: »Не слухомъ слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень Царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь изображенная Евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители Церкви, Митрополиты Петръ, Алексій, Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные: къ счастію, ихъ мало; не многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Андронову — а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя и не явно до времени: Святѣйшій Патріархъ Ермогенъ, прямый учитель, прямый наставникъ, и всѣ Христіане истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ Латинство?« — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, *по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена*[684].

Что же сдѣлало такъ называемое Правительство, Боярская Дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ Государствѣ истерзанномъ? . . . Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣло Посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно Королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ[685]. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться[686]; дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: »исполните прежде договоръ Гетмановъ;« длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина[687]. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась

Г. 1610. Слабость Московской Думы.

Г. 1610. государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада*[688]. Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигизмунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ[689].

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый[690], какъ было предъ гибелію Разстриги. Кричали на улицахъ: »мы по »глупости выбрали Ляха въ Цари, одна»кожь не съ тѣмъ, чтобы итти въ не»волю къ Ляхамъ; время раздѣлаться съ »ними«[691]! Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней[692]; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе[693]. Высылали конныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско

Г. 1610.

Ссоры съ Поляками.

г. 1610. избавителей подъ своими стѣнами[694]. Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ[695]. Болѣе наглости оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. »Не велю« — отвѣтствовалъ Патріархъ — »если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ »выходящихъ изъ Россіи; велю, если не »будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ »данной Королевичу присяги«[696]. Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: »Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ »вѣчная клятва на главу измѣнника«[697]! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: »Твое начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру и Государство; а если плѣнишься козлями Сатанинскими, то Богъ истребитъ корень твой на землѣ живыхъ — и самъ »умрешь какою смертію?« *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ[698]: ибо

Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Ивань-городъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую[699]. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короля съ войскомъ[700], отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ. г. 1610.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ[701], вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣн-

Г. 1610. ники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ[702]; увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ заступникомъ Греческаго Православія; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода[703]; что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василія Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни тишины; что до усмиренія Смоленска не льзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россіею, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ Дворянъ въ Стольники и Бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, предписывалъ казнѣ платить долги купцамъ иноземнымъ[704] еще за Іоанна, въ то время, когда указы ея были ничтожны для Россіи; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ; когда и жители Смоленской области стерегли,

истребляли ихъ въ разъѣздахъ, тревожа г. 1610.
нападеніями и въ станѣ, откуда многіе Россіяне, дотолѣ служивъ Королю, уходили служить отечеству: такъ Иванъ Никитичь Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову[705]. Напрасно Госѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исая Сунбулова, воевать мѣста Рязанскія. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ на голову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душею houставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя несгоду злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ ху-

Г. 1611. дою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей, и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Составъ ополченія за Россію. Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсію людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ [706], вдругъ явился въ Суздалѣ какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячь шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ Воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только

умножить число людей. Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго, Атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую[707]: ибо сіи, долго упорные мятежники, вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ Московскихъ Бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ, Князя Никиту Трубецкаго[708]. Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю[709], писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ Бояръ, убѣждающихъ его итти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи[710]. Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое[711], кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію! г. 1611.

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дми-

г. 1611. трій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и Козаками[712]; были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ.* »Все смирится« — отвѣтствовалъ Патріархъ — »когда ты, измѣнникъ, съ своею »Литвою исчезнешь; но въ царственномъ

»градѣ видя ваше злое господство, въ свя- г.
»тыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь 1610.
»Латинскимъ пѣніемъ,« (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) »благо»словляю достойныхъ Вождей Христіан»скихъ утолить печаль отечества и »Церкви.« Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа[713]. Въ Недѣлю Вайй велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго[714]. Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ[715], за коимъ шло нѣсколько Бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ не-

г. 1611. запное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго[716]. День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Госѣвскій, имѣя только 7000 воиновъ[717] противъ двухъ или трехъ сотъ тысячь жителей, не хотѣлъ кровопролитія[718]: ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ итти къ нимъ на встрѣчу и разбить ихъ отдѣльно[719]; а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей[720]. Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно[721]; но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-остримыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ[722], — наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

Кровопролитіе въ столицѣ. 19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля:

увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцевъ и грабили лавки[723]; вломились въ домъ къ Боярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ, и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ[724]. Госѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дре- г. 1611.

г. 1611. кольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами[725]; преграждали улицы столами, лавками, дровами: стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ[726], вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнію, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожь преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: »огня! огня!« и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина[727]: гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ,

несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Г. 1611.
Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. После такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Пожаръ Москвы.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники оже-

г. 1611. сточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ[728] и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города, отъ Ляпунова Воевода Иванъ

Прибытіе Струса. Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ: »за мною, »храбрые!« сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе[729], не съ богатствомъ, а только

съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячь людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра[730]; смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Димитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю[731]. Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, *обѣщало* имъ *безопасность*, какъ они думали, не заботясь

Г. 1610.

Подвиги Пожарскаго.

г. 1611. о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая месть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ — но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску [732]; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ [733]; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя

Неистовства Поляковъ въ Москвѣ.

только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга[734]!... А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ[735]. Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Г. 1611.

Заключеніе Ермогена.

*

ГЛАВА V.

Междоцарствіе.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи
. .
. .

Г. 1611 — 1612.

Г. 1611. Слѣдствія сожженія Москвы.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные Иноки Лавры, едва услышавъ, что дѣлается въ столицѣ[736], послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровію измѣнниковъ и Ляховъ[737]. Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ Москвитянъ, которые,

съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою[738]. Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пепелищу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячь[739], но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячь храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ Святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ[740]. Тутъ, на завоеванныхъ

г. 1611.

Поляки осаждены.

г. 1611. кучахъ пепла водрузивъ знамена, воины и Воеводы съ торжественными обрядами, дали клятву не чтить ни Владислава Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правителями, служить Церкви и Государству до избранія Государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно[741].

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіямъ ихъ Вождей[742] — то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* Стратига[743]: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ, и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время: Ляхи страшились времени, скуд-

ные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни[744]; сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о сожженіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: »пусть удалятся Ляхи!« Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: »боюся Единаго, тамъ живущаго«[745]! Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій Іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ!

Г. 1611.

Твердость Ермогена.

г. 1611. Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе: Воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха[746].

Избраніе главныхъ Военачальниковъ.

Рѣшились торжественно избрать Начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова, чиновные мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго, грабители - Козаки Атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ измѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига[747] и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ[748], имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, *многолѣтствовали въ церквахъ бла-*

говѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ[749], а въ своихъ донесеніяхъ *били челомъ Синклиту Великаго Россійскаго Государства*, и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія[750], снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть *въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ: области Низовыя и Поморскія также[751]. Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда[752]. Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностнѣе желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ[753]. Пришелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули[754]. Атаманъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ городовъ, упученный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ милліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ: не могъ одолѣть многолюдства, и, по совѣту Госѣв-

Г. 1611.

Дѣйствія Сапѣги.

г. 1611. скаго, взявъ отъ него 1500 Ляховъ въ сподвижники и Князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Въ слѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ — и Россіяне Московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ услышали, въ Китаѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей[755]: ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ Гетмана съ сильнымъ войскомъ — вѣсть еще несправедливую, которая однакожь рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 Маія) приступивъ къ Китаю-городу[756], взяли одну башню, гдѣ находилось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣлыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стоило, вырвать сію башню изъ рукъ

Приступъ къ Китаю-городу.

непріятеля: съ обнаженными саблями, г.
подъ картечею, Ляхи шли къ ней узкою 1611.
стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россіянъ, и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы[757]. Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія[758], вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ[759]. Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряемый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ[760] вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не пере-

Г. 1610. мѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи *ея мятежнаго духа*[761], спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ *изгладить зло.* Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: »Уже не знаемъ! Вы легко могли »предупредить сіе зло; исправить едва ли »можете.« Послы соглашались однакожь писать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, *если* Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска[762], и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ наконецъ готовиться къ ссылкѣ въ Литву. »Ни ссылки, ни Литвы не »боимся,« сказалъ умный Дьякъ Луговскій: »но дѣлами насилія достигнете ли же»лаемаго?« Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народовъ, взяли Пословъ . . . еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбойниковъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили, срамили мужей винимыхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій[763]! . . . Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и

Послы Московскіе отправлены въ Литву.

самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. »Поздно!« отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маетности[764], мимо коихъ везли Филарета и Голицына: онъ прислалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: »Вспомни »крестное цѣлованіе; вспомни душу! Въ »чемъ клялся ты Московскому Государ»ству? и что дѣлается? Есть Богъ и »вѣчное правосудіе«[765]! г. 1611.

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова[766], обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія[767], но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ — и возобновилъ приступы къ Смоленску[768], снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣшительность

Г. 1611. терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кромѣ великодушія; все сносили, безмолвно, не жалуясь, въ тишинѣ и въ повиновеніи, львы для враговъ, агнцы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; смертоносная цынга, произведенная недостаткомъ въ соли и въ уксусѣ[769], довершила бѣдствіе — но еще сражались! Еще Ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть городомъ: бѣглецъ Смоленскій, Андрей Дедишинъ[770], указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости: новую стѣну, дѣланную въ осень на-скоро и не прочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили — и въ полночь (3 Іюня) Ляхи вломились въ крѣпость, тутъ и въ другихъ мѣстахъ, оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились. Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцевъ

Взятіе Смоленска.

съ ихъ семействами, богатствомъ и по- Г. 1611.
роховою казною. Уже не было спасенія: Россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ[771], и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ[772].

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ: доблій Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтный[773]: тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ, что сдается Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали, довѣдываясь о казнѣ Смоленской, будто бы имъ сокры-

г. 1611. шой[774]? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. — Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣтей Боярскихъ[775]. Во время осады изгибло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячь людей; она дорого стоила и Ляхамъ: едва третья доля Королевской рати осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ, что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово, за ея великое дѣло, и новые щедрые обѣты его, воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ[776]; далъ Потоцкому грамоту на староство Каменецкое, три дни угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска, и съ гордостію извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ, которые отвѣтствовали, что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога[777]!... Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе, строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленіе Короля, съ другой смѣлаго витязя Сапѣгу, а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство, или давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ Республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой Державы Россійской[778]. Заключеніе едва ли справедливое: ибо тысячь пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи! г. 1611.

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичь, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы итти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда,

г. 1610. который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ

Шуйскіе въ Варшавѣ. столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Славянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, Гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ [779]; за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шеинъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ [780]. Ко-

роль ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тро- Г.
нѣ, окруженный Сенаторами и чиновни- 1610.
ками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ[731]!... Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: »дивился »въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ »судьбѣ Государствъ и счастію Сигиз»мунда; хвалилъ его мужество и твер»дость въ обстоятельствахъ трудныхъ; »славилъ завоеваніе Смоленска и Москвы; »указывалъ на Царя, преемника великихъ »Самодержцевъ, еще недавно ужасныхъ для

г. 1611. »Республики и всѣхъ Государей сосѣд»ственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣ»лаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуй»скаго, Предводителя *ста-осьмидесяти* »*тысячъ* воиновъ *храбрыхъ;* исчислялъ *Цар»ства*, Княженія, области, народы и бо»гатство, коими владѣли сіи плѣнники, »всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, »взятые, повергаемые къ ногамъ Королев»скимъ... Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, »кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую »руку до земли и приложилъ себѣ къ »устамъ: Дмитрій Шуйскій ударилъ че»ломъ въ землю, а Князь Иванъ три ра»за, и заливаясь слезами. Гетманъ пору»чалъ ихъ Сигизмундову великодушію; до»казывалъ Исторіею, что и самые зна»менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ на»зваться счастливыми до конца своей »жизни, и ходатайствовалъ за несчаст»ныхъ.«

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что »онъ не Царь, а злодѣй, и недостоинъ »милосердія, измѣнивъ Димитрію, упоивъ »стогны Московскія кровію благородныхъ »Ляховъ, обезчестивъ Пословъ Королев-

»скихъ, вѣнчанную Марину, ея Вельмож- г. 1611.
»наго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ держая быть *гордымъ*, *упрямымъ*[782], какъ »бы въ посмѣяніе надъ судьбою:« упрекъ достохвальный для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ[783]! — Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ[784]. Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: »Во славу Царя »Царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ Смоленскъ Рес»публикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Мо»сковскаго, Василія, съ братомъ его, Кня»земъ Дмитріемъ, Главнымъ Воеводою Рос»сійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ »смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить »тѣла ихъ, не забывая общей судьбы че-

г. 1611. »Республики и всѣхъ Государей сосѣд»ственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣ»лаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуй»скаго, Предводителя *ста-осьмидесяти* »*тысячъ* воиновъ *храбрыхъ;* исчислялъ *Цар*»*ства*, Княженія, области, народы и бо»гатство, коими владѣли сіи плѣнники, »всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, »взятые, повергаемые къ ногамъ Королев»скимъ... Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, »кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую »руку до земли и приложилъ себѣ къ »устамъ: Дмитрій Шуйскій ударилъ че»ломъ въ землю, а Князь Иванъ три ра»за, и заливаясь слезами. Гетманъ пору»чалъ ихъ Сигизмундову великодушію; до»казывалъ Исторіею, что и самые зна»менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ на»зваться счастливыми до конца своей »жизни, и ходатайствовалъ за несчаст»ныхъ.«

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что »онъ не Царь, а злодѣй, и недостоинъ »милосердія, измѣнивъ Димитрію, упоивъ »стогны Московскія кровію благородныхъ »Ляховъ, обезчестивъ Пословъ Королев-

»скихъ, вѣнчанную Марину, ея Вельмож- Г. 1611.
»наго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая быть *гордымъ*, *упрямымъ*[782], какъ
»бы въ посмѣяніе надъ судьбою:« упрекъ достохвальный для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ[783]! — Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ[784]. Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: »Во славу Царя
»Царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, за-
»нявъ Москву, возвративъ Смоленскъ Рес-
»публикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Мо-
»сковскаго, Василія, съ братомъ его, Кня-
»земъ Дмитріемъ, Главнымъ Воеводою Рос-
»сійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ
»смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить
»тѣла ихъ, не забывая общей судьбы че-

г. 1611. »ловѣческой, и въ доказательство, что »во дни его царствованія не лишались »погребенія и враги, Вѣнценосцы безза»конные«[785]! — Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смоленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабеллою[786]. Рукою могущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи[787]!...

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово

и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую... злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжаніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу[788] — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ[789], чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя,

Г. 1611.

Умыселъ Заруцкаго и Марины.

г. 1611. »Республики и всѣхъ Государей сосѣд»ственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣ»лаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуй»скаго, Предводителя *ста-осьмидесяти* »*тысячъ* воиновъ *храбрыхъ;* исчислялъ *Цар*»*ства*, Княженія, области, народы и бо»гатство, коими владѣли сіи плѣнники, »всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, »взятые, повергаемые къ ногамъ Королев»скимъ... Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, »кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую »руку до земли и приложилъ себѣ къ »устамъ: Дмитрій Шуйскій ударилъ че»ломъ въ землю, а Князь Иванъ три ра»за, и заливаясь слезами. Гетманъ пору»чалъ ихъ Сигизмундову великодушію; до»казывалъ Исторіею, что и самые зна»менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ на»зваться счастливыми до конца своей »жизни, и ходатайствовалъ за несчаст»ныхъ.«

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что »онъ не Царь, а злодѣй, и недостоинъ »милосердія, измѣнивъ Димитрію, упоивъ »стогны Московскія кровію благородныхъ »Ляховъ, обезчестивъ Пословъ Королев-

»скихъ, вѣнчанную Марину, ея Вельмож- г.
»наго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дер- 1611.
»зая быть *гордымъ*, *упрямымъ*[782], какъ
»бы въ посмѣяніе надъ судьбою:« упрекъ
достохвальный для Царя злополучнаго и
несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ
уничиженіи его предъ Королемъ[783]! — На-
сытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали
Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ
(12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли
и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ[784]. Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Димитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: »Во славу Царя
»Царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ Смоленскъ Рес-
»публикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Московскаго, Василія, съ братомъ его, Княземъ Димитріемъ, Главнымъ Воеводою Рос-
»сійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ
»смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить
»тѣла ихъ, не забывая общей судьбы че-

г. 1611. »ловѣческой, и въ доказательство, что »во дни его царствованія не лишались »погребенія и враги, Вѣнценосцы безза»конные«[785]! — Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смоленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабеллою[786]. Рукою могущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи[787]!...

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово

и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую... злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжаніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу[788] — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ[789], чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя,

Г. 1611.

Умыселъ Заруцкаго и Марины.

г. 1611. властвовалъ съ *нею!* Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ Госѣвскимъ[790], обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ[791], но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шаекъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ[792]. Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилась изъ Выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ[793], но предписала имъ

правила; уставила: »1) Взять помѣстья у людей сильныхъ, которые завладѣли ими въ мятежныя времена безъ земскаго приговора, раздать скуднымъ Дѣтямъ Боярскимъ или употребить доходы оныхъ на содержаніе войска; взять также все данное именемъ Владислава или Сигизмунда, *сверхъ старыхъ окладовъ*, Боярамъ и Дворянамъ, оставшимся въ Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у всѣхъ худыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ годину чрезвычайныхъ опасностей ѣхать на службу отечества или самовольно уѣзжающихъ изъ Московскаго стана; взять въ казну всѣ доходы питейные и таможенные, беззаконно присвоенные себѣ нѣкоторыми *Воеводами*« (вѣроятно Заруцкимъ). »2) Снова учредить Вѣдомство Помѣстное, Казенное и Дворцовое для сборовъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Уравнять, землями и жалованьемъ, всѣхъ сановниковъ *безъ разбора, гдѣ кто служилъ:* въ Москвѣ ли, *въ Тушинѣ* или *въ Калугѣ*, смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не касаться имѣнія добрыхъ Россіянъ, убитыхъ или плѣненныхъ Литвою, но отдать его ихъ семействамъ или соблюсти до возвращенія плѣнниковъ; не касаться также имѣнія церквей,

Г. 1611. Уставная грамота.

г. 1611. »монастырей и Патріаршаго; не касать»ся ничего, даннаго Царемъ Василіемъ въ »награду *сподвижникамъ Князя Михаила* »*Скопина-Шуйскаго* и другимъ воинамъ »за вѣрную службу. 5) Назначить жало»ванье и доходы сановникамъ и Дѣтямъ »Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты или »опустошены Литвою, и которые стоятъ »нынѣ *со всею землею* противъ измѣнни»ковъ и враговъ. 6) Для посылокъ въ го»рода употреблять единственно Дворянъ »раненныхъ и неспособныхъ къ бою, а »всѣмъ здоровымъ возвратиться къ зна»менамъ. 7) Кто нынѣ умретъ за оте»чество, или будетъ изувѣченъ въ би»твахъ, тѣхъ имена да внесутся въ Роз»рядныя Книги, вмѣстѣ съ неложнымъ »описаніемъ всѣхъ дѣлъ знаменитыхъ, на »память вѣкамъ. 8) Атаманамъ и Коза»камъ строго запретить всякіе разъѣзды »и насилія; а *для кормовъ* посылать толь»ко *Дворянъ добрыхъ* съ Дѣтьми Боярски»ми. Кто же изъ людей воинскихъ дерз»нетъ грабить въ селеніяхъ и на доро»гахъ, тѣхъ казнить безъ милосердія: для »чего возстановится старый Московскій »*Приказъ Разбойный* или Земскій. 9) Упра»влять войскомъ и землею тремъ избран»нымъ Властителямъ, но *не казнить ни-*

»*кого смертію и не ссылать безъ торже-* Г.
»*ственнаго земскаго приговора*, безъ суда и 1611.
»вины законной; кто же убьетъ человѣка
»самовольно, того лишить жизни, какъ
»злодѣя. 10) А если избранные Власти-
»тели не будутъ радѣть вседушно о бла-
»гѣ земли и слѣдовать уставленнымъ
»здѣсь правиламъ, или Воеводы не будутъ
»слушаться ихъ безпрекословно: то мы
»вольны *всею землею* перемѣнить Власти-
»телей и Воеводъ, и выбрать иныхъ,
»способныхъ къ бою и дѣлу земскому.«

Сію важную, уставную грамоту, ознаменованную духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и снисхожденія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени, подписали Тріумвиры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно безграмотнаго), при Дьяка, Окольничій Артемій Измайловъ, Князь Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и множество людей безчиновныхъ отъ имени *двадцати-пяти* городовъ и войска[794]. Дали и старались исполнить законъ; возстановили хотя тѣнь Правительства, бездушнаго въ Самодержавіи безъ Самодержца. Но Ляпуновъ уже занимался и главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* Царя для одушевленія

г. 1611. Виды Ляпунова.

Россіи? Уже, перемѣнивъ мысли[795], онъ думалъ, подобно Мстиславскому и другимъ, что сей *лучшій* Царь долженъ быть иноземецъ Державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ Державы Христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, обѣщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, менѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новогородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду[796]. Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею, и писалъ къ ея Чинамъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ Іезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія Греческой Вѣры; что

Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго[797]. Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однакожъ извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди. г. 1611.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новогородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ[798], взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячъ Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы Корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новогородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ Дѣла съ Шведами.

г. 1611. бы безпечно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду[799]: по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новогородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ[800]! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: »не знаю отца, знаю только отечество, »и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами«... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ день Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ[801]!... На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова,

Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обители[302]. Переговоры начались въ его станѣ. »Судьба Россіи« — сказалъ ему Бутурлинъ — »не терпитъ Вѣнценосца отечественнаго: »два бѣдственныя избранія доказали, что »подданному нельзя быть у насъ Царемъ »благословеннымъ«[303]. Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иванягорода, Гдова[304]. »Лучше умереть на своей »землѣ, нежели искать спасенія такими »уступками,« отвѣтствовали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны Новогородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни

г. 1611

г. 1611. Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державѣ!... Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сапѣгу, отразить Ходкѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, законно утвержденный на престолѣ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Весфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова плѣнника и ревностнаго ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ[805] — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное

пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новогородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ[806], приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также безпечно пили въ Новѣгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля[807] Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что *враждебный* Новгородъ, *великій* именемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса[808];

г. 1611.

Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди.

г. 1611. а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ однакожь время выграбить лавки и домы знатнѣйшихъ купцевъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новогородца въ Исторіи[809]! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Бояринъ Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтьми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія. Заключили, 17 Іюля[810], слѣдующій договоръ

отъ имени Карла IX и Новагорода, *съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго*, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и *потомство:* г. 1611. Договоръ Шведовъ съ Новымъгородомъ.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи *Теузинскаго*[311] договора. Мы, Новогородцы, отвергнувъ Короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуетъ ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевичу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Воевода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревност-

Г. 1611. ными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и Великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новогородское и Государство Московское признаютъ Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обѣщаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣ-

ніе Святительское и Церковное неприкосновенно. Г. 1611.

4) Области Новогородскаго Княжества и другія, которыя захотять также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и смиривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Өеодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками, должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и

Г. 1611. люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ[812], какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ издревле ведется, принадлежатъ Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ по-

велѣній отъ Государя моего, я, Делагар- г. 1611.
ди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощію Божіею, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ, и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города[313].

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы, сверхъ чаянія, Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди, Полковники и Сотники Шведской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ Митрополитъ съ Духовенствомъ, Бояре, Чиновники, купцы

Г. 1611. и всякаго званія люди Новогородскіе, также клянемся, въ вѣрномъ исполненіи договора, нашему покровителю, Его Величеству Карлу IX и сыну его, будущему Государю нашему, хотя бы, сверхъ чаянія, Московское Царство и не приняло сего договора.

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова: Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новогородцевъ, какъ Жолкѣвскій Москвитянъ, единственно надеждою, что Королевичь исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви. Въ крайности обстоятельствъ молчала и ревность къ Православію! Думали только спастися отъ государственной гибели, хотя и съ соблазномъ, хотя и съ опасностію для Вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, нашли въ ней множество пушекъ[814], но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ, такъ, что Делагарди, мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новогородскими, долженъ былъ требовать денегъ отъ Короля: ибо войско его нетерпѣливо хотѣло жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію[815].

Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди.

Къ счастію Шведовъ, Новогородцы

оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новагорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ непріятели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ. Г. 1611.

Убіеніе Ляпунова. Последствія.

Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! — Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ но-

г. 1611. жами[816]. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные стояли въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго[817]. Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу[818]: 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало,

требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ[819]. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: »писано не »мною, а врагами Россіи;« свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, г. 1611.

Г. 1611. и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ извергов[820]: жертва единственная, но драгоцѣнная въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали[821]; грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ

распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами[322] ... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій[323]. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями? г. 1611

И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе[324]; Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ[325], какъ бы Состояніе Россіи

Г. 1611. и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно прiялъ смерть отъ изверговъ[820]: жертва единственная, но драгоцѣнная въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали[821]; грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ

распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами[322]... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій[323]. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями? г. 1611

И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе[324]; Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ[325], какъ бы Состояніе Россіи

г. 1611. отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе, — гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій[826], достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію, — и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изо Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье; нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ[827]. Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новгородскихъ[828]; Орѣшекъ не сдавался

. .

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ XII ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Димитрій Константиновичъ Суздальскій былъ Великимъ Княземъ съ 1359 по 1362 годъ: см. Т. IV, гл. XII, и Т. V, стр. 4. — Отъ него произошли по прямой линіи: 1. Вас. Дим. Кирдяпа; 2. Юр. Вас.; 3. Вас. Юр.; 4. Мих. Вас.; 5. Андр. Мих.; 6. Ив. Андр.; 7. Вас. Іоанновичъ. См. *Ядро Рос. Ист.* Хилкова, стран. 314.— О казни Андрея Шуйскаго Т. VIII, гл. I. — Кн. Ив. Андр. Шуйскій убитъ при Лоде. См. Т. IX, 251 и Розр. Кн. 482.

(2) См. *Русск. Достоп.* изд. Общ. Ист. и Древн. (I, 175), въ выпискѣ изъ Хронографа Кубасова.

(3) См. Т. XI, гл. IV.

(4) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* Т. II, стр. 299, и *Ник. Лѣт.* 76.

(5) См. Покореніе Новагорода Іоанномъ III, въ Т. VI, гл. III, и *Ник. Лѣт.* 76.

(6) *Лѣтоп. о мятежахъ* и сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говорятъ просто, что Василій далъ присягу, вопреки представленіямъ Бояръ и народа. Татищевъ утверждаетъ, что сія присяга была предложена нѣкоторыми Вельможами, склонными къ Аристократіи. См. *Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго*, Т. I, стр. 300. Далѣе, на стр. 318, ссылка на Лѣтопись, изъ коей видно, что Князь В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ были первыми изъ желавшихъ ограничить власть Царскую.

(7) *Ник. Лѣт.* 76.

(8) *Ник. Лѣт.* 76, и *Собр. Госуд. Грам.* II, 300—308.

(9) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 296: »Показаніе »бывшихъ въ приближеніи у Гришки Отрепьева, Ста»нислава и Яна Бучинскихъ, по допросу имъ отъ Бо»яръ, о всѣхъ извѣстныхъ имъ злодѣйскихъ умыслахъ »Самозванца противъ Россіи. 1606, въ Маѣ.«

См. тамъ же (II, 308) извѣстительную Грамоту Царя Василія Іоанновича, съ изъясненіями многихъ подробностей, писанную 2 Іюня 1606.

О записяхъ *Лжедимитрія*, коими онъ обязывался уступить Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а отцу ея Смоленскъ и Сѣверскую землю, см. сей Исторіи Т. XI, стр. 151 и 152.

(10) См. Рукопись, составленную при Патріархѣ Филаретѣ, и Журналъ Литовскихъ Пословъ (Dyaryusz).

По *Никон. Лѣтописи* (стр. 76.) Василія вѣнчалъ на Царство Казанскій Митрополитъ Ермогенъ, но Рукопись Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

(11) См. Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie.

(12) Не видно, чтобы въ семъ году былъ кто либо пожалованъ въ Бояре, или въ другіе знатные чины. См. Послужн. Списокъ Бояръ, въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 77.

(13) См. Томъ XI, стр. 170, и въ семъ XII Томѣ, прим. 119.

(14) См. Т. X, глав. II.

(15) См. *Розрядн. Кн.* л. 986, Rzeczy Polskich za Dymitra и Дѣла Польск. No 26, л. 100.

(16) См. *Розряд.* л. 985, на обор.

(17) См. *Ник. Лѣт.* 77.

(18) См. Rzeczy Polskich.

(19) Маржеретъ пишетъ, что въ Москвѣ возникла между гражданами распря; что многіе жаловались на избраніе новаго Царя, бывшее безъ ихъ согласія; что по городу стали носиться слухи, будто Лжедимитрій не погибъ. Нѣкоторые говорили, что послѣ избіенія Поляковъ, въ полночь, потребованы были именемъ Царя Димитрія три Турецкія лошади изъ малой дворцовой конюшни, и что никто не знаетъ, куда оныя отведены; но конюхъ, отпустившій ихъ, былъ, по приказанію Шуйскаго, подвергнутъ тяжкой пыткѣ. Маржеретъ прибавляетъ, что въ разныхъ улицахъ города были подбрасываемы письма и записки, въ коихъ утверждали, что Димитрія видѣли и узнавали на пути изъ Москвы.

(20) Борисъ Годуновъ скончался 13 Апр. 1605 года;

Ѳеодоръ Борисовичъ убитъ 10 Іюня того же года, а Лжедимитрій 17 Мая 1606. Въ столь короткое время Василій Шуйскій былъ уже четвертымъ Царемъ.

(21) Въ надгробн. надписи его въ Москов. Арханг. Соборѣ: »Лѣта 7121 (1612), Сент. въ 12 день... преставися... въ 60 лѣто живота.« См. ниже примѣч. 785. За 25 лѣтъ предъ симъ видѣли В. Шуйскаго дружкою Царя Іоанна на послѣдней свадьбѣ его (См. Т. IX), а въ 1581 г. онъ имѣлъ начальство надъ войскомъ на берегахъ Оки (см. тамъ же). Въ *Зерцалѣ Рос. Гос.* (Мальгина) сказано, что Василій родился въ 1547 г.

(22) См. *Чет. Мин.* Іюн. 3 дня.

(23) См. Рукопись Филаретову.

(24) Тамъ же. См. также *Собр. Гос. Грам.* II, 316.

(25) См. Рукопись Филаретову. См. также *Ник. Лѣт.* 78.

(26) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 312 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(27) См. Рукопись Филар., *Ник. Лѣт.* 79, и *Собр. Гос. Грам.* II, 313 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(28) См. *Ник. Лѣт.* 76.

(29) См. выше, примѣч. 10.

(30) См. Розрядн. Кн.

(31) Объ извѣщеніи Князя Острожскаго въ Кіевѣ см. Н. Бантыша-Каменскаго *Дипломатическое Собраніе дѣлъ между Рос. и Пол. Государств.* Ч. I. Далѣе см. Журн. Пословъ Липовскихъ, и Rzeczy Polskich.

(32) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 329 и 332.

Сочинитель Rzeczy Polskich говоритъ, что Марина переѣхала на квартиру Воеводы 2 Іюня, оставивъ во Дворцѣ все, что ей и свитѣ ея подарено было отъ Царя, и что въ слѣдующій день возвращены ей лишь нѣкоторыя вещи, почти порожніе сундуки, шкатулки, нѣсколько платья; все прочее задержано.

О высокомѣрномъ отзывѣ Марины см. Нѣмцевича

Dz. Pan. Zygm. III, гдѣ онъ ссылается на Чилли, и Dyaryusz 1607 г.

(33) См. Rzeczy Polskich и Бера.

(34) См. Dyaryusz. Также Нѣмцев. Dzieje Pan. Zygm. III.

(35) Сія рѣчь, представляемая здѣсь сокращенно, помѣщена и въ сочиненіи Rzeczy Polskich etc. — Послы говорили, что Лжедимитрій, разсказывая въ Польшѣ, какъ Богъ избавилъ его отъ смерти, увѣрялъ, будто Борисъ хитро и коварно лишилъ жизни и Царя Ѳеодора Іоанновича и даже *сына его*, роднаго своего племянника.

(36) См. тамъ же и въ Журналѣ Посольства (Dyaryusz).

(37) См. Дѣла Польск. No 26. л. 143 на обор.

О размѣщеніи Поляковъ по городамъ см. Dyaryusz и *Дипл. Собр.* Бантыша-Каменскаго, стр. 387.

(38) См. Дѣла Польск. No 26, л. 182 и 307, также *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 388.

(39) См. *Дѣла Польск.* No 26, л. 42 на обор., и Палицына (стр. 58).

(40) См. *Дѣла Крым.* и *Ногайскія*. Иштерекъ еще при Борисѣ Годуновѣ клятвенно обязался, за себя и за потомство свое, служить Царямъ Россійскимъ. См. сей Исторіи Т. XI, стран. 91.

(41) См. Маржерета (стран. 148).—Во время смятенія, о коемъ говорится ниже, онъ находился неподалеку отъ Царя и былъ свидѣтелемъ его распоряженій. Сочинитель Rzeczy относитъ сіе происшествіе къ 25 Іюня, по Нов. Стилю (по Старому 15-е) которое въ семъ году было въ Воскресенье.

(42) См. Маржерета.

(43) См. Розрядн. Кн.

(44) См. Томъ XI, стр. 131 и слѣдующія.

(45) См. тамъ же, стран. 205.

(46) См. *Сказаніе Авр. Палицына*, стран. 29—85, *Ник. Лѣт.* 78, и Хронографъ, который купленъ покойнымъ Исторіографомъ у *Столяра* (какъ сказано

въ его записной книжкѣ), и который онъ означалъ симъ именемъ (л. 533).

(47) См. Т. XI, стр. 163, *Никон. Лѣт.* 80 и 85, *Столяр.* л. 533, Послужн. Списокъ чиновниковъ (*Др. Рос. Вивл.* XX, 81); также *Розрядн. Кн.* и Бера.

(48) См. Бера.

(49) См. выписку изъ Посольства Князя Волконскаго въ *Дѣлахъ Польск.* No 26, л. 186, 187 на об., 197, на об., 213, 215, 253, 321 и 338.

(50) См. тамъ же, и Том. XI, стран. 226.

(51) Маржерет. 142. Онъ же разсказываетъ о трехъ лошадяхъ, требованныхъ изъ конюшни *отъ имени Царя Димитрія* (см. выше, прим. 19): говоритъ также, что трупъ, который почитали Лжедимитріевымъ, былъ, по увѣренію Французск. купца Бертрана де Касанъ, съ бородою, а у Лжедимитрія бороды не было, и что, по словамъ Бучинскаго, въ то же время пропалъ безъ вѣсти одинъ молодой Дворянинъ, любимецъ Лжедимитрія, qui luy ressembloit fort, fors qu'il avoit un peu de barbe (стр. 145).

(52) См. Маржер. 144.

(53) Rzeczy Polskich 80.

(54) Авр. Палиц. 30.

(55) *Собр. Гос. Грам.* II, 318.

(56) См. Бера и *Лѣтопись Львова.*

(57) См. Бера.—Всѣ наши Лѣтописцы говорятъ, что Болотниковъ былъ холопъ Князя Андрея Телятевскаго.

О томъ, что Князь Василій Мосальскій присталъ къ сторонѣ Лжедимитрія, тогда же извѣстно было Посламъ нашимъ въ Польшѣ. См. *Дѣл. Пол.* No 26, л. 288. Прежде же того, еще въ Августѣ мѣсяцѣ, Послы наши слышали отъ Пристава своего, яко бы Князь Вас. Мосальскій пріѣхалъ въ Польшу къ Димитрію, у котораго онъ былъ »на Москвѣ Ближней Бояринъ и Дворецкой.« (Л. 186 на об.) Но это былъ другой: Князь Василій *Рубецъ*-Мо-

сальскій, о коемъ сказано около прим. 13, и ниже, въ пр. 119.

О Князѣ, Иванѣ Мосальскомъ, см. ниже, около прим. 115, о Михайлѣ Долгорукомъ, прим. 116.

(58) Объ отцѣ Воротынскаго, побѣдителѣ Хана Крымскаго, см. Т. IX, 231 и далѣе, о Князѣ Юріи Трубецкомъ *Розряд.* 978.

(59) См. Rzeczy Polskich. 86, и *Никон. Лѣт.* 80.

(60) Беръ.

(61) *Столяр.* л. 533 на обор., и *Никон. Лѣт.* 81.

(62) Кобѣржицкій въ Hist. Vlad. (стр. 434).

(63) См. Т. XI, стр. 211.

(64) *Никон. Лѣт.* 85, и *Столяр.* л. 533.—См. также *Розряд. Кн.* л. 984.

(65) См. *Ник. Лѣт.* 82, и Грамоту Митр. Филарета къ Устюж. Протоіерею отъ 30 Ноября 1606 (которой списокъ принадлежалъ покойному А. И. Ермолаеву).

(66) См. ту же Грам. Филарета.

(67) *Хроногр. Ключарева.*

(68) См. Грамоту, о коей выше, въ прим. 65.

(69) И Молчановъ и Князь Василій Мосальскій были убійцами юнаго Θеодора Борисовича. См. Т. XI.

(70) См. Бера и Петрея.

(71) См. Бера.

(72) Ксенія скончалась 30 Авг. 1622 г. См. *Ист. Рос.* Кн. Щербатова, Книгу XV, стр. 24, и *Истор. Рос. Іерарх.* II, 68.

(73) Василій Шуйскій умеръ 12 Сентября 1612 года. См. ниже, въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома.

(74) См. Розр. Кн. л. 997.

(75) Тамъ же, на об.

(76) *Никон. Лѣт.* 81, и *Латух. Ст. Кн.*

(77) См. упомянутую выше сего Грам. Филарета.

(78) См. ту же Грамоту, 30 Ноября.

(79) См. *Лат. Ст. Кн.*

(80) См. Грамоты Филарета, 29 и 30 Ноября.

(81) О прежней измѣнѣ ихъ см. выше, стран. 40, и Грам. Филар. отъ 30 Ноября.

(82) См. Бера, *Ник. Лѣт.* 82, *Столяр.* л. 354, и Послужн. Списокъ Бояръ (*Др. Рос. Вивл.* XX, 83).

(83) См. Грам. Филар. отъ 30 Ноября.

(84) См. *Лат. Ст. Кн.*

(85) См. Бера.

(86) Такъ пишутъ современникъ Беръ и Лѣтописцы Никон. и Латух.; но въ Грамотахъ Царя Василія и Митрополита Филарета сказано, что Истома Пашковъ взятъ въ плѣнъ.

(87) См. *Никон. Лѣт.*

(88) См. Послужн. Списокъ въ *Др. Рос. Вивл.* (XX, 81 и 82) — Тутъ же сказано о пожалованіи Начальника Смолянъ Полтева Думнымъ Дворяниномъ.

(89) См. Грам. Филар. отъ 8 Дек.

(90) См. *Латух. Ст. Кн.*

(91) См. Бера.

(92) См. тамъ же.

(93) См. Т. XI, 278.

(94) См. *Ник. Лѣт.* 80, и Хронографъ *Столяр.* (л. 532 на об.).

(95) См. Бера. — По словамъ его, Лжепетръ привелъ въ Путивль 10,000 человѣкъ.

(96) См. *Ник. Лѣт.* 85 и 86.

(97) См. *Дѣла Польск.* No 26. л. 253 и 287, и *Ник. Лѣт.* 86.

(98) *Розряд. Кн.* л. 996, и Бера. Изъ *Розрядн. Книги* и Лѣтописцевъ видно, что послѣ бѣгства Болотникова и Беззубцева Царь Василій не самъ шелъ за ними, но отправилъ Воеводъ, изъ коихъ первымъ былъ Князь Иванъ Ивановичь Шуйскій.

Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ Калуги. См. *Больш. Чертежъ*, стран. 130.

(99) *Столяр.* л. 534.

(100) *Столяр.* л. 535, и *Ник. Лѣт.* 82.

(101) О Хворостининѣ см. *Розр.* л. 986; также собственную его Грамоту, писанную изъ Астрахани

къ Нагайскому Князю Иштерку и Мурзамъ, коею онъ приглашалъ ихъ дать со всею Ордою присягу явившемуся вновь Самозванцу (*Собр. Гос. Грам.* II, 326). — О Карповѣ см. *Ник. Лѣт.* 81.

(102) О Годуновыхъ, назначенныхъ въ Воеводы въ Сибирь, см. Т. XI, 238.—Грамота Василіева въ Верхотурье отъ 5 Дек. 1606 (*Собр. Г. Грам.* II, 318) писана къ Степану Годунову. — См. *Розряд.* л. 986 на об.

(103) См. *Собр. Гос. Грам.* II. 320.

(104) *Ник. Лѣт.* 79.

(105) Тамъ же, 81, 83 и 84, и *Хронограф. Столяр.* л. 535.

(106) См. въ старинной рукописной книгѣ, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву, главу 29, *о посланіи Благовѣрнаго Гос. Царя и В. Кн. Вас. Ив. всея Русіи въ Старицу по Іева, бывшаго Патріарха Московскаго, и како пришелъ Іевъ Патріархъ въ Москву и прощеніе далъ всему Московскому народу и прощальную грамоту въ крестномъ преступленіи.*

(107) См. тамъ же *Челобитную* отъ имени Московскаго народа.

(108) См. тамъ же *Прощальную Грамоту Іова.*

(109) Тамъ же.

(110) Тамъ же.

(111) *Истор. Рос. Іерархіи.* Т. I, 41.

(112) Осада была въ Генварѣ. См. *Розрядн. Кн., Столяр.* л. 534 на об., *Никон. Лѣт.* 84; также *Латух. Степ. Книгу.*

(113) *Столяр.* л. 534 на об.

О Фидлерѣ см. Бера и Петрея (стр. 390).—Беръ присовокупляетъ: »послѣ сей страшной и богопротивной присяги Фидлеръ не усомнился явиться къ Болотникову, и въ присутствіи окружавшихъ его людей сказалъ, что получилъ отъ Шуйскаго повелѣніе *дать ему ядъ*, и отдаетъ его, на какое угодно употребленіе.«

(114) *Ник. Лѣт.* 84.

(115) *Ник. Лѣт.* 87.

Артемій Измайловъ пожалованъ изъ Думныхъ Дворянъ Окольничимъ. См. *Розряд.* *л.* 993, и Послужн. Списокъ Бояръ въ *Др. Росс. Вивліоѳ.* XX, 82.

(116) См. *Геогр. Слов. Рос. Государства,* подъ словомъ *Серебряное,* Т. V, 916, и *Столяр.* л. 535 на обор.

О Князѣ Мосальскомъ (Иванѣ Даниловичѣ) см. *Розряд. Кн.* л. 977.

(117) *Столяр.* л. 536.

(118) См. *Собр. Гос. Грам.* (II, 326) и выше, примѣч. 101. См. также *Ник. Лѣт.* 81. Упоминаемый въ немъ островъ Балчикъ или Батчикъ именуется и Болдинскимъ (см. *Геогр. Слов. Росс. Гос.* Т. I, 329) отъ *Болды,* протока или рукава Волги. См. *Больш. Чертежъ,* стр. 239.

(119) Сего К. Вас. Мосальскаго не должно смѣшивать съ другимъ Василіемъ Рубцомъ-Мосальскимъ, который былъ посланъ въ Корелу въ первые дни Василіева царствованія, и въ 1608 году еще находился тамъ. См. *Розр. Кн.* л. 985 и 1004 на об.

(120) См. *Болш. Чертежъ,* стр. 178, и *Ник. Лѣт.* 85.

(121) См. Т. XI, 111.

(122) *Розряд.* л. 992.

(123) См. Бера, *Розряд.* л. 992 на об., и *Ник. Лѣт.* 86.

(124) См. *Ник. Лѣт.* 86, *Столяр.* л. 535, и *Латух. Степ. Кн.*

(125) Сіе число въ *Латух. Ст. Кн.*

О Нѣмцахъ, измѣнившихъ Шуйскому, пишетъ Беръ: Начальникомъ ихъ былъ Лифляндецъ Гансбергъ.

(126) Rzeczy Polskich.

(127) *Ник. Лѣт.* 87.

(128) *Розряд.* л. 995 на об. — *Стол.* л. 537.

(129) См. Бера и Rzeczy Polskich.

(130) *Ник. Лѣт.* 84 и 87.

(131) См. *Розр.* л. 931 на об., въ Рукоп. книгѣ, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву, *списокъ съ*

Грамоты Митр. Филарета 12 Іюня, *Ник. Лѣт.* 87, *Лат. Ст. Кн.* и Бера.

(132) *Столяр.* л. 537 и на об.

(133) См. *Ник. Лѣт.* и *Столяр.* л. 538 и 540.

О рѣчкѣ Воронеѣ, впадающей въ Упу ниже Тулы, см. *Больш. Чертеж.* 180.

(134) *Стол.* л. 539 и 540, *Рукоп. Филарет.*, и *Ник. Лѣт.* 89.

(135) *Ник. Лѣт.* 91.

(136) Беръ.

(137) Тамъ же.

(138) Аврам. Палиц. 31: »Нарекоша ложнаго Царя »Димитрія отъ Сѣверскихъ градовъ, Попова сына, Ма»тюшку Веревкина.« — См. также *Латух. Ст. Кн.*

Кобѣржицкій въ Hist. Vlad. 320: »Certe Judaeum »fuisse suspicionem movit inter fugientis è castris »supellectilem repertum Thalmut, multique Hebraei »codices et Syngraphae, Judaïcis exaratae characte»ribus.»

Нарушевичь (въ Hist. Chodk. T. I, ks. IV, not. 70) приводитъ слѣдующія слова, изъ письма Царя Мих. Ѳед. къ Морицу, Принцу Оранскому, помѣщенныя въ книгѣ Respublicae et Urbes. Lugd. Bat. 1630. pag. 581: »Сигизмундъ послалъ Жида, который на»звался Димитріемъ Царевичемъ.«

Беръ: »Получивъ письмо (отъ Болотникова и Ша»ховскаго), друзья Сендомирскаго Воеводы приступа»ютъ къ дѣлу и находятъ для сего въ *Слобѣ* (?), что »въ Бѣлоруссіи, человѣка, родомъ Русскаго, жившаго »учителемъ у одного Священника и умѣвшаго хорошо »читать и писать по-Русски и по-Польски: звали его »Иваномъ. Сего хитраго юношу они назначили пред»ставлять Димитрія.«

Петрей, 395: »Haben sie doch einen endlich in »weiss Reussland in der Stad Socola, (*Соколъ*, мѣ»стечко въ Витеб. Губерніи; см. *Слов. Географ.*), »mit Namen Johannes, ein spitzfündigen und vers»chmitzten Kerl angetroffen, der zuvorn eine geraume »Zeit Schuelmeister gevesen ist, und Reussisch fertig

»lesen und schreiben kondte. Diesen nenneten sie Demetrium,« etc.

(139) *Ник. Лѣт.* 117.

О свойствахъ его пишетъ Кобѣржицкій (стран. 321).

(140) Кобѣржицкій. См. выше, прим. 138.

(141) См. письмо Николая Харлескаго изъ Остроклудова отъ 19 (т. е. 9 по Ст. Стилю) Окт. 1607 года, найденное Нѣмцевичемъ въ Рукописи Луцкаго Прелата Осинскаго (Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 304). Нѣмцевичь думалъ что въ семъ письмѣ говорится о первомъ Лжедимитріи; но оно писано въ 1607 году, и въ немъ нѣсколько разъ упоминается о Царѣ Шуйскомъ и ни слова о Годуновѣ.

(142) Нѣмцевичь въ Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 327.

(143) См. Бера.

(144) См. *Ник. Лѣт.* 89.

Если сіе случилось въ 7116 году, какъ говоритъ сей Лѣтописецъ, то не прежде 1 Сентября 1607 года: ибо годы отъ Сотворенія Міра считались съ сего числа. Но Беръ, современникъ, утверждаетъ, что Самозванецъ отправился изъ Путивля въ Стародубъ въ Яковлевъ день (по Лютеранскому Календарю 25 Іюля); а отъ Стародуба до Путивля не болѣе 180 верстъ.

(145) См. Бера, Журналъ Машкѣвича и *Ник. Лѣт.* 90.

(146) См. Бера.

(147) *Ник. Лѣт.* 90.

См. также Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III, II, 323.

(148) См. *Ник. Лѣт.* 89.

(149) См. Бера, и *Ник. Лѣт.* 90.

(150) О семъ письмѣ см. выше, прим. 141.

(151) »Sam Szuycki odstąpił z woyskiem swojém »od Tuły, którą dobywał: wielki rozruch w jego »woysku,« etc.

(152) *Стол.* л. 540 на об., *Ник. Лѣтоп.* (стр. 91), и *Рукоп. Филар.*

(153) Беръ разсказываетъ нелѣпую басню, будто одинъ старый Монахъ, волшебникъ (zauberscher Mönch), обѣщалъ начальникамъ Тулы разрушить плотину, требуя за сіе сто рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду и долго былъ невидимъ; наконецъ явился въ самомъ жалостномъ положеніи, и объявилъ зрителямъ, что Шуйскій съ помощію 12.000 бѣсовъ запрудилъ рѣку; что половину ихъ ему удалось склонить на сторону осажденныхъ, но другая половина осталась непреклонною въ злобѣ, и онъ за свои тщетныя усилія принужденъ былъ заплатить лютыми ранами.

(154) См. Бера. Тула, по словамъ его, сдалась въ день Симеона и Іуды, т. е. 28 Октября; по *Уваров.* и *Столяр. Хронографамъ* въ Праздникъ Покрова. Но въ *Грамотѣ Царя Василія* отъ 19 Октября, коей списокъ находится въ книгѣ, принадлежавшей Г. Ермолаеву, сказано: »Октября въ 10 день.«

(155) Онъ умеръ въ Боярскомъ санѣ въ 120 (1612) году. См. Списокъ Бояръ въ *Др. Рос. Вивл.* XX, 86.

(156) См. Бера, и *Ник. Лѣт.* 91.

(157) См. *Ник. Лѣт.* 92.

(158) *Стол.* л. 539 на об.

(159) Беръ: »Но тѣ Бояре и воины, которые стояли подъ Калугою, должны были остаться на службѣ.«

(160) См. Паерле. — Беръ пишетъ, что Шуйскій ѣздилъ въ Троицкую Лавру въ осеннее, ненастное время, приносить *Богу Сергію* (dem Gott Sergio) благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

(161) *Стол.* л. 541, и *Ник. Лѣт.* 91.

(162) См. Бера и Петрея.

(163) См. *Ник. Лѣт.* 95, *Хрон. Стол.* л. 551 на об. и *Рукоп. Филар.*

Въ *Розряд. Книгахъ* и въ *Диплом. Собр. Бант. Каменскаго* сказано, что Шуйскій женился 17 Генваря; что имя невѣсты его было Екатерина; но что въ Царицахъ дали ей имя Маріи.

(164) *Псковск. Лѣтоп.* л. 36 на об.

(165) О Законѣ 1593 года см. Т. X, 229, и прим. 347. — Въ 1601 г. оный объявленъ былъ временнымъ. См. Т. XI, 92. См. тамъ же, на стран. 239, и Лжедмитріево постановленіе о крестьянахъ. Законъ Василія о крестьянахъ, подписанный 9 Марта, помѣщенъ въ дополнительныхъ Указахъ къ Судебнику, изданному 1786 г. (стр. 240).

Можетъ быть инымъ Читателямъ уже извѣстно, что нашъ покойный Исторіографъ худо вѣрилъ подлинности сего Акта, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ Государственныхъ Архивовъ, о коемъ не упоминаютъ современные Лѣтописцы и который изданъ въ свѣтъ (въ дополненіи къ Судебнику) Историкомъ Татищевымъ, не рѣдко дозволявшимъ себѣ *изобрѣтать* древнія преданія и рукописи. Соображая всѣ сіи обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли о подлогѣ: ее оправдываютъ и странность нѣкоторыхъ разсужденій, помѣщенныхъ въ семъ, будто бы Василіевомъ Законѣ, и самый слогъ онаго. Въ одномъ изъ манускриптовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, противъ словъ текста: (Шуйскій) *подтвердилъ Уложеніе Θеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно составлено Годуновымъ, вопреки мнѣнію Бояръ старѣйшихъ, и произвело въ началѣ много зла,* и пр. (См. стран. 80 сего XII Тома) Исторіографъ своею рукою прибавилъ на полѣ: *все сомнѣваюсь: для чего же не перемѣнилъ?*

(166) См. *Уставъ Ратныхъ, Пушечныхъ и другихъ Дѣлъ, касающихся до Воинской Науки*, изд. подъ смотрѣніемъ Рубана. СПБ. при Госуд. Воен. Коллегіи, 1777.—Въ сей книгѣ помѣщены 663 Статьи, выбранныя въ Царствованіе Василія Шуйскаго и Михаила Θеодоровича, въ 1607 и 1621 г. изъ иностранныхъ военныхъ книгъ *Онисимомъ Михайловымъ.*

(167) *Устав. Рат.* I, 75.

(168) См. выше, описаніе смятенія во время шествія Василія въ церковь 15 Іюня. Маржеретъ. (стр. 149).

(169) См. Бера. — Въ Rzeczy Polskich сказано, что Царь велѣлъ заковать въ желѣзы врачей Давида и Христофа.—См. о приглашенiи сихъ Докторовъ въ Россiю, Т. X, прим. 461.

(170) См. выше, стран. 48, и Бера.

(171) См. выше, стран. 49, и Бера.

(172) Нѣмцевича Dz. Pan. Zygm. III, T. II, стран. 323. Отчаянные наѣздники, служившiе подъ начальствомъ сего Лисовскаго, назывались и послѣ смерти его *Лисовчиками*. Подъ симъ именемъ славились они особенно въ 30-лѣтнюю войну, служа Императору. См. Квятковскаго Dzieje Nar. Pol. za Panowania Władysława IV, стр. 143.

Дѣл. Польск. No 27: Послы говорятъ Боярамъ: «А »Лисовскаго мы для того не написали, что онъ изъ »земли Государя нашего *выволанецъ*, и чести своей »отсуженъ, и въ которомъ городѣ нашемъ его пои»маютъ, и его тамъ казнятъ.«

(173) *Ник. Лѣт.* 92.

(174) *Ник. Лѣт.* 93, и *Столяр. л.* 542 на об.

Беръ говоритъ, что въ сiе время находился въ Брянскѣ плѣнный Лифляндецъ Гансбергъ, начальствовавшiй надъ сотнею Нѣмцевъ, и уже два раза переходившiй на сторону Самозванца, но опять принятый Шуйскимъ и прощенный имъ.

(175) *Собр. Гос. Грам.* II, 327. — Сiя Грамота писана 27 Генваря 1608.

(176) Беръ.

(177) См. Нѣмцевича, Кобѣржицкаго Hist. Vlad. 90, и Бера.

(178) См. *Розряд. Кн. л.* 1000.

(179) См. выше, около примѣч. 158, и *Столяр. л.* 542.

(180) Петрей, стран. 403.

(181) См. Т. XI, стран. 176.

(182) См. Авр. Палицына и *Хроногр. Ключарева.*

(183) Беръ пишетъ, что по причинѣ глубокихъ снѣговъ можно было нападать лишь на кормовщиковъ непрiятельскихъ.

(184) См. Шведскаго Историка Видекинда, въ его Historia belli Sveco-Moscovitici decennalis, стран. 41.

(185) *Столяр.* л. 544, и *Ник. Лѣт.* 98.

(186) *Столяр.* л. 545, и *Ник. Лѣт.* 95.

(187) См. Бера и *Ник. Лѣт.* 96.

По словамъ Бера, первое сраженіе Лжедимитрія съ Царскимъ войскомъ было 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, а второе Апрѣля 24, въ Воскресенье.

(188) См. The Russian Impostor, 143. Далѣе см. *Ник. Лѣт.* 96, и *Столяр.* л. 545.

(189) См. Бера. Въ Москвѣ говорили, что Лжедимитрій по глазамъ узнаетъ виновнаго. Нѣкто изъ черни, услышавъ сіе, вскричалъ: »я погибъ, если онъ »меня увидитъ: симъ ножемъ зарѣзалъ я пять чело»вѣкъ его Поляковъ.«

(190) *Ник. Лѣт.* 96, и *Столяр.* л. 545 на об.

(191) См. о немъ выше, стран. 37 и 38, гдѣ сказано о бѣгствѣ его изъ-подъ Кромъ.

(192) *Ник. Лѣт.* 97.

(193) См. Бера и *Столяр.* л. 545 на об.

(194) Беръ, и за нимъ Петрей.

(195) См. Бера, Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III. (II, 328) и Машкѣвича.

(196) The Russ. Impost. 143.

(197) См. *Латух. Степ. Кн.*, *Ник. Лѣт.* 97, и *Филар. Рукоп.*

(198) См. *Розр. Кн.*, *Столяр.* л. 546, и *Филар. Рукоп.*

(199) См. *Розрядн. Кн.* л. 1005.

(200) См. *Диплом. Собр. дѣлъ*, Бантыша-Каменскаго. Свита сихъ Пословъ состояла изъ 314 человѣкъ.

(201) См. тамъ же.

(202) См. Паерле. — Щербатовъ (Т. VII, 219) пишетъ, что Апрѣля 11 числа принесено къ Царю письмо на Греческомъ языкѣ отъ неизвѣстнаго человѣка; онымъ увѣдомляли его, что прибывшіе Послы не имѣютъ никакой власти и желаютъ только освободить Мнишка и другихъ Пановъ. Сіе обстоятельство за-

трудпило Царя въ дозволеніи Воеводѣ Сендомирскому видѣться съ Послами. Щербатовъ ссылается на *Дѣла Польскія* 7116 (1608) г. хранящіяся въ Москов. Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ связкѣ подъ No 1.

(203) *Ник. Лѣт.* 97.

(204) См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(205) См. *Дѣл. Польск.* и *Диплом. Собр.* Б. Кам.

(206) См. Бера и Петрея. Сраженіе было 24 Іюня. См. также *Ник. Лѣт.* 98, и *Столяр.* л. 548.

(207) Сія любопытная Грамота, отъ Россійскихъ Бояръ въ Тушино къ Рожинскому и Товарищамъ его, послана 16 Авг. за печатію Князя Ѳед. Ив. Мстиславскаго. Списокъ ея находится въ одной древней рукописи, принадлежавшей покойному Графу Н. П. Румянцеву.

(208) Бера.

Сапѣга пріѣхалъ вѣроятно послѣ переговоровъ: ибо въ опыхъ объ немъ не упоминали. См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(209) См. Бера, и Т. XI, прим. 592. См. о Сапѣгѣ также Нѣмцевича (Dz. Pan. Zygm. III, II, 334).

(210) *Ник. Лѣт.* 100.

(211) Тамъ же.

(212) *Стол.* л. 549, и *Ник. Лѣт.* 99.

(213) Тамъ же.

(214) См. Нѣмцевича Dz. Pan. Zygm. III, T. II, стран. 334. Слова Сапѣги къ воинамъ находятся въ Берѣ. См. также *Столяр.* л. 548 на об., и *Ник. Лѣт.* 101.

(215) См. тамъ же, и Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 335.

216) См. выше въ семъ Томѣ, стр. 98.

(217) *Ник. Лѣт.* (стран. 100) говоритъ, что Лжедимитрій »посла напередъ, и повелѣ Сендомирсково съ »дочерью и Пословъ поворотить въ таборы К. Ва»силья Масальсково; той же К. Василей переняль въ »Бѣльскомъ уѣздѣ,« и пр. Но въ письмѣ Лжедимитрія, посланномъ къ Сендомирскому Воеводѣ 22 Авг. 1608

г. не упоминается о Мосальскомъ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 336.

(218) *Ник. Лѣт.* 100. Объ Олесницкомъ, см. *Дѣла Польск.* No 30, л. 97.

(219) См. Бера.

(220) Тамъ же.

(221) Тамъ же. Сей новый Самозванецъ, надменный своими успѣхами, сочинилъ для себя слѣдующій пышный титулъ: »Мы, Дим. Ив. Царь Московскій, Само»держецъ всѣхъ Княжествъ Русскихъ, единый Богомъ »данный и избранный, Богомъ хранимый, Богомъ по»мазанный и возвеличенный надъ прочими Царями, по»добный второму Израилю, ведомый силою Всевыш»няго, единый Царь Христіанскій отъ Востокъ до »Западъ, и многихъ Государствъ повелитель.« См. Бера и Петрея, стр. 425.

(222) Тамъ же, и *Столяр.* л. 548.—О Дьякѣ Иванѣ Грамотинѣ см. *Ник. Лѣт.*

(223) Такъ пишутъ иностранные Историки, Беръ и Петрей.

(224) *Ник. Лѣт.* 100, и *Столяр.* л. 549.

(225) *Столяр.* л. 549.

(226) *Сказаніе Аврам. Палицына*, 58, и *Дѣл. Пол.* No 27, л. 42.

(227) *Ник. Лѣт.* 101.

(228) Тамъ же, 102.

Вступленіе въ Москву должно было послѣдовать не прежде Декабря. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 342 и 346, и *Розр. Кн.*

(229) См. *Розр. Кн.*

(230) См. слова Патріарха къ Царю Василію, въ Филаретовой Рукописи.

(231) Беръ говоритъ о двухъ переметчикахъ, Гансѣ Шнейдерѣ, Лифляндцѣ, и Гансѣ Генрихѣ Капельсенѣ, урожендѣ Австрійскомъ, присовокупляя, что послѣдній изъ нихъ былъ уже въ Турціи Мусульманиномъ, а послѣ опять жилъ въ Германіи; наконецъ прибылъ въ Москву при Годуновѣ и *перекрестился* въ Греческую вѣру, *отрекшись Бога, Котораго съ дѣт-*

ствѣ исповѣдывалъ и обязавшись поклонятъся Русскому Богу, Николаю.

(232) См. *Сказ. Аврам. Палицына*, стран. 32.
(233) Тамъ же, стр. 31, 32, 36 и 37.
(234) См. См. Томъ XI, 175 и 197.
(235) Палиц. 37 и 56.
(236) См. *Слов. Геогр. Росс. Гос.* Ч. V, подъ словомъ *Святотроицк. Сергіева Лавра,* стран. 805; также *Истор. Рос. Щербатова*, Т. VII, 286. Ограда построена за 20 лѣтъ до осады. См. также *Кратк. Историч. описаніе Св. Троицк. Сергіевой Лавры, соч. Митроп. Платономъ.*
(237) См. *Палиц.* 59 и 60.
(238) См. тамъ же.
(239) Тамъ же, 59.
(240) Подъ Рахманцовымъ. См. выше, стран. 102.
(241) Палиц. 61 и 85.
(242) Тамъ же, 62.
(243) Тамъ же, 63 и 64.
(244) Тамъ же, 65.
(245) Тамъ же, 59.
(246) Тамъ же, 67—70.
(247) Палицынъ подробно описываетъ расположеніе сихъ туровъ (стран. 72).

Щербатовъ (см. его Истор. XV, 295) повѣрялъ сіе описаніе съ планомъ монастыря, сдѣланнымъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и съ свѣдѣніями, доставленными ему отъ Митрополита Платона, который о семъ распрашивалъ старожиловъ. Упоминаемая Палицынымъ, *Водяная* башня находилась на углу между южною и западною стѣнами, близъ того мѣста, гдѣ были Водяныя ворота, а *Плотничная* — которая именуется нынѣ *Угольною* и противъ коей былъ прежде Плотничный дворъ—между стѣнами западною и сѣверною.

(248) Палиц. 73 и 95.
(249) Тамъ же, 77 и 78.
(250) Тамъ же, 80 и 81.

(251) См. тамъ же (81 и 82) о *запаленіи* пивнаго двора.

(252) Тамъ же, 77.

(253) Тамъ же, 83.

(254) Тамъ же, 84 и 85.

(255) Тамъ же, 85—87.

(256) Тамъ же, 84.

(257) Тамъ же, 87.

(258) Тамъ же, 95 и далѣе: »Иное ядро прорази »желѣзныя двери съ полуденныя страны у Церкви »Живонач. Троицы и проби дску мѣстнаго образа ве»ликаго Чудотв. Николы выше лѣваго плеча подлѣ »вѣнца, за иконою же ядро не объявися.« (Сей образъ и желѣзныя двери, пробитыя пушечнымъ ядромъ, показываютъ донынѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ). »Тогда въ церкви нападе страхъ великъ на вся пред»стоящыя люди, и вси колеблющеся, и поліянъ бысть »помостъ церковный слезами, пѣнію медлящу отъ мно»жества плача,« и проч.

О побѣгѣ Оськи Селевина, см. тамъ же, стр. 80.

(259) Палиц. 88.

(260) Тамъ же, 95.

(261) Тамъ же, 91.

(262) Палиц. 98.

Палицынъ пишетъ, что Атаманъ Епифанецъ удалился отъ Лавры, устрашенный небесными явленіями. Атаманы и Козаки видѣли ночью ходящихъ вокругъ Обители двухъ свѣтозарныхъ Старцевъ, *по образу и по подобію* Угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, изъ коихъ одинъ кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ крестомъ, другой кропилъ Святою водою, и оба велегласно пѣли стихъ: *Спаси, Господи, люди своя,* и кондакъ: *Вознесыйся на крестъ* и пр.; потомъ, обратясь къ осаждающимъ, укоряли ихъ въ злодѣйскомъ замыслѣ: »Почто стекошеся разорити домъ Пресв. »Троицы и въ немъ Божія церкви осквернити и ино»чествующихъ и всѣхъ православныхъ Христіанъ »погубити? но не дастъ вамъ жезла на жребій свой »Господь.«

(263) Тамъ же, 101.
(264) Тамъ же, 103, 107 и 108.
(265) Тамъ же, 103.
(266) Тамъ же, 102.
(267) Троицкій слуга, Ананія Селевинъ, подвизавшійся вмѣстѣ съ Иваномъ Ходыревымъ. См. *Палиц.* 105 и 106.
(268) Тамъ же, 106.
(269) Тамъ же, 109.
(270) Тамъ же, 109 и 110.
(271) Тамъ же, 113.
(272) Тамъ же, 113 и 114.
(273) Тамъ же, 115.
(274) Тамъ же, 116. Убитыхъ было 40, и много раненныхъ.
(275) Сіи Дѣти Боярскіе были Переславцы, Петруша Ошушковъ и Степанко Лешуковъ. См. Палиц. 121.
(276) Тамъ же, 122, и *Истор. Щерб.* XV, 329.
(277) Объ измѣнѣ Казначея Дѣвочкина см. тамъ же, 117.
(278) Тамъ же, 123 и 124.
(279) Тамъ же, 125—127, и 143.
(280) Съ 17 Ноября пишетъ Палицынъ на стр. 130.
(281) Тамъ же, 132.
(282) Тамъ же, 131 и дал.
(283) Тамъ же, 135 и 136.
(284) Тамъ же, 136 и 137.
(285) Тамъ же, 140 и дал.
(286) Тамъ же, 145.—О немъ см. выше, прим. 267.
(287) Палиц. 145 и 146. — Тамъ же сказано, что въ одной вылазкѣ Ананія, ратуя вмѣстѣ съ Нѣмкомъ, потерялъ коня и съ того времени дѣйствовалъ не столь успѣшно. Не смотря на опухоль ноги, поврежденной выстрѣломъ изъ пищали, онъ не переставалъ участвовать въ битвахъ, но опять получилъ рану въ ту же ногу. »И тако крѣпкій мужъ возвра-

»тися вспять, и отече нога его до пояса, и по днехъ »малѣхъ скончася ко Господу.«

(288) Палиц. 147.

(289) Тамъ же, 148.

(290) Тамъ же, 98, 136 и 138.

(291) Тамъ же, 148 и 149.

(292) О числѣ погибшихъ см. Палиц. 132 и 134.

(293) Тамъ же, 149 и 150.

(294) Тамъ же, 150 и 151.

(295) См. письмо Марины къ отцу отъ 23 Марта (по Нов. Ст.) 1609 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 360).

(296) *Собр. Гос. Грамотъ*, II, 342 и 345.

(297) *Ник. Лѣт.* 110.

(298) Тамъ же, 102.

(299) Тамъ же, 103 и 104.

Нѣмцевичь (См. Dz. P. Zygm. III, T. II, 336) почерпавшій свѣдѣнія болѣе изъ Польскихъ источниковъ, пишетъ, что *изображеніе* (posąg, статуя) Св. Леонтія, доставшееся Сапѣгѣ, а отъ него подаренное Маринѣ, Русскіе цѣнили въ 50.000 рублей. Онъ же говоритъ, что въ Ростовѣ начальствовалъ тогда Третьякъ Сеитовъ, который взятъ въ плѣнъ и отосланъ вмѣстѣ съ Филаретомъ къ Самозванцу. — По словамъ Бера, изображеніе Св. Леонтія, вылитое изъ золота, было вѣсомъ въ 200 фунтовъ.

(300) *Палиц.* 44, и *Латух. Степ. Кн.*

(301) Беръ утверждаетъ, что Филаретъ имѣлъ въ своемъ жезлѣ восточный яхонтъ, равнявшійся цѣною съ полубочкою золота, и — подарилъ его Лжедимитрію!

(302) См. выше, прим. 299.

(303) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 339.

(304) Объ измѣнѣ Костромы, Галича, Углича и Вологды см. *Нѣмцевича* (D. P. Z. III, II, 339) и Бера. Въ *Ник. Лѣт.* (105) исчислены вѣрные города: между ими не наименованъ Владиміръ, и какъ вскорѣ потомъ Литовцы, разбитые Княземъ Пожарскимъ, искали въ немъ убѣжища (см. тамъ же, 106), то видно, что сей городъ былъ уже на сторонѣ Лжедимитрія.

(305) *Ник. Лѣт.* 105.

(306) Нѣмцев. D. P. Z. III, 337.

(307) См. Бера и Петрея.

(308) См. выше, глав. I, стр. 27.

(309) *Псков. Лѣт.* 359. Тамъ же, на л. 355, 356 и 358 описаны бѣдствія Псковичей отъ мздоимства, грабительства и неправды.

(310) *Псков. Лѣт.* 77 и 78.

(311) Аврам. Палицын. 32—47.

(312) О Филаретѣ см. выше, около прим. 300. О Ѳеоктистѣ см. Аврам. Палиц. 44, и *Никон. Лѣт.* 131.

(313) См. Псков. Лѣтоп. л. 77.

(314) Палиц. 44.

(315) *Никон. Лѣт.* 105, и *Хроногр. Стол.* л. 143 на обор.

(316) См. The Russian Impostor, 153, и Машкѣвича.

(317) Беръ пишетъ, что всѣ дивились чрезвычайному изобилію съѣстныхъ припасовъ въ Тушинѣ: головы, ноги и внутренности битой скотины валялись на улицахъ въ такомъ множествѣ, что собаки не успѣвали пожирать ихъ. Отъ того былъ дурной запахъ и даже боялись язвы. Послѣдній изъ воиновъ ежедневно приготовлялъ для себя самыя лучшія яства; изъ напитковъ болѣе выходило меду, нежели пива.

(318) См. сей *Исторіи* Т. XI, 20.

(319) Палиц. 40.— *Ник. Лѣт.* (стр. 89) говоритъ, что Князья Петръ и Александръ Урусовы измѣнили еще подъ Тулою.

(320) См. выше, стран. 104.

(321) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 351. Марина писала къ отцу своему въ Генварѣ 1609 изъ-подъ Москвы, прося не лишить ее въ печали своего благословенія и простить, если она чѣмъ нибудь прогнѣвала его. Она прибавляетъ: »Въ письмахъ къ Его Царской »Милости упоминайте обо мнѣ и просите, чтобы я »у него могла имѣть почтеніе, милость.« Далѣе, жалуясь на претерпѣваемый ею недостатокъ, говоритъ,

что »у нея нѣтъ и сундучка.« См. тамъ же, на стран. 361, записку ея отъ 23 Марта.

(322) См. выше, прим. 138. Списокъ (на Польскомъ языкѣ) сей жалованной Грамоты, данной 14 Окт. 1608 изъ-подъ Москвы, находится въ Дѣлахъ Польскаго Двора 1736 года. — На основаніи сей и другихъ подобныхъ Грамотъ Польскій Коронный Великій Маршалокъ Мнишекъ не стыдился нѣсколько разъ (въ 1718, 1720, 1732 и 1736 годахъ) домогаться отъ Россійскаго Двора всего обѣщаннаго предкамъ его Самозванцами, или даннаго ими, но въ послѣдствіи отнятаго. (См. *Диплом. Собр. Дѣлъ*, Б. Каменскаго. I, 397).

(323) Такъ названные *перелеты*. См. выше, стран. 110.

(324) Такъ пишетъ Машкѣвичь, очевидецъ сихъ происшествій и наблюдавшій причины оныхъ. См. также Бера.

(325) См. сей *Исторіи* Т. XI, Гл. IV.

(326) См. выше, прим. 321. См. также другія письма ея отъ 26 Генв. и 23 Марта 1609, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 353 и 359.

(327) Въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго (на стран. 398) помѣщенъ переводъ Меморіала, поданнаго на Сеймѣ Послами Повѣтовъ. Списокъ онаго на Польскомъ языкѣ хранится въ Моск. Архивѣ, въ связкѣ писемъ Отрепьева, подъ No 55. Въ семъ Меморіалѣ означены жалобы Поляковъ на Россію, въ 8-ми статьяхъ: 1) »что »Русскіе, нарушивъ заключенную съ Поляками дружбу, обезчестили Королевскихъ Пословъ, и около »двухъ лѣтъ томили ихъ въ заключеніи; 2) что они »предали смерти Польскихъ людей, прибывшихъ въ »Москву съ паспортами Королевскими и Рѣчи Посполитой и не вѣдавшихъ ни о какомъ обманѣ; 3) что »мучили Сенатора Польской Короны, Воеводу Сендомирскаго, и другихъ знатныхъ особъ, пригласивъ ихъ »къ себѣ подъ видомъ дружбы, и уже присягнувъ на »вѣрность дочери перваго; 4) что отобрали у разныхъ людей грамоты Королевскія; 5) что оскорбили »Бога въ лицѣ служителя Его, Ксендза и Секретаря

»Королевскаго, умерщвленнаго предъ самымъ Олта»ремъ; 6) что возстали на Царя своего, Димитрія, »послѣ заключенія имъ союза съ Польскою Короною, »и тѣмъ оскорбили Короля и Рѣчь Посполитую: по»чему, если онъ живъ еще, должно подать ему помощь; »7) что нанесли *общую всѣмъ обиду*, удержавъ, огра»бивъ и заключивъ въ темницу Испанскаго Священни»ка, прибывшаго въ Москву отъ Папы и Короля »Испанскаго съ драгоцѣнною церковною утварію (въ сей статьѣ прибавлено, что нѣкто изъ Шведовъ, Густавъ, также умеръ въ темницѣ 1607 года: вѣроятно Шведскій Королевичь, пріѣхавшій въ царствованіе Бориса); »наконецъ 8) что побуждаютъ, »какъ слышно, Шведовъ и Татаръ къ нападенію на »Польшу.« За симъ сказано, что представляющійся случай есть самый лучшій для возвращенія Польшѣ всего, что ей принадлежитъ по праву, и означены средства помочь Самозванцу.

(328) См. сей *Исторіи* Т. XI, стр. 40.

Нѣмцевичь (Dz. P. Z. III, T. II, 348) пишетъ, что еще при Лжедимитріи одинъ изъ посланныхъ въ Польшу изъяснялъ о желаніи Бояръ имѣть Государемъ своимъ Королевича Владислава, вмѣсто Самозванца; что тоже повторяли сами Бояре по убіеніи Лжедимитрія, говоря даже о готовности Шуйскаго уступить вѣнецъ Королевичу, и что сіе извѣстіе подтвердилось прибывшими изъ Москвы Стадницкимъ и Домарадзкимъ. Нѣмцевичь и Нарушевичь ссылаются на современную рукопись Гетмана Жолкѣвскаго, *Объ успѣхахъ войны въ Россіи*, находившуюся въ Библіотекѣ Залусскихъ. (См. Наруш. Hist. Chodk. I, кн. IV, прим. 17, 107 и 108.)

(329) См. Нарушевича, Hist. Chodk. I, кн. IV, 255—259.

(330) См. выше, стр. 98.

(331) Hist. Chodk. I, кн. IV, прим. 113.

(332) См. Машкѣвича.

(333) Жолкѣвскій не страшился писать о семъ Королю: »Слышно въ народѣ, что В. Кор. Вел. не

»столько думаете въ семъ дѣлѣ о благѣ Рѣчи Поспо»литой, сколько о собственныхъ своихъ выгодахъ. Не »только чернь, но и знатные, хотя и не охотно, съ »душевною скорбію, говорятъ о семъ замыслѣ вашемъ.« (См. Dz. Pan. Zygm. III, II, 351.) — См. также Наруш. Hist. Chodk. I, кн. IV, прим. 114.

(334) Наруш. тамъ же, прим. 122.

(335) Потомокъ Всеволода въ шестомъ колѣнѣ К. Вас. Андр., принялъ названіе *Пожарскаго* отъ того, что ему достался въ наслѣдство опустошенный пожарами городокъ Погарь, который до нашествія Татарскаго именовался Радогость. См. *Біограф. свѣд. о Князѣ Д. М. Пожарскомъ*, соч. А. Ѳ. Малиновскаго, *Родосл. Книгу Князей и Дворянъ Россійскихъ*, Ч. II, стр. 59, 300 и 362, и *Розряд. Книг.* л. 973 и 979.

(336) *Ник. Лѣт.* 106.

(337) Тамъ же, 109 и дал.

(338) См. Грамоту Царя Василія къ Галицкимъ жителямъ, 30 Ноября 1608. (Въ *Собр. Гос. Грам.* II, 341).

См. тамъ же и прочія Грамоты Царя Василія: въ Устюжну Желѣзопольскую, 23 Дек. 1608 г. (тутъ предписывалось всѣмъ ополченіямъ собираться въ Ярославль для общей защиты); въ Вологду, 15 Мая 1609; Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ, Устюжскимъ и другимъ ратнымъ людямъ, 23 Мая; наконецъ, всѣмъ войскамъ, собравшимся у Ярославля, 28 Іюня (тутъ исчислены Вологжане, Бѣлозерцы, Устюжане, Каргопольцы, жители Соли-Вычегодской, Тотмичи, Вожане, Двиняне, Костромичи, Галичане, Вятчане). Въ 1609 году Сѣверные города уже держались стороны Царя. См. Бера и Петрея.

(339) Какъ видно, зимою, съ 1608 и 1609 г.: ибо крестьяне, по словамъ Бера и Петрея, бросали грабителей подъ ледъ. — Крестьяне, говоритъ Беръ, называли своихъ притѣснителей *глаголями*, отъ того, что Поляки ходили съ бритымм головами, оставляя только на верху хохолъ или пучокъ волосъ (Zöpfe).

(340) См. вышеупомянутыя въ прим. 338 Грамоты 23 Дек. 1608 и 15 Мая 1609 (*Собр. Гос. Гр.* II, 346).

(341) См. жалованную Грамоту *Именитому человѣку* Петр. Семен. Строганову, 29 Мая 1610 (*Собр. Гос. Гр.* II, 386), коею дано ему право писаться съ *вичемъ.*

(342) О Даніилѣ Эйлофѣ см. Бера.

(343) См. Бера и Рукоп. Филар.

(344) *Ник. Лѣт.* 111.

(345) О Нащокинѣ см. Грамоту Василіеву 15 Мая, о коей въ прим. 338.—О Застолпскомъ и Панѣ Маттіасѣ см. окружную Грамоту Кн. Скопина-Шуйскаго, въ *Собр. Гос. Гр.* II, 343. — О Шмитѣ см. Бера.

(346) См. Грамоты, приведенныя выше, въ прим. 338.

(347) См. выше, стран. 111.

(348) Аврам. Палиц. 189.

(349) См. выше, стран. 159.

(350) См. *Ник. Лѣт.* 111, *Латух. Ст. Кн.*, и *Хронографъ Ключарева.*

(351) Въ *Латух. Ст. Книгѣ* описанный здѣсь мятежъ отнесенъ также къ 7117 (1609) году, но тоже повторено въ слѣдующемъ, съ означеніемъ дня (17 Февр. какъ въ *Львов. Лѣтописцѣ*). Если мятежники бѣжали къ Самозванцу въ Тушино, то конечно въ 1609 году: ибо въ слѣдующемъ Тушинскаго стана уже не было.

(352) *Хрон. Ключ.* и *Стол.*

(353) *Латух. Ст. Кн.*, и *Хрон. Стол.*

(354) *Лат. Ст. Кн.*, *Столяр.* и *Ник. Лѣт.*; также Хронографы.

(355) Объ измѣнѣ Трубецкаго см. выше, стран 93. О казни Крюка Колычева *Ник. Лѣт.* 112.

(356) Надъ сею ратію начальствовалъ Полковн. Млоцкій. См. *Ник. Лѣт.* 112.

(357) Тамъ же.

(358) Аврам. Палиц. 189.

(359) *Ник. Лѣт.* 112.

(360) Аврам. Пал. 190.

(361) *Ник. Лѣт.* (стр. 112) говоритъ, что съ Кн. Гагаринымъ пришелъ изъ Тушина и Ротмистръ Мат-

тіасъ Мазиновъ. См. также Грамоту Царскую Бояриму Князю М. В. Скопину-Шуйскому, 2 Іюн. 1609, (по списку бывшему у покойнаго Графа Н. П. Румянцева).

(362) См. выше въ семъ Томѣ, стран. 107.

(363) *Розряд. Кн.* л. 1104.

(364) Видекиндъ, 46. См. также Далинову *Исторію Швеціи*, Т. III, Ч. 2, стран. 454.

(365) Видек. 63.

(366) О безпорядкахъ и злодѣяніяхъ въ Псковѣ см. выше въ семъ Томѣ, стран. 143.

(367) *Ник. Лѣт.* 107.

О Салтыковѣ см. *Розр. Кн.* л. 1104 на об.

(368) *Ник. Лѣт.* 108.

(369) Тамъ же, 109.

(370) Видек. о Керносицкомъ, 64.

(371) *Дѣла Шведск.* No 9, л. 2 и дал.

(372) См. *Дѣл. Шведск.* No 9. Тоже разсказываетъ и Видекиндъ (стран. 47) о семъ условіи, заключенномъ еще до начатія переговоровъ въ Выборгѣ; но вмѣсто ефимковъ онъ употребилъ названіе рублей.

(373) См. въ томъ же Договорѣ (*Д. Шв.* No 9) о лошадяхъ подъ огнестрѣльный снарядъ: »А какъ воин»скіе пѣшіе люди съ нарядомъ будутъ на рубежъ, и »намъ подъ нихъ и подъ нарядъ велѣти собрати въ »Орѣховскомъ и въ Корелскомъ уѣздѣ подводы, столь»ко мочно собрати, а иные подводы сбирати идучи »къ Новугороду, и давати имъ тѣ подводы подъ люди »и подъ нарядъ безцѣнно и безденежно и на Русь иду»чи и съ Руси идучи . . . а коннымъ людемъ (у кого »лошадь падетъ) въ цѣну и зачитать въ наемъ.« О повиновеніи Шведскаго войска Русскимъ Воеводамъ см. тамъ же.

(374) Видек. 52, и *Д. Шв.* No 9 въ Договорн. записи, 30 (?) Февраля 1609 г.

(375) Видек. 60.

(376) Видекиндъ 62, и *Льв. Лѣт.* 249.

(377) *Ник. Лѣт.* 118 и Видек. 66.

(378) *Далин.* 460, и *Ник. Лѣт.* 118.

(379) *Ник. Лѣт.* 119, и Рукоп. Филар. См. также Видек. 73.

(380) Видек. 89. Грам. Царя Василія къ Скопину, 2 Іюня 1609, и *Ник. Лѣт.* 120.

(381) Видек. 74.

(382) *Ник. Лѣт.* 120, Рукоп. Филар., и Видек. 75.

(383) Петрей 422.

(384) Рук. Филар., *Ник. Лѣт.*, Видек. 84 и 88, Наруш. въ Hist. Chodk. I, 254, и Кобѣрж. 228.

(385) Видек. 73.

(386) Сіе воззваніе помѣщено въ *Собр. Гос. Гр.* (II, 347): »Божіею милостію, Вельможнаго и Высокорож»деннаго Князь и Государь Каролусъ Девятой, Свій»скаго, Ходскаго, Венденскаго, Финскаго, Корельскаго, »Лопскаго, Сѣверныя земли Каянской и Чухонскія въ »Ливонской землѣ Король, объявляемъ вамъ, Митро»политу, Архіепископу, Игуменамъ и всему Собору, »Боярамъ, Воеводамъ, Дьякамъ, Дворянамъ, Дѣтемъ »Боярскимъ, Гостемъ и торговымъ людемъ во всемъ »Новогородскомъ Государствѣ наше здорованье. Дошло »до нашего Вельможства вашъ листъ, а въ листу пи»шете, прошаючи, чтобъ нашего Вельможства при»шелъ бы Россійскому Государству на помощь про»тивъ вашихъ недруговъ. И противъ вашего про»шенья, приказали мы Великій Государъ свою боль»шую ратную Воеводу Графъ Іохимъ Фридригъ Ман»фелту и своими Приказными товарищи, съ нашею »ратною силою, къ вамъ на помочь итти противъ »вашихъ недруговъ. И мы Велик. Государь приказали »ему прежде поити къ Новугороду, провѣдати про »вашихъ недруговъ, гдѣ они есть и какъ тамъ на Ру»сіи дѣется, а ему приставати и пособляти, стояти »за старую Греческую Вѣру и за всѣхъ Митрополи»товъ, Архіепископовъ и Игуменовъ, Бояръ и Вое»водъ, Дьяковъ, Дѣтей Боярскихъ, и гостей и тор»говыхъ людей, которые хотятъ держать старую »Греческую Вѣру; а на Польскихъ, Литовскихъ лю»дей и на Козаковъ ему приступати и за ними гна»ти мечемъ и огнемъ. Просимъ того для у васъ всѣхъ,

»чтобъ вы съ нимъ за одно стояли и пособляли, себя »опростати и избавляти отъ Польскихъ и Литов»скихъ людей кровопивлива хотѣнья, чтобъ Россій»ское Государство пришло бъ въ свою старую воль»ность и льготу, а не дали бы надъ свою голову по»садити всякаго страдника, котораго Поляки и Ли»тва полюбятъ. Того для берегитеся и примите ду»му, пока вамъ помочь даваютъ, или вамъ самимъ бу»детъ видно: будетъ Поляки и Литва надъ вами силу »возмутъ, не пощадятъ Патріарху, Митрополиту, »Архіепископу, ни Игуменамъ, ни Воеводамъ, ни Дья»камъ, ни Дворянамъ, ни Дѣтемъ Боярскимъ, ни го»стемъ, ни торговымъ людемъ, ни дѣтенкамъ въ пе»ленкѣхъ, не токмо что иныхъ, доколѣ они изведутъ »славный Россійскій родъ. Писана въ великомъ въ на»шемъ въ отчинномъ городѣ въ Стекольнѣ, въ 3 день »Генваря, лѣта отъ Христ. Рожд. 1609 года.«

(387) Видек. 77, и Далин. 462.

(388) Видек. 85.

(389) Далинъ 463, и *Ник. Лѣт.* 126.

(390) *Ник. Лѣт.* 120, и Видек. 96.

(391) См. выше, стран. 163.

(392) Аврам. Палиц. 154.

(393) См. выше, стран. 156.

(394) Авр. Палиц. 155.

(395) Авр. Палиц. 156.

(396) Тамъ же, 158.

(397) Тамъ же, 157—160.

(398) *Ник. Лѣт.* 121.

(399) Тамъ же. — О Волуевѣ см. сей *Исторіи* T. XI, 329.

(400) См. Грам. Царскую 2 Іюн. 1609, которой списокъ принадлежалъ покойному Графу Н. П. Румянцеву.

(401) Аврам. Палиц. 169.

(402) См. выше около прим. 390.— Далин. 464, Видек. 96.

(403) Аврам. Палиц. 170.

Нельзя съ точностію опредѣлить, когда было сіе

сраженіе: по Видекинду 13 Августа Нов. Ст.; по *Сказанію* Палицына 5 Іюля; но въ семъ Сказаніи явная ошибка, ибо Зборовскій приступалъ къ Лаврѣ 31 Іюля *прежде* сего сраженія.

(404) См. *Ник. Лѣт.* 121, и Видек. 96.

(405) Войско его снова возмутилось въ 5 день Авг. Н. Ст. (См. Видек. 95).

Ник. Лѣт. 120.

(406) См. *Дѣл. Швед.* No 9, Договоръ Князя М. В. съ Секретаремъ Шведскаго Короля, Карломъ Олофсономъ, въ Колязинѣ, л. 42 и дал.

(407) *Ник. Лѣт.* 113 и 114, и *Столяр.* л. 550.

(408) См. выше, о сраженіяхъ на Восмѣ и на Медвѣжьемъ броду, стр. 64 и 102.

(409) *Ник. Лѣт.* 114.

(410) Тамъ же 115 и 116.

(411) Тамъ же.

(412) Тамъ же, 114.

(413) Тамъ же, 117, и *Столяр.* л. 543 на об.

(414) *Ник. Лѣт.* 116.

(415) *Никон. Лѣт.* 117, и Бера.

(416) *Столяр.* 550 на об.

Объ осадѣ Коломны и отраженіи Рязанцевъ Млоцкимъ см. *Ник. Лѣт.* 121 и 122.

(417) О медленности Шереметева см. тамъ же, 116. Онъ былъ въ Владимірѣ съ Мая мѣсяца, по словамъ Царя Василія (въ Грамотѣ его отъ 2 Іюн., къ Скопину, о которой см. выше, прим. 400).

(418) См. Авр. Палицына, 190 и 191, *Ник. Лѣт.* 122 и 123, также *Латух. Ст. Кн.*

(419) См. выше, около прим. 398, и *Ник. Лѣт.* 123.

(420) *Ник. Лѣт.* 122, *Латух. Ст. Кн.*, *Видек.* 102. Нѣмцев. (Dz. Pan. Zygm. III, II, 344) говоритъ о плѣненіи 154 Польскихъ Дворянъ, со множествомъ слугъ и Козаковъ, кои всѣ были преданы мучительной смерти.

(421) Видек. 102.

(422) См. тамъ же, *Ник. Лѣт.* 123, и *Лат. Ст. Кн.*

(423) Видек. 107.
(424) *Ник. Лѣт.* 122, и Видек. 104.
(425) Аврам. Пал. 171 и 173.
(426) *Ник. Лѣт.* 123, и Видек. 107.
(427) Видек. 108.
(428) Видек. 108, и Нѣмцев. въ D. P. Z. III.
(429) Видек. 104, *Ник. Лѣт.* 124, и *Латух. Ст. Кн.*
(430) Видек. 106 и 107.
(431) См. выше, стран. 167 и 194. — О Князѣ Михаилѣ см. *Псков. Лѣтоп.* л. 39.
(432) См. выше, стран. 39 и 46.
(433) *Ник. Лѣт.* 124.
(434) *Ник. Лѣт.* 124 и дал.

Нѣмцевичь (въ D. P. Z. III, II, 337) пишетъ, что съ Мосальскимъ находился и Кн. Голицынъ; ихъ войски претерпѣли столь сильное пораженіе, что лишь не многіе, спасаясь бѣгствомъ, могли принести о томъ вѣсть въ Москву.—Сапѣга получилъ о томъ извѣстіе 7 Ноября (Нов. Ст.). См. *Жизнеописаніе Ян. Петра Сапѣги*, изд. Когновицкимъ.

(435) *Ник. Лѣт.* 125 и 126. — О Хлопкѣ см. Т. XI, 130.
(436) *Ник. Лѣт.* 126. Пехорка впадаетъ въ Москву: (см. *Бол. Черт.* 193).
(437) См. выше, стран. 157.
(438) 29 Сентября (Нов. Ст.), говоритъ Машкѣвичь, служившій въ семъ походѣ, Полковникомъ роты Князя Порицкаго. См. Zbior Pamiętn. histor. o dawney Polszcze przez Niemcewicza, стр. 352 и 355; также Сѣв. Архив. 1825 No 1.
(439) Машкѣвичь вмѣсто Борисоглѣбскаго монастыря называетъ Богородицкій; но въ перехваченномъ письмѣ Шеина къ Царю (отъ 9 Октября) именно сказано, что Король, Гетманъ его Жолкѣвскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, Стадницкій и прочіе Польскіе чиновники, пришедши подъ Смоленскъ, расположились въ монастыряхъ Троицкомъ, Спасскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Св. Духовомъ. См. D. P. Z. III, II, примѣчаніе подъ No VIII.

(440) См. сей Универсалъ во II Томѣ D. P. Z. III, примѣчаніе подъ No VII. Данъ въ станѣ, на границѣ Смоленской, 19 Сент. 1609.

(441) См. тамъ же, въ примѣч. подъ No VIII, перехваченное письмо Смоленскихъ Старостъ и посадск. людей къ Царю, выписанное Нѣмцевичемъ изъ Рукописи Г. Зелинскаго.

(442) См. Нѣмцев. (D. P. Z. III, T. II, 585), въ вышесказанномъ письмѣ Шеина.

Нѣмцевичь, основываясь на современныхъ запискахъ Жолкѣвскаго и Машкѣвича, описываетъ сей приступъ слѣдующимъ образомъ: »Сигизмундъ, внявъ совѣту при»дворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, рѣшил»ся напасть незапно и ночью. Для сего 12 Окт.« (ошибка, вмѣсто Сентября) »назначенъ былъ отрядъ пѣхо»хоты, подъ начальствомъ Мальтійск. Кавалера Ново»дворскаго, который славился рѣдкимъ искусствомъ »и неустрашимостію. Сдѣлано распоряженіе, чтобы »Королевскіе трубачи, при взрывѣ воротъ, дали си»гналъ, по которому стоявшее не вдалекѣ войско »должно было устремиться чрезъ проломъ въ городъ. »Новодворскій пробирался тихо, въ темнотѣ ночной, »къ воротамъ, держа рукою огромную петарду, и со»гнувшись вмѣстѣ съ прочими воинами по причинѣ »тѣсноты прохода между стѣною и деревянными сру»бами (которые построены были Русскими предъ »стѣною со стороны поля, на подобіе избъ, для при»крытія воротъ). Не взирая на сіи затрудненія, онъ »подошелъ къ однимъ воротамъ, потомъ къ другимъ, »взорвалъ ихъ, и вломился въ городъ съ нѣсколькими »воинами. Жители въ ужасѣ искали убѣжища въ церк»вахъ, и Смоленскъ былъ бы покоренъ совершенно; »но отъ того ли, что трубачи не исполнили прика»за, или что сильный взрывъ заглушилъ звукъ сигна»ла, вспомогательный отрядъ не подоспѣлъ во-время; »осажденные ободрились, видя малочисленность нашихъ, »и вытѣснили ихъ, положивъ однакожь на мѣстѣ не »болѣе 20 человѣкъ: ибо въ темнотѣ стрѣляли на уда»чу.« Машкѣвичь между прочимъ говоритъ, что Вен-

герецъ Маркъ, Капитанъ Королевской пѣхоты, не хотѣлъ идти въ проломъ по недостатку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и тѣмъ остановилъ успѣхъ приступа.

О послѣдующихъ нападеніяхъ см. письмо Старосты.

(443) Сіе выраженіе употреблено выше, при описаніи Троиц. осады, стран. 121.

(444) См. Нѣмцев. (стр. 362), и Машкѣв.

Машкѣвичь именуетъ Шеина *искуснымъ и свѣдущимъ Полководцемъ.* См. также Кобѣржицкаго, Нѣмцевича 412, и Рукопись Филарета. Причиною сего упорства онъ считаетъ воспоминаніе Шеина объ отцѣ, потерявшемъ жизнь при осадѣ крѣпости *Сокола*, во время войны съ Баторіемъ. (См. сей *Исторіи* Т. IX, стран. 345.)

(445) Кобѣрж. 94.

(446) Тамъ же, стран. 95.

(447) Рожинскій созвалъ товарищей своихъ въ кругъ (w koło) и сказалъ имъ, что они, давъ слово и клятву возвратить Димитрію Царство, будутъ гнусными вѣроломцами, если ему измѣнятъ, хотя бы и слушаясь Короля; что честь есть первый законъ для гражданъ свободныхъ, и кто ей слѣдуетъ, тотъ достоинъ не укоризны, а похвалы. Изобразивъ жалостную судьбу мнимаго Іоаннова сына, доказывая, что для нихъ не только безсовѣстно, но и безумно оставить его въ жертву врагамъ, а самихъ себя признать глупцами, которые, не зная для чего, столь долго обливались кровію въ битвахъ — онъ предложилъ товарищамъ взаимно обязаться слѣдующею клятвою: 1) Умереть или возвести Димитрія на престолъ; 2) казнить лютою смертію всякаго, кто бѣжитъ отъ знамень его; 3) дѣйствовать явно, чуждаясь тайныхъ кововъ; 4) не отлучаться никуда безъ дозволенія начальства; 5) отлучась по дозволенію, возвратиться къ празднику Пасхи или къ Троицыну дню 1610 года; 6) въ случаѣ Димитріева торжества требовать награды всѣмъ вмѣстѣ и не расходиться безъ полнаго удовлетворенія. — Всѣ отвѣтствовали громкимъ кли-

комъ усердія. См. Кобѣржицкаго (стран. 96) и Нѣмцевича (стран. 367).

(448) Сіи слова сказалъ Королю одинъ изъ посланныхъ, Мархоцкій, *забывая въ немъ лице Государя.* См. Кобѣрж. стран. 103.

(449) См. въ Кобѣржицкомъ (стр. 104—111) и въ Нѣмцевичѣ (стр. 373). — Марина, вѣнчаясь на Царство съ Отрепьевымъ, именовалась *Цесаревою Маріею.* См. *Собр. Гос. Грам.* II, 290 и 291; также сей *Исторіи* Т. XI, 304.

(450) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(451) См. тамъ же. Сигизмундъ развѣдывалъ предварительно о Тушинскомъ станѣ чрезъ надежныхъ людей, Русѣцкаго и Бучинскаго. Ходя по шатрамъ, они подслушивали мнѣнія воиновъ и привлекали ихъ къ сторонѣ Короля.

(452) Все сіе подробно описано въ Кобѣржицкомъ, на стран. 128—137. Грамота Сигизмунда къ Царю Василію была писана 12 Ноября.

(453) Кобѣрж. 136 и Нѣмцевичь.

(454) Кобѣрж. 137.

(455) Удержаніе въ Москвѣ Пословъ, пролитіе крови Польскаго Дворянства, въ день гибели Отрепьева, побужденіе Татарскихъ Ордъ напасть на Подолію, подкрѣпленіе Шведскаго Короля деньгами, и пр. (Кобѣрж. 129).

(456) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(457) Тамъ же.

(458) Нарушев. (Zyc. Chodk. I, str. 283 i not. 131). См. также Кобѣржицкаго, 147.

(459) Кобѣржицкій.

(460) Годунову, Разстригѣ, Василію.

(461) Кобѣрж. 148, и Нарушев. 283.

(462) Кобѣрж. 150. — Нѣмцевичь, стр. 393.

(463) Сіе заключалось въ данномъ отъ Короля наставленіи. См. Кобѣрж. 133, Нѣмцев. 384, и *Жизнеоп. Я. П. Сапѣги*, 226.

(464) См. Бера и Петрея (стран. 427).

Лжедимитрій простился съ женою, по свидѣтель-

ству Бера и Петрея, которые приводятъ и слова, сказанныя имъ на прощаньѣ. Нѣмцевичь утверждаетъ, что онъ уѣхалъ, не давъ ей знать; но сего обстоятельства не находимъ въ другихъ.

См. Аврам. Палиц. 202, *Латух. Ст. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 127.

О днѣ и прочихъ подробностяхъ его побѣга см. Бера.

(465) См. Бера и Петрея, 428.

(466) *Ник. Лѣт.* 127.

(467) Кобѣрж. 152, и *Латух. Ст. Кн.*

(468) См. Нѣмцев. стран. 401.

(469) См. изданную въ 1674 г. книгу: The Russian Impostor. 166. Сіе письмо было отъ 15 Генваря 1610. См. Кобѣржицк. 157, и *Львов. Лѣтоп.* 240. Марина подписалась: »Вашего Королевскаго Величества »доброжелательная Марина, Цесарева Московская« (Кобѣрж. Imperatrix Moschoviae).

(470) Въ семъ воззваніи именовалъ онъ Сигизмунда *поганымъ* Королемъ, а Поляковъ *коварными* отступниками, обѣщая истребить ихъ *еретическую* вѣру, и не уступать имъ въ Россіи, *ни деревни, ни даже дерева.* Въ Калугу онъ прибылъ 1 Генваря 1610 года. См. Бера.

(471) См. выше, стран. 28.

(472) Шаховскій явился къ Самозванцу въ пятый день послѣ Праздника Богоявленія. См. Бера.

(473) См. Бера. Онъ, находясь тогда въ Козельскѣ, едва не убитъ.

(474) Беръ: »Несчастный Скотницкій спрашивалъ, »за что его казнятъ? Палачи отвѣчали: *Царь велѣлъ »намъ не разсуждать съ тобою, а бросить тебя въ »воду;* накинули ему петлю на шею и повлекли, какъ »стерво. Послѣднія слова его были: *И такъ вотъ на»града за вѣрную двухлѣтнюю службу и сильную оса»ду, мною выдержанную: Боже, помилуй меня!*«

(475) См. Бера и Латух. Ст. Книгу. Въ ней смерть Ив. Ив. Годунова, описанная съ такими подробностями, отнесена къ временамъ Разстриги, что несправедливо: ибо тогда онъ находился не въ Калугѣ, а въ войскѣ Ѳеодора Борисовича подъ Кромами и взятъ

въ плѣнъ (См. сей *Исторіи* Т. XI, 212); потомъ оставался въ званіи Окольничаго при Разстригѣ и Царѣ Василіи, и только въ 1610 году исключенъ изъ Послужнаго Списка Бояръ, гдѣ сказано: *»убитъ въ Колугѣ отъ вора.«* См. *Др. Рос. Вивл.* XX, 84.

(476) См. Бера.

(477) The Russian Impostor, 167, и *Льв. Лѣт.* 244.

(478) См. Бера и Кобѣржицкаго. Беръ именуетъ Казимирскаго *прямымъ Вертумномъ*, который съ Русскими былъ Русскій, съ Поляками Полякъ.

(479) Кобѣрж. 199.

(480) О семъ поступкѣ Марины см. въ Кобѣрж. 201, въ Видекинд. 125, въ The Russ. Impostor. 168, въ Нѣмцев. 419.

(481) Двѣ тысячи, по словамъ Кобѣржицкаго (стр. 202). Тоже и въ The Russ. Impostor. Но Беръ пишетъ, что къ Димитрію пристало только 500 Козаковъ, изъ числа коихъ многіе были побиты догнавшими ихъ Поляками.

(482) Беръ утверждаетъ, что 13 Генваря Самозванецъ получилъ въ Калугѣ извѣстіе отъ Марины, уже прибывшей изъ Тушина въ Дмитровъ. Сіе несогласно съ другими достовѣрнѣйшими показаніями. 1) Письмо, оставленное ею въ Калугѣ, (см. ниже, прим. 483) отъ 16 Февраля (по Стар. Ст. 6 Февр.): см. Нѣмцев. 421.— 2) Рожинскій, увѣдомляя Сигизмунда письмомъ отъ 27 Февраля о побѣгѣ Марины, говоритъ, что оный послѣдовалъ со Вторника на Среду (см. Нѣмц. 397). Первая предъ 27 числомъ Среда была 11 Февраля по Стар. Ст. И такъ Марина бѣжала съ $\frac{10}{20}$ на $\frac{11}{21}$ число; письмо же могло быть ею приготовлено за нѣсколько до того дней ($\frac{6}{16}$ Февр.) — 3) въ Дневникѣ Сапѣги (См. Życ. I. P. Sapiehi, 238) сказано, что она прибыла въ станъ его 26 Февр. (16 по Стар. Стилю).

(483) Сіе письмо помѣщено вполнѣ въ Hist. Vlad. Кобѣржицкаго на стр. 203, и въ Życ. I. P. Sapiehi, на стр. 234, а въ Нѣмцев. (стр. 421) и въ The Russ. Impost. (стр. 169) сокращенно.

(484) Тишкѣвича. См. The Rus. Impostor, 170.

Объ укоризнахъ мятежниковъ Рожинскому см. Кобѣрж. 207, Нѣмц. 422, и The Russian Impostor, 170.

(485) См. письмо 27 Февр. (выше, прим. 482).

(486) См. выше, стран. 33.

Имена нѣкоторыхъ Русскихъ Тушинскихъ Пословъ исчислены въ Грамотѣ Короля, отъ 21 Сент. 1610, о награжденіи ихъ домами въ Москвѣ и помѣстными окладами см. *Собр. Гос. Гр.* II, 451.

См. также *Ник. Лѣт.* 128, и *Лат. Ст. Книгу.*

(487) М. Салтыковъ, отправленный Посломъ въ Польшу отъ Царя Бориса, видѣлъ тамъ Владислава, еще семилѣтняго. См. сей *Исторіи*, Т. XI, 40.

Всѣ сіи рѣчи и отвѣтъ Канцлера Сапѣги находятся въ Кобѣржицкомъ (стр. 163 и дал.). См. *Собр. Гос. Гр.* II, 480.

(488) См. Кобѣрж. 175. — Нѣмцев. 407 и 408.

(489) Нѣмцев. 409.

(490) *Собр. Гос. Грам.* II, 441. (Въ окружн. Грам. Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и Бояръ, управлявшихъ съ нимъ Государствомъ, отъ 4 Сент.)

(491) См. принадлежавшій А. И. Ермолаеву списокъ съ Грамоты Москов. Бояръ въ Казань, 30 Августа 118 (1610) г.

Въ D. P. Z. III, (T. II, 410) помѣщена слѣдующая форма присяги, данной Послами: »Я (имярекъ) цѣлую »сей Святый Животворящій крестъ Государю моему »Царю и Вел. Князю Владиславу Жигимонтовичу всея »Русіи на томъ, что долженъ ему Государю своему »вѣрою и правдою служить и прямить и во всемъ »добра желать, а къ Шуйскому и къ тому вору, что »именуетъ себя Царевичемъ Димитріемъ, не приста»вать и никакого инаго Государя на Москов. Государ»ство не желать, кромѣ Государя нашего Ц. и В. Кн. »Владислава Жигимонтовича; а пока намъ Господь »Богъ не дастъ на Москов. Государство, обязуюсь »служить и прямить и во всемъ добра желать отцу его, »Государю нашему, нынѣшнему Наияснѣйшему Королю

»Польскому, В. К. Литов. Жигимонту Ивановичу,« и пр.

(492) См. сіе письмо въ D. P. Z. III, Т. II, въ примѣчаніи подъ No X. Писано $\frac{2}{12}$ Марта.

(493) Кобѣрж. 181.

(494) Кобѣржицкій говоритъ, что отъ сихъ городовъ прибыло къ Сигизмунду 16 Бояръ, изъ коихъ главные были: Князь Leoncius Jaskovius и Гаврило Хрипуновъ.

(495) См. Кобѣрж. и Нѣмцев.

(496) Рожинскій въ письмѣ къ Королю (см. выше, прим. 482).

(497) Слова, приводимыя Беромъ: »Прилично ли мнѣ, »Царицѣ всея Русіи, явиться тамъ въ видѣ презри»тельномъ? Я готова раздѣлять съ мужемъ все, что »Богъ ни пошлетъ ему.« Она выѣхала въ Калугу верхомъ, въ красномъ бархатномъ Польскомъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, вооруженная пистолетами и саблею. Сапѣга далъ ей всѣхъ Нѣмцевъ, которые при немъ находились, и 50 Козаковъ. Съ тѣхъ поръ она учредила при себѣ придворный штатъ изъ Нѣмокъ.

(498) См. Нѣмцев. 424, и Нарушев. 298. Мятежники назначали себѣ въ грабежъ имѣнія Литов. Марш. Дорогостайскаго, Канцлера Сапѣги и Князя Збараскаго, какъ вредныхъ Королевскихъ совѣтниковъ.

(499) См. Видек. 118.

(500) См. *Розр. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 130.

(501) См. объ немъ выше, стран. 197, *Розр. Кн.*, и Авр. Пал. 178.

(502) Остатки тридцати-тысячнаго воинства. См. выше, стран. 115.

(503) Аврам. Пал. 179 и дал., и Видек. 119.

(504) Авр. Пал. 180, Видек. 119, и *Ник. Лѣт.* 130.

(505) Видекиндъ пишетъ, что за войскомъ Шведскимъ шло 400 человѣкъ, частію изъ Нордботніи, частію изъ сѣверныхъ областей Россіи. Они имѣли лыжи въ 5 футовъ длиною, а шириною въ одинъ, и съ неимовѣрною быстротою ходили по замерзшимъ снѣгамъ на непріятеля, который не могъ противъ нихъ

употребить ни конницы, ни пѣхоты.—Сраженіе подъ Дмитровымъ происходило по словамъ его $\frac{6}{16}$ Февраля, а по Дневн. Запискѣ Сапѣги (см. Zycie I. P. Sapiehi, 239) въ первыхъ числахъ Марта.

(506) См. Нѣмцев. 424.

(507) См. выше, стран. 233.

Въ Видекиндѣ: отступленіе Сапѣги къ Іосифову монастырю, стран. 127; къ Ржеву, стран. 145; прибытіе Горна въ Зубцовъ, стр. 146; приступъ къ Бѣлой, стр. 151. См. также *Ник. Лѣт.* 130, *Латух. Ст. Книгу*, Кобѣржицкаго (стр. 245), и The Russ. Impostor, 173.

(508) См. Кобѣрж. 217, Нарушев. 299, Нѣмцев. 425, *Ник. Лѣт.* 131, Бера, Аврам. Палицына (стр. 201); и *Лат. Ст. Кн.*

(509) 8 Апрѣля Нов. Ст. (Нарушев. 300) См. *Ник. Лѣт.* 131, и Видекинда, стран. 149.

(510) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(511) Беръ пишетъ, что Сапѣга, отступивъ отъ Дмитрова и занявъ Іосифовъ монастырь, самъ отправился къ Королю въ Смоленскъ, и около Праздника Пасхи возвратился оттуда назадъ къ войску, стоявшему зимою вдоль рѣки Угры, въ мѣстѣ обильномъ стадами и хлѣбомъ, гдѣ еще не было военныхъ дѣйствій.—Сіе согласно съ *Дневн. запискою* Сапѣги. (См. его *Жизнеописаніе*, стр. 241).—Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ города Калуги. См. *Больш. Черт.* 184. — Кобѣрж. 219.

(512) По словамъ Бера, Лисовскій держался цѣлую зиму въ Суздалѣ, откуда пошелъ въ Маѣ 1610 на Псковъ. Тамошніе измѣнники приняли его съ радостію. *Ник. Лѣт.* 145.

(513) *Ник. Лѣт.* 131, и Видек. 130.

(514) Аврам. Палиц. 203, Видекиндъ о пирахъ въ Москвѣ, стр. 131. См. также *Псков. Лѣт.* 39.

(515) Аврам. Палиц. 203.

(516) Тамъ же.

(517) *Псков. Лѣт.* л. 38 на обор. См. также Аврам. Палиц. 203.

(518) A Brief History of Moskovia, by Milton, Lond. 1682. pag. 63.
The Russ. Impostor, 203.

(519) См. *Дипл. Собр. дѣлъ* Б. Каменскаго, стран. 391. — Въ *Зерцалѣ Рос. Гос.* Мальгина сказано, что Царь Вас. Іоан. имѣлъ двухъ дочерей, Анну и Марію, скончавшихся въ младенчествѣ.

(520) *Хронографъ Ключарева.*

(521) *Псков. Лѣт.* л. 38, *Ник. Лѣт.* 132, и Видек. 136. О сдачѣ Кексгольма, см. выше, стран. 189.

(522) Видек. 136.

(523) *Ник. Лѣт.* 132.

(524) *Псков. Лѣт.* 39, и *Ник. Лѣт.* 132.

О днѣ смерти его см. Видек. 139, и *Древн. Рос. Вивліоѳ.* (XI, 232), въ которой помѣщена выписка изъ панихидной книжицы Архангельскаго Собора.

(525) См. Видек. 139 и 140, Бера, и Нѣмцевича (стр. 432).

(526) Аврам. Пал. 203, и *Ник. Лѣт.* 132.

(527) *Ник. Лѣт.* 132.

(528) Авр. Палиц. 203, *Псков. Лѣт.* 40, *Хрон. Ключ.*, и Рукоп. Филар.

(529) Аврам. Палиц. 197—201, и Видек. 141.

(530) *Хрон. Стол.* л. 551 на обор.

(531) Отъ Петра Болотникова и Тушинск. Самозванца.

(532) *Ник. Лѣт.* 133, и *Лат. Ст. Кн.* — Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному Исторіографу, есть любопытная о томъ выписка, сдѣланная К. Ѳ. Калайдовичемъ изъ находящагося въ Зарайскѣ экземпляра напечатанной въ Москвѣ въ 1610 году книги *Уставъ, сирѣчь око церковное.* Сей Уставъ былъ положенъ въ Зарайскую Соборную церковь Николая Чудотворца Княземъ Д. М. Пожарскимъ и собственноручно имъ подписанъ киноварью по листамъ. Находящійся же въ Зарайскомъ Соборѣ золотой гербъ (см. *Слов. Геогр. Рос. Гос.* II, 581) пожалованъ Царемъ Вас. Іоан. вѣроятно въ память разсѣянія Тушинскаго стана.

(533) *Ник. Лѣт.* 134, *Спис. Бояръ*, и *Хроногр. Столяр.* л. 553.

(534) См. Бера, *Ник. Лѣт.* 134, и *Латух. Ст. Книгу*.

(535) Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 438, и *Дневныя записки* Машкѣвича, который самъ былъ въ дружинѣ Кн. Порицкаго.

(536) См. письмо Короля, помѣщенное въ Dz. Pan. Zyg. III, T. II, 605.

О числѣ Русскихъ и союзниковъ ихъ подъ Бѣлою, см. Кобѣржицкаго, стран. 246, Видек. стр. 152, и *Ник. Лѣт.* 134.

(537) 23 Іюня, Нов. Стиля. См. Кобѣржицк. 259, и Нѣмцев. II, 441.

(538) См. Нѣмцевича (II, 444), который ссылается на собственныя записки Жолкѣвскаго. — Видек. 162. Петрей, 440. *Ник. Лѣт.* 134.

(539) 4 Іюня, Нов. Ст. — См. Кобѣрж. 267, и письмо Жолкѣвскаго въ D. P. Z. III, T. II, 600.

См. также Машкѣвича, который былъ очевидцемъ сей битвы и подробно описалъ ее. По словамъ его, Гетманъ, приближаясь къ Русскому войску, ободрялъ своихъ ратниковъ рѣчью, а Священники ѣздили по рядамъ и благословляли ихъ на сраженіе. Упорство съ обѣихъ сторонъ было столь велико, что нѣкоторыя Польскія роты принуждены были отступать по 8 и 10 разъ, но снова возвращались къ бою съ кликомъ: do sprawy, do sprawy! Жолкѣвскій стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ подъятыми къ небу руками молилъ Бога о побѣдѣ.

(540) Видек. 167.

(541) Тамъ же, 170.

(542) См. письмо Жолкѣвскаго къ Сигизмунду (Dz. Pan. Zygm. III, T. II. 603).

См. также Видекинда, стр. 172.

(543) См. Нѣмцевича (II, 454), который ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго, и *Ник. Лѣт.* 135.

(544) См. принадлежавшій покойному А. И. Ермо-

лаеву списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Казань, и *Собр. Гос. Грам.* II, 429.

Объ условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ, см. выше, стран. 229.

(545) См. Нѣмцевича.

(546) См. его же.

(547) *Ник. Лѣт.* 135.

(548) Нѣмцев. (II, 455).

(549) *Ник. Лѣт.* 135.

(550) Беръ пишетъ, что войско Сапѣги увѣряло Лжедимитрія въ неизмѣнной своей къ нему преданности, требуя только жалованья за три четверти года и обѣщая служить ему при новой осадѣ Москвы, въ ожиданіи остальной суммы. Царикъ, собравъ *не одну тысячу* рублей, отправился къ оному на Угру, въ сопровожденіи своихъ Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, заплатилъ требуемое и далъ приказъ готовиться послѣ Троицына дня, къ походу на Москву. См. письмо Лжедимитрія къ Сапѣгѣ изъ Калуги, отъ 29 Іюня 1610 (въ Życ. Sap.).

(551) *Ник. Лѣт.* 135.

(552) Въ гербѣ города Боровска серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце — вѣрность, а находящійся посреди онаго крестъ — усердіе къ закону Божію: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ — символомъ славы. См. *Геогр. Слов. Рос. Госуд.*, *Ник. Лѣт.* 136 и 137, и *Лат. Ст. Кн.*

(553) См. *Рост. Лѣт.* л. 723 на обор., *Лат. Ст. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 137 и 138.

(554) *Ник. Лѣт.* 137, и *Хрон. Стол.* л. 553 на об.

(555) *Псков. Лѣт.* л. 41.

(556) *Ник. Лѣт.* 139.

(557) *Собр. Гос. Грам.* II, 441, Аврам. Палиц. 206, *Хрон. Стол.* л. 553 на об., и *Ник. Лѣт.* 139.

(558) *Ник. Лѣт.* 139.

Беръ говоритъ, что сіе случилось 14 Іюля; Нѣмцевичь: »24 Lipca« (по Новому Стилю).

(559) *Хрон. Стол.* л. 554, *Псков. Лѣт.* л. 40, и *Собр. Гос. Грам.* II, 388.

(560) *Латух. Ст. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 139.

(561) *Хрон. Столяр. л.* 554. — См. также въ принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву рукописи списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Вологду 18 Іюля 118 (1610) года.

(562) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр 409. — Тоже въ *Крестоприводной* записи (*Собр. Гос. Гр.* II, 390).

(563) *Ник. Лѣт.* 139.

Нѣмцевичь (II, 456), приводя слова Захаріи Ляпунова, ссылается на *Записки* (Pamiętnik) Жолкѣвскаго.

(564) О днѣ сверженія Василія см. *Собр. Г. Гр.* II, 389, и *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго.

Псков. Лѣт., говоритъ о причинѣ народной нелюбви къ Царю Василію: »Не многими избранъ былъ гра»ды, но единымъ Московскимъ Государствомъ, а не »всею землею; того ради не возлюбиша его мнози на »земли Рустѣй.« — Объ избраніи Шуйскаго на Царство см. сей *Исторіи* Т. XI, 340.

(565) Аврам. Палиц. 206.

(566) Тамъ же, и *Ник. Лѣт.* 140.

(567) См. сей *Исторіи* Т. XI, 317.

(568) Аврам. Пал. 207, и *Ник. Лѣт.* 140.

(569) Рукоп. Филар.

(570) Аврам. Пал. 207, и Хронографы.

(571) Рук. Филар., Авр. Пал. 207, *Латух. Степ. Книги*, и *Хронографы*.

(572) *Ник. Лѣт.* 140, и *Лат. Ст. Кн.*

(573) См. выше, въ семъ Томѣ, стран. 4, 10, 17, 27, 80, 81 и 82.

(574) См. *окружную* Грамоту, писанную 24 Іюля (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 389): см. также Грамоту Моск. Бояръ въ Вологду отъ 18 Іюля, въ рукописи, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву.

(575) Нѣмцев. (D. P. Z. III, T. II, 458).

(576) Авр. Палиц. 207.

(577) См. Т. XI, 336, и въ семъ Томѣ, стран. 27.

(578) Нѣмцевичь (II, 458). Онъ ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

(579) См. Нѣмцевича и Маржерета.

лаеву списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Казань, и *Собр. Гос. Грам.* II, 429.

Объ условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ, см. выше, стран. 229.

(545) См. Нѣмцевича.

(546) См. его же.

(547) *Ник. Лѣт.* 135.

(548) Нѣмцев. (II, 455).

(549) *Ник. Лѣт.* 135.

(550) Беръ пишетъ, что войско Сапѣги увѣряло Лжедимитрія въ неизмѣнной своей къ нему преданности, требуя только жалованья за три четверти года и обѣщая служить ему при новой осадѣ Москвы, въ ожиданіи остальной суммы. Царикъ, собравъ *не одну тысячу* рублей, отправился къ оному на Угру, въ сопровожденіи своихъ Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, заплатилъ требуемое и далъ приказъ готовиться послѣ Троицына дня къ походу на Москву. См. письмо Лжедимитрія къ Сапѣгѣ изъ Калуги, отъ 29 Іюня 1610 (въ Życ. Sap.).

(551) *Ник. Лѣт.* 135.

(552) Въ гербѣ города Боровска серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце — вѣрность, а находящійся посреди онаго крестъ — усердіе къ закону Божію: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ — символомъ славы. См. *Геогр. Слов. Рос. Госуд.*, *Ник. Лѣт.* 136 и 137, и *Лат. Ст. Кн.*

(553) См. *Рост. Лѣт.* л. 723 на обор., *Лат. Ст. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 137 и 138.

(554) *Ник. Лѣт.* 137, и *Хрон. Стол.* л. 553 на об.

(555) *Псков. Лѣт.* л. 41.

(556) *Ник. Лѣт.* 139.

(557) *Собр. Гос. Грам.* II, 441, Аврам. Палиц. 206, *Хрон. Стол.* л. 553 на об., и *Ник. Лѣт.* 139.

(558) *Ник. Лѣт.* 139.

Беръ говоритъ, что сіе случилось 14 Іюля; Нѣмцевичь: »24 Lipca« (по Новому Стилю).

(559) *Хрон. Стол.* л. 554, *Псков. Лѣт.* л. 40, и *Собр. Гос. Грам.* II, 388.

(560) *Латух. Ст. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 139.

(561) *Хрон. Столяр. л.* 554. — См. также въ принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву рукописи списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Вологду 18 Іюля 118 (1610) года.

(562) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр 409. — Тоже въ *Крестоприводной* записи (*Собр. Гос. Гр.* II, 390).

(563) *Ник. Лѣт.* 139.

Нѣмцевичь (II, 456), приводя слова Захаріи Ляпунова, ссылается на *Записки* (Pamiętnik) Жолкѣвскаго.

(564) О днѣ сверженія Василія см. *Собр. Г. Гр.* II, 389, и *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго.

Псков. Лѣт., говоритъ о причинѣ народной нелюбви къ Царю Василію: »Не многими избранъ былъ гра»ды, но единымъ Московскимъ Государствомъ, а не »всею землею; того ради не возлюбиша его мнози на »земли Рустѣй.« — Объ избраніи Шуйскаго на Царство см. сей *Исторіи* Т. XI, 340.

(565) Аврам. Палиц. 206.

(566) Тамъ же, и *Ник. Лѣт.* 140.

(567) См. сей *Исторіи* Т. XI, 317.

(568) Аврам. Пал. 207, и *Ник. Лѣт.* 140.

(569) Рукоп. Филар.

(570) Аврам. Пал. 207, и Хронографы.

(571) Рук. Филар., Авр. Пал. 207, *Латух. Степ. Книги*, и *Хронографы*.

(572) *Ник. Лѣт.* 140, и *Лат. Ст. Кн.*

(573) См. выше, въ семъ Томѣ, стран. 4, 10, 17, 27, 80, 81 и 82.

(574) См. *окружную* Грамоту, писанную 24 Іюля (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 389): см. также Грамоту Моск. Бояръ въ Вологду отъ 18 Іюля, въ рукописи, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву.

(575) Нѣмцев. (D. P. Z. III, T. II, 458).

(576) Авр. Палиц. 207.

(577) См. Т. XI, 336, и въ семъ Томѣ, стран. 27.

(578) Нѣмцевичь (II, 458). Онъ ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

(579) См. Нѣмцевича и Маржерета.

(580) Въ окружной Грамотѣ К. Ѳед. Ив. Мстиславск. и другихъ Бояръ (*Собр. Гос. Грам.* II, 441).

(581) Тамъ же. Объ условіяхъ договора въ Царевѣ-Займищѣ, см. выше стран. 257.

(582) *Псков. Лѣт.* л. 41 на об.

(583) Такъ сказано въ письмѣ Жолкѣвскаго къ Королю. См. Dz. Pan. Z. III, Т. II, 461.

(584) 3 Августа (Нов. Стиля). См. Нѣмцев. II, 458, и окружн. Грамоту, 19 Авг. (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 438).

(585) См. выше, стран. 89, 250 и 258.

(586) Нѣмц. II, 459.

(587) См. (въ *Собр. Гос. Гр.* II, 399) *Договорную* Запись, данную съ Россійской стороны Жолкѣвскому.— Нѣмц. II, 460 и 503.

(588) *Нѣмцев.* II, 463.

(589) *Собр. Гос. Гр.* II, 418.

(590) *Нѣмцев.* II, 462, и *Собр. Гос. Грам.* II, 391.

(591) Кромѣ одного. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 393.

(592) См. Договорную Запись, данную съ Рос. стороны Гетману Жолкѣвскому (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 408).

(593) Тамъ же.

(594) Тамъ же (стран. 404).

(595) *Ник. Лѣт.* 111.

(596) См. выше, около прим. 589.

(597) См. выше, стран. 5.

(598) См. 7, 8, 9 и 10 статьи вышесказанныхъ условій.

(599) Нѣмцев. Dz. Pan. Zyg. III, II, 475 и 476.— Кобѣржицк. 297 и 298. — Обрядъ присяги продолжался въ теченіе семи недѣль ежедневно, кромѣ дней Воскресныхъ и большихъ Праздниковъ. См. Машкѣвича (Сѣв. Арх. 1825, No 3).

(600) *Собр. Гос. Гр.* II, 407.

(601) Такъ онъ названъ въ *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго (стран. 405).

(602) Нѣмцев. Hist. Pan. Zygm. III, Т. II, 476.

Онъ ссылается на сочинение Жолкѣвскаго: Progres woyny Moskiewskiey.

(603) См. письмо Лжедимитрія отъ 18 Іюля (Нов. Ст.) 1610, помѣщенное въ концѣ Życia I. P. Sapiehy, подъ No X.

(604) Этотъ монастырь названъ у Нѣмцевича (стр. 478) Nowe hroszy, т. е. на *Угрѣшѣ*.

(605) *Нѣмцев.* стран. 478.

(606) *Нѣмцев.* стран. 480 и 481. — Życie I. P. Sapiehy, стран. 233.

(607) Въ *окружной* Грамотѣ Боярина Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, отъ 4 Сентября 1610 г. исчислены оставившіе тогда Самозванца (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 441), означенъ и день, въ который они его оставили (26 Авг.).

(608) Нѣмцевичь (D. P. Z. III, T. II, 484), кромѣ сихъ городовъ, именуетъ еще Переславль, Серпуховъ, Нижній, Вологду, Бѣлозерскъ, даже Новгородъ Великій со всею страною до Ледовитаго моря; упоминаетъ и о другихъ мѣстахъ подъ непонятными названіями Czeranda (Чердынь?), Rożanka, Szyszyskie Zamki (?).

(609) См. Рисунки сихъ медалей и монетъ въ Dz. Pan. Zygm. III, T. II, стран. 482. На медали, съ одной стороны грудное изображеніе Королевича (въ лѣтахъ зрѣлыхъ), вокругъ онаго надпись: WLADISLAVS E. Z. P. R. P. ET SV. M. DVX MOSCHOVIAE, съ другой младенецъ всходящій на обелискъ, который украшенъ вѣнкомъ и двумя пальмовыми вѣтвями; надъ ними въ облакахъ монограмма имени Христа Спасителя IHS, и вокругъ надпись: VEL SIC ENITAR; на монетѣ представленъ съ одной стороны Св. Великомученикъ Георгій, на оборотѣ остались слова: ВЕЛІКІ КНЯЗЬ .. ЛЯДІСЛАВ .. ЗІГМОНТ .. ВІЧЪ.

(610) См. выше, стран. 225.

(611) См. выше, стран. 33.

(612) *Ник. Лѣт.* 142.

(613) См. въ Нѣмцевичѣ письмо Жолкѣвскаго къ Королю, и проч.

(614) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 482, 483, и письмо Жолкѣвскаго къ Королю.—Аврам. Палиц. 210.

(615) *Ник. Лѣт.* 143. См. также *Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго*, T. II, 20 и дал., гдѣ находится выписка изъ Наказа, даннаго симъ Посламъ.

(616) См. *двѣ вѣрющія* Грамоты, данныя симъ Посламъ въ Сентябрѣ 1610 г. и Грамоту Патріарха Ермогена и всѣхъ Россійскихъ Духовныхъ и другихъ всякаго чина и званія людей къ Королевичу Владиславу, писанную 12 Сентября (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 445 и 446).

(617) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 445, и *Ник. Лѣт.* 143.

(618) См. выше, 17-ю статью заключеннаго Гетманомъ Договора.

(619) См. *Доп. къ Дѣян. Пет. В.* (II, 96), *Ник. Лѣт.*, и Нѣмцев. (II, 484).

(620) См. Нѣмцевича, и *Ник. Лѣт.* 144.

(621) См. *Грамоту*, писанную изъ Казани въ Хлыновъ, въ Генварѣ 1611. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 491).

О дворѣ Царскомъ при Ѳеодорѣ, см. сей *Исторіи* T. X, 234.

(622) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 463 и 464, также *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* T. II, 113.

(623) Нѣмцев. въ D. P. Z. III, T. II, 486.

(624) См. T. XI, 327, *Ник. Лѣт.* 145, и *Дѣла Польск.* No 30, л. 128 на об.

О назначеніи Госѣвскаго начальникомъ Стрѣльцевъ см. Нѣмцевича (II, 487) и *Дѣл. Польск.* No 30, л. 134.

О числѣ Стрѣльцевъ см. въ *Дневникѣ* Машкѣвича.

(625) См. D. P. Z. III.

(626) См. Кобѣржицкаго, стран. 339 и дал., и Нѣмцевича (II, 489).

(627) См. выше, стран. 288.

(628) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 422: »См. »отписки Пословъ въ Польскихъ Столпцахъ 1610 г.«

Голиковъ (въ *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 34 и 35) исчисляетъ сіи письма: отъ 18, 21 и 30 Сентября.

(629) См. *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 39. Тутъ помѣщена и рѣчь Канцлера Сапѣги.

(630) См. Наказъ Посламъ (*Собр. Гос. Грам.* II, 422).

(631) Тамъ же (II, 430).

(632) *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 121. — Отвѣтъ Пословъ см. въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 468).

(633) Тамъ же, и *Доп. къ Дѣян. П. В.* (II, 58 и 62).

(634) См. отрывокъ Грамоты, о коемъ упомянуто выше.

(635) *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 67. — Землею Поморскою называлась сѣверная часть Россіи, отъ Бѣлаго и Ледовитаго моря.

(636) Тамъ же, 69.

(637) См. выше, стран. 279.

(638) Сіе было сказано послѣ продолжительнаго спора о происхожденіи Св. Духа и о ненадобности Владиславу повторять обрядъ крещенія въ Россіи. См. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 79.

(639) См. выше, стран. 275.

(640) См. *Доп. къ Дѣян. П. В.* II, 87, 92, 93 и 94.

(641) *Дѣл. Польск.* No 30, л. 133 на обор.—О прощаньѣ Жолкѣвскаго съ Моск. Боярами и оставшимися въ столицѣ Поляками, см. Кобѣрж. 349 и 352, и Нѣмцев. II, 495.

(642) См. Нѣмцев. D P. Z. III, Т. II, 497, *Ник. Лѣт.* 147, и *Дѣл. Пол.* No 30, л. 128 на обор.

(643) *Ник. Лѣт.* 147.

(644) Аврам. Пал. пишетъ, что съ него было снято монашеское платье.

(645) *Ник. Лѣт.* 148.

(646) *Собр. Гос. Грам.* II, 476.

(647) *Собр. Гос. Грам.* II, 474.

(648) Тамъ же, 469.

(649) *Дѣл. Пол.* No 30, л. 132 на об., и *Ник. Лѣт.* 151.

(650) *Собр. Гос. Грам.* II, 491.

(651) *Дневникъ* Машкѣвича.

(652) Машкѣвичь.

(653) Авр. Пал. 209 и 211.

(654) Отрывокъ сей Грамоты, писанной 21 Ноября, см. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 466.

(655) Грамота о вознагражденіи измѣнниковъ дана 21 Сентября. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 451.

(656) Тамъ же, стран. 517.

(657) Авр. Пал. 211, и *Ник. Лѣт.* 149.

(658) Авр. Пал. 211, *Дѣла Польск.* No 30, и *Собр. Гос. Грам.*

(659) Донесенія Ивана Салтыкова Королю, отъ 17 Ноября 1610 г. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 454 и дал.

(660) См. Нѣмцевича (II, 499), который ссылается на Кобѣржицкаго (стр. 357) и на Ruch's T. IV, 69; также Видекинда Hist. belli Sveco-Moscovitici, 190, и Донесенія Ивана Салтыкова.

(661) См. *Ник. Лѣт.* 145, и *Собр. Гос. Грам.* II, 457 и 460.

(662) См. Донесенія Салтыкова (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 454) и *Псков. Лѣт* л. 84.

(663) См. въ семъ Томѣ, стран. 149.

(664) Лжедимитрій отправилъ въ Астрахань Керносицкаго съ объявленіемъ милости ея жителямъ и съ извѣстіемъ, что желаетъ у нихъ основать свою столицу, ибо Москва и Сѣвера осквернились *некрестями.* См. Бера.

(665) *Ник. Лѣт.* 150. Имя сего Воеводы находится въ Грамотахъ, писанныхъ изъ Казани въ Генварѣ, и въ Казань въ Мартѣ 1611 г.; но въ Маѣ того года о немъ уже не упоминается. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490, 492, 520, 523 и 541.

(666) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 541. Послѣ убіенія Бѣльскаго получена въ Казани вѣсть о смерти Лжедимитрія. См. *Ник. Лѣт.*, и *Ст. Лат. Кн.*

(667) См. Бера.

(668) См. *Ник. Лѣт.* 149. Сей Ханъ былъ прежде въ сношеніяхъ съ Поляками. (Нѣмц. D. P. Z. III, T. II, 398). О заключеніи Кн. Петра Араслана Урусова, см. Бера, который называетъ его *Руслановъ.*—(Палицынъ (стран. 212) пишетъ напротивъ того, что Петръ Урусовъ умертвилъ Хана. День смерти Самозванца означенъ въ Берѣ.

(669) См. Бера, Кобѣрж. (стран. 319) и Нѣмцевича (II, 501).

(670) *Ник. Лѣт.* 150.

(671) Къ К. *Юр. Ник.* (?) Трубецкому и товарищамъ его писалъ Янъ Петръ Сапѣга въ Февралѣ 1611 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 507), увѣряя, что онъ не служитъ Королю, а желаетъ дѣйствовать за одно съ ними и съ Ляпуновымъ противъ враговъ Вѣры православной.

(672) *Хрон. Столяр.* л. 558, и *Ник. Лѣт.* 151.

(673) Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 502.—*Ник. Лѣт.* 151.

(674) См. о самовластіи Сигизмунда выше, стран. 309.

(675) См. выше, стран. 267, *Доп. къ Дѣян. П. В.*, II, 146 и 174.

(676) Московскіе Бояре донесли о томъ Королю въ Генварѣ 1611 года. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490.

(677) Тамъ же, стран. 486, Палицына, *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 135, и *Ник Лѣт.* 148.

(678) *Собр. Гос. Грам.* II, 489, 494, 496, 498 и 517, Машкѣв. и *Ник. Лѣт.* 151.

(679) *Собр. Гос. Грам.* 478.

(680) Тамъ же, 480. Сія Грамота писана въ последнихъ числахъ Декабря 1610 года.

(681) Тамъ же, 494.

(682) Тамъ же, 495. Сія Грамота писана въ Генварѣ 1611 года.

(683) См. тамъ же, 496. И сія Грамота также писана въ Генварѣ 1611 года.

(684) Тамъ же, 499 и 518. — Подорожныя гонцамъ выдаваемы были отъ имени Патріарха.

(685) На Грамотѣ Боярской Думы къ Королю надписано: *Всея Русіи Самодержцу*. См. тамъ же, 490. О данномъ Думою предписаніи Посламъ и Шеину, и объ отправленіи Куракина, тамъ же, 513 и 515.

(686) *Собр. Гос. Грам.* II, 506 и 522.

(687) Тамъ же, 513 и 534.

(688) *Собр. Гос. Грам.* II, 489.

(689) О К. Воротынскомъ и К. Голицынѣ, см. *Ник. Лѣт.* 153.— О Засѣкинѣ въ *Дѣл. Пол.* No 30, л. 131 на об.

(690) См. Машкѣвича и Нѣмцевича.

(691) См. Бера. Москвитяне говорили: »Сіи 6000 »*глаголей* должны добромъ убраться отсюда, если не »хотятъ, чтобы мы ихъ истребили.«

(692) См. Машк. и Нѣмц.

(693) Тамъ же.

(694) Тамъ же.

(695) См. Кобѣржицкаго, стран. 372, Нѣмцев. II, 510, и *Дпл. Пол.* No 30, л. 131.

(696) *Ник. Лѣт.* 152, и *Собр. Гос. Грам.* II, 491.

(697) *Лат. Ст. Кн.*

(698) Никоновскій, и другіе.

(699) *Собр. Гос. Грам.* II, 521.

(700) Тамъ же, 494.

(701) Нѣмцев. II, 8.

(702) *Собр. Гос. Грам.* II, 486.

(703) Въ Февралѣ 1611 года. *Собр. Гос. Грам.* II, 505.

(704) *Собр. Гос. Грам.* II, 502 и 503.

(705) Нѣмц. D. P. Z. III, T. III, 7. — Кобѣрж. 382.

(706) *Собр. Гос. Грам.* II, 455 и 460.

(707) См. выше, стран. 315.

(708) *Лѣт. о мятежахъ*, 214 и *Ник. Лѣт.* 151.

(709) См. выше, стран. 291.

(710) *Собр. Гос. Грам.* II, 507 (выше, въ прим. 671), и 510. Тамъ же на стран. 535 и 541, исчислены подвизавшіеся, кромѣ Русскихъ: »Мурзы, и служилые но»вокрещены, и Татара, и Чювашa, и Черемиса, и Во»тяки, и всякіе люди Казанскаго Государства.«

(711) Тамъ же, 507.

(712) *Ник. Лѣт.* 151. Что Заруцкій былъ въ Тулѣ, о томъ см. *Сказаніе* Аврам. Палицына, стр. 221, и въ *Доп. къ Д. П. В.* II, 197.

Собр. Гос. Грам. II, 512 и 519.

(713) *Собр. Гос. Грам.* II, 496, 497 и 498, *Ник. Лѣт.* 155 и 156.

(714) См. описаніе сего обряда въ Т. IX.

(715) См. Бера.

(716) *Ник. Лѣт.* 156.

(717) The Russ. Impostor, 193.

(718) См. Машкѣвича. По его словамъ Ляпуновъ велъ съ собою 80.000, Заруцкій 50.000, Просовецкій 15.000. Если вѣрить Беру, число ополчившихся простиралось до 700.000!

(719) См. Машкѣвича.

(720) *Ник. Лѣт.* 156.

(721) Авторъ книги The Russian Impostor утверждаетъ, что зачинщиками были Русскіе. Напротивъ того Машкѣвичь пишетъ: »bliźey tego źe nasi »dali przyczynę do tego rozruchu.«

Беръ описываетъ первый поводъ къ ссорѣ слѣдующимъ образомъ: »13 Февраля нѣсколько слугъ изъ Поляковъ покупали овесъ на рынкѣ. Продавецъ потребовалъ съ одного вдвое дороже противъ того, что бралъ съ Русскихъ. Слуга, укоряя его, сказалъ: »зачѣмъ грабишь насъ? развѣ мы не одному Царю служимъ?« — Купецъ отвѣчалъ, что Полякамъ не покупать овса дешевле. Слуга обнажилъ саблю: и на шумъ сбѣжалось человѣкъ сорокъ Русскихъ съ дубинами. Три Поляка остались на мѣстѣ; прочихъ спасла подоспѣвшая стража отъ *Водяныхъ* воротъ; она разогнала толпы народа, убивъ 15 человѣкъ. Вѣсть о сей дракѣ пронеслась по предмѣстію и по Бѣлому городу. Жители начали стекаться отвсюду и кровопролитіе было бы неминуемо, если бы Госѣвскій не остановилъ его своею рѣчью къ народу, но лишь до слѣдующаго мѣсяца (то есть Марта 19 числа). »Тогда«—продолжаетъ Беръ—»Русскіе первые напали на Поляковъ.«

(722) Такъ пишетъ Машкѣвичь. См. выше, прим. 721.

(723) Машкѣв., *Ник. Лѣт.* 157, и *Хрон. Стол.* л. 558 на об.

(724) Тамъ же.

(725) См. Машкѣвича.

(726) См. сей *Исторіи* Томъ XI.

Въ концѣ II Тома *Собр. Гос. Грам.* на стран. 604, 605 и 606, помѣщено подробное извѣстіе о Маржеретѣ. Маржеретъ находился »въ Нѣмецкой ротѣ »у Поляка Петра Борковскаго въ Поручикахъ« (*Собр. Г. Г.* II, 605). Такъ именуетъ его и Беръ.

(727) См. Машкѣвича и *Ник. Лѣт.* 157. Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ тотъ день по улицамъ лежали тѣла убитыхъ кучами, одни на другихъ, выше роста человѣческаго. — Кобѣржицкій (стр. 376) пишетъ, что по однимъ извѣстіямъ число погибшихъ простиралось до 60, по другимъ до 100 тысячь. Ленгнихъ, продолжавшій Хронику Бѣльскаго, говоритъ, что Русскихъ убито 6000 (стран. 771), а въ пожарѣ погибло безчисленное множество.

(728) См. Машкѣвича.

(729) *Хрон. Стол.* л. 558 на об., *Ник. Лѣт.* 158, и *Машкѣв.*

(730) *Хрон. Стол.* л. 558 на об., и *Ник. Лѣт.* 158.

(731) Тамъ же.

По словамъ Машкѣвича, въ слѣдующую ночь, при яркомъ пламени горящей Москвы, было въ Кремлѣ свѣтло, какъ днемъ. Ужасъ сей ночи, прибавляетъ онъ, можно было уподобить аду.

(732) См. (въ *Д. къ Д. П. В.* II, 219) слова Лѣтописи, и *Собр. Г. Г.* II, 535.

(733) См. Бера.

(734) См. Машкѣвича.— Беръ говоритъ, что инымъ доставалось отъ 10 до 20 фунтовъ серебра; что они, презирая богатство, стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами; даже истребляли съѣстные припасы не столь вкусные (а ихъ стало бы, прибавляетъ онъ, лѣтъ на шесть); проигрывали въ карты дѣтей знатныхъ Бояръ и купцевъ, и проч. и проч.

(735) См. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.*, II, 229.— А *Ник. Лѣт.* говоритъ: »Ермогена съ Патріаршества »сведоша въ Чюдовъ монастырь.« Никто безъ вѣдома Пристава не могъ войти къ Патріарху, и его не выпускали никуда.

(736) Аврам. Палиц. 217.

(737) Тамъ же, 219 и 220.

(738) 4 Апрѣля (Нов. Ст.), въ Понедѣльникъ Святой Недѣли. См. Машкѣвича. — По его словамъ, войско Просовецкаго имѣло подвижную ограду, составленную изъ большихъ саней съ воротами и самопа-

лами. (О семъ, такъ называемомъ *Гуляй-городѣ* см. сей *Исторіи* Т. X, стран. 265). При каждыхъ саняхъ находилось по 10 Стрѣльцевъ: они двигали передъ собою сани и стрѣляли изъ-за нихъ. Сими санями войско было окружено со всѣхъ сторонъ. — См. также Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 517.

(739) См. Нарушевича въ Hist. Chodk. T. I, 331. и Ленгниха, продолжавшаго Хронику Бѣльскаго (стр. 771). Поляки осаждены въ Москвѣ 1 Апрѣля. См. Рукоп. Филарета, и *Собр. Гос. Грам.* II, 536.

Ник. Лѣт. 159.

(740) Аврам. Палиц. 222.

(741) Въ *Собр. Г. Г.* (II, 537) помѣщена *Крестоприводная запись*, по которой присягали всѣ собравшіеся подъ Москвою. Она оканчивается словами: »А кто »не учнетъ по сей записи креста цѣловати, или крестъ »цѣловавъ, не учнетъ такъ дѣлати, какъ въ сей за»писи писано, и не буди на томъ милость Божія и »Преч. Богородицы и всѣхъ Святыхъ, и буди тотъ »человѣкъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ.«

(742) *Машк.*, и *Рукоп. Филар.*

(743) *Рукоп. Филарета* и *Аврам. Палиц.* 222.

Машкѣвичь говоритъ о семъ дѣлѣ: потеря наша была не велика: погибло лишь нѣсколько человѣкъ при худой переправѣ чрезъ болото; въ иныхъ же ротахъ всѣ остались цѣлы: ибо бѣжали исправно.

(744) Машкѣв.

(745) *Лѣт. о мятеж.* 227, и *Ник. Лѣт.* 161.

(746) *Лѣт. о мят.* 224, и *Ник. Лѣт.* 159.

(747) Видекиндъ (стран. 290).

(748) См. выше, стран. 72 и 106.

(749) *Собр. Гос. Грам.* II, 542.

(750) См. выше, стран. 312. — Казанцы приглашали жителей Пермскихъ *быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ.* См. Грамоту ихъ, писанную въ Маѣ (*Собр. Г. Г.* II, 541).

(751) См. выше, прим. 635.

(752) См. выше, стран. 306 и 319.

(753) *Лѣт. о мят.* 229, *Ник. Лѣт.* 162, Аврам.

Палиц. 223.— Сапѣга, какъ пишетъ Машкѣвичь, пришелъ къ Москвѣ 17 Мая (Нов. Ст.): онъ расположился между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ.

(754) *Лѣт. о мят.* 230, *Ник. Лѣт.* 163, Машкѣв., Нѣмцев. (II, 519) и Нарушевича Życ. Chodk. I, 334.

О походѣ Сапѣги внутрь Россіи и жестокихъ дѣйствіяхъ его см. Машкѣвича, также *Лѣт. о мят.* 232, и *Ник. Лѣт.* 164.

(755) См. Машкѣвича.

(756) Поляки праздновали, получивъ ложную вѣсть о прибытіи Гетмана 31 Мая (Нов. Ст.). См. Машкѣвича. — *Лѣт. о мят.* (стран. 232) и *Ник. Лѣт.* (стр. 165) говорятъ въ краткихъ словахъ объ *очищеніи* Бѣлаго города отъ Литвы. Подробности въ Машкѣвичѣ.

(757) Машкѣвичь, *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*

(758) Аврам. Палиц. 223, *Лѣт. о мят.* 232, и *Ник. Лѣт.* 164.

(759) Палицынъ (стран. 223) упоминаетъ о взятіи Новодѣвичьяго монастыря вмѣстѣ съ занятіемъ Бѣлаго города. Но въ *Дневникѣ* Машкѣвича сказано, что монастырь сданъ 5 Іюня (по стар. Ст. 26 Мая): тамъ были двѣ Польскія конныя роты и 500 Нѣмцевъ. — Козаки дозволяли себѣ всякаго рода безчинства: ихъ вождь Заруцкій былъ тайно преданъ Ляхамъ. См. Машкѣвича.

О сдѣланныхъ Русскими укрѣпленіяхъ сказано въ Рукоп. Филар. См. и Машкѣвича.

(760) См. *Доп. къ Д. Петр. Вел.* II, 228, 229 и 231.

(761) Тамъ же.

(762) Тамъ же, 233. Условія, на коихъ Послы обѣщали впустить Поляковъ въ Смоленскъ, были слѣдующія: 1) Быть Полякамъ въ Смоленскѣ только до воцаренія Владислава. 2) Иновѣрцамъ не входить въ Греческія церкви. 3) Никого изъ Смоленска не высылать до прибытія Королевича въ Москву. 4) Королю прежде всего снять осаду и отвести войско, а потомъ уже принять Смоленскъ во временное владѣніе. 5) Назначить срокъ для выхода Польскаго войска изъ

Россіи. 6) Остаться Смоленску за Россійскимъ Государствомъ по прежнему и безусловно. 7) Тѣмъ изъ Смолянъ, кои присягнули Королю, поступить снова въ вѣдомство сего города. 8) Ключамъ Смоленска быть у Градоначальника. — 12 Апрѣля объявлено было Посламъ, чтобы они готовились къ отъѣзду; 13-го они отправлены за стражею. (Тамъ же, 236 и *Собр. Г. Г.* II, 526).

(763) Тамъ же, стран. 173.

(764) Нѣмцев. (въ D. P. Z. III, T. III, 10) и Нарушев. въ Życ. Chodk. I, 331 и 447.—Жолкѣвскій выѣхалъ изъ Смоленска 25 (15) Апрѣля. См. *Кобѣржицкаго.* стран. 396.

(765) *Доп. къ Дѣян. Петр. В.* II, 236.

(766) *Собр. Гос. Грам.* II, 540.

(767) *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго, стран. 430. См. также Dz. Pan. Zyg. III, T. III, 9.

(768) *Лѣт. о мят.* 229, *Ник. Лѣт.* 163, Dz. Pan. Zygm. III, T. III, 14, и Кобѣржицкій.

(769) *Лѣт. о мят.*, *Ник. Лѣт.*, и Беръ.

(770) Тамъ же. — Въ Рукописи Филаретовой сказано: »Того же лѣта Мая 26 дня Литов. Король Смоленскъ взялъ.« Кобѣржицкій (на стран. 404 и 412), а за нимъ и Нѣмцевичь (III, 15), пишутъ, что городъ взятъ 13 Іюня (3 Іюн. Стар. Ст.) въ день Св. Антонія. То же число означено и у Бера; но, вѣроятно, ошибкою: ибо онъ слѣдовалъ Старому Стилю.— Сказаніе Польскихъ Историковъ достовѣрнѣе: оно согласно съ надписью на медали, выбитой въ память сего событія. См. Нѣмцевича, II, 21.

(771) Кобѣрж. и Нѣмцевичь такъ разсказываютъ о семъ послѣднемъ приступѣ къ Смоленску. Іаковъ Потоцкій, тогда уже главный Предводитель осаждающихъ, съ нѣсколькими тысячами Козаковъ, подходилъ къ городу съ восточной стороны; Вел. Лит. Маршалокъ Дорогостайскій и Малт. Кавалеръ Новодворскій съ сѣверной, а съ западной Стефанъ Потоцкій, имѣя съ права Нейкирха съ Нѣмецкою пѣхотою. Іак. Потоцкій велѣлъ своимъ сойти съ коней и, взобравшись

по лѣстницамъ на валъ, первый ударилъ на Русскихъ; въ тоже время Нѣмецкая пѣхота овладѣла стѣною съ другой стороны. Успѣхъ дѣла былъ сомнителенъ; наконецъ Новодворскій подорвалъ стѣну близъ Kryłowskich (вѣроятно *Крестовскихъ*) воротъ, и тѣмъ открылъ Полякамъ свободный путь въ Смоленскъ.

(772) Кобѣрж. Hist. Vlad. 409 и 420.—Alexander Cigli, T. II, 149. — Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III, T. III, 19. — *Ник. Лѣт.* 163. — *Лѣт. о мят.* 130.

(773) См. Кобѣржицк. и Нѣмцевича.

(774) См. *Ник. Лѣт.* и *Лѣт. о мят.* 230.

(775) См. Бера. Но Кобѣржицкій пишетъ (стран. 414), что въ плѣнъ взято 2700 человѣкъ. О числѣ Русскихъ, погибшихъ во время осады, Беръ говоритъ, что ихъ было 80.000; а Кобѣржицкій, что болѣе 70.000.

(776) По словамъ Кобѣржицкаго, въ Смоленскѣ найдено 50 большихъ и 200 малыхъ пушекъ, пороха не много, но большой запасъ пуль и съѣстныхъ припасовъ, такъ, что ихъ стало бы еще на годъ.

(777) См. Грамоту осажденныхъ въ Москвѣ Бояръ, писанную въ Іюнѣ (*Собр. Гос. Гр.* II, 550).

(778) Нѣмцев. въ Dz. Pan. Zygm. III, T. III, 22.— Нарушев. въ Życ. Chodk. T. I, 332.

(779) См. Нѣмцевича Dz. Pan. Zygm. III, T. III, 23. Тамъ же, на стран. 565, подробное *Описаніе торжества*, напечатанное также и въ Журналѣ Pamiętnik Lwowski, 1818 г. No 3. Оно взято изъ одной древней Латинской рукописи.

(780) См. тамъ же.

(781) Тамъ же.

(782) Тамъ же.

(783) О твердости Василія см. выше, стран. 303.

(784) См. *Ник. Лѣт.* 148, и *Лѣт. о мят.* 208.

(785) См. *Описаніе торжества* и въ Нѣмцевичѣ: Нынѣ надъ гробницею Царя Василія Іоанновича Шуйскаго въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ слѣдующая надпись: »Лѣта 7121 (1612), Сентября въ 12 день, »на память Святаго Священномуч. Автонома преста-

»вися благовѣрный и Христолюбивый Вел. Государь, »Царь и Вел. Князь Василей Ивановичь, всея Русіи »Самодержецъ, въ Польск. Королевствѣ въ 60 лѣто »живота его, а въ Польшѣ лежало тѣло его въ Вар»шавѣ 23 года. И 143 (1635) году Вел. Государь Царь »и Вел. Князь Михайло Ѳедоровичь всея Русіи Само»держецъ со Владиславомъ Королемъ Польскимъ учи»нился въ братствѣ и въ вѣчномъ докончанеи; для того »докончанья посылалъ ко Владиславу Королю Пословъ »своихъ великихъ, Боярина К. Алексѣя Мих. Львова »съ товарищи, и о тѣлѣ Царя и Вел. Князя Василья »Ивановича всея Русіи, чтобъ ево отпустили, велѣлъ »Королю говорить; и Владиславъ Король тѣло Царя »Василья Ивановича всея Русіи Царьскаго Величества »Посломъ отдалъ, и въ царствующій градъ Москву »принесено тѣло его въ лѣто 7143 (1635) Іюня въ 10 »день, въ 23 лѣто государства его.«

(786) Кобѣрж. Hist. Vlad. 428, и Нѣмц. D. P. Z. III, T. III, 24.

(787) Шеинъ казненъ въ 1634 году за потерю сраженія подъ Смоленскомъ. Сіе несчастное дѣло названо измѣною. См. *Лѣт. о мят.* 365.

(788) *Ник. Лѣт.* 166. — *Лѣт. о мят.* 234.

(789) См. Życie J. P. Sapiehi, и *Ник. Лѣт.* 165. Пясецкій пишетъ, что Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя, но юность свою провелъ у Татаръ, а послѣ у Донскихъ Козаковъ.

(790) См. Машкѣвича.

(791) См. *Ник. Лѣт.*, 165.

(792) *Лѣт. о мят.* 235, и *Ник. Лѣт.* 166.

(793) Сія любопытная Грамота состоялась въ 1611 году Іюня въ 30 день.

(794) Имена городовъ: Кашинъ, Лихвинъ, Дмитровъ, Смоленскъ, Ростовъ, Ярославль, Можайскъ, Калуга, Муромъ, Владиміръ, Юрьевъ, Нижній Новгородъ, Пошехонье, Брянскъ, Романовъ, Вологда, Галичъ, Мещерскъ, Архангельскъ, Переславль-Залѣсскій, Кострома, Воротынскъ, Юрьевъ Польскій, Болховъ, Звенигородъ.

(795) Не задолго предъ симъ Ляпуновы, и съ ними Голицынъ, хотѣли непремѣнно имѣть Царемъ Русскаго. См. выше, стран. 269.

(796) Такъ говорили Новогородцы Генералу Делагарди. См. Видек. Hist. bel. Sveco-Mosc. 237.

(797) Тамъ же, 222.

(798) Тамъ же. 217.

(799) См. его донесенія къ Сигизмунду, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 452.

(800) *Лѣт. о мят.* 228, и *Ник. Лѣт.* 161.

(801) См. письмо Жолкѣвскаго къ Сигизмунду въ D. P. Z. III, T. II, 603.

(802) *Лѣт. о мят.* 233 и 237.—*Ник. Лѣт.* 165 и 168.

(803) Видек. 235.

(804) Тамъ же, 236 и дал.

(805) *Лѣт. о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*

(806) См. Видекинда; также *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*

(807) Рукоп. Филар., и *Псков. Лѣтоп.* л. 87 на об.

(808) Видек. 250, *Лѣт. о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*

(809) *Лѣт. о мят.* 239, и Видекиндъ.

(810) Сей договоръ напечатанъ въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 553), но не съ подлинника, а съ Латинскаго перевода, помѣщеннаго въ *Исторіи* Видекинда (стр. 271). Временемъ заключенія онаго означено 11 Іюля; но мы знаемъ, что 15 и 16 сего мѣсяца еще продолжалась осада Новагорода. См. Видекинда (стран. 301: »die 16 Julii«) и Далина (Gesch. des Reiches Schweden, T. III, Ч. II, 497), который именно говоритъ, что Договоръ заключенъ 17 Іюля.

(811) Или *Тявзинскаго.* См. сей *Исторіи* T. X, 183.

(812) *Собр. Гос. Грам.* II, 660.

(813) Сверхъ сего опредѣлено было назначить квартиры Шведскому войску, но *въ дальнихъ частяхъ города,* чтобы оно не было въ тягость гражданамъ; за исключеніемъ однакожь тѣхъ случаевъ, когда сіе будетъ необходимо для отраженія непріятеля; съ симъ вмѣстѣ поставлено жителямъ въ обязанность снабжать войски деньгами и съѣстными припасами. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 562.

(814) Видек. стран. 273.
(815) Тамъ же, стран. 275.
(816) Тамъ же, стран. 274 и 277, и *Лѣт. о мят.* 240.
(817) *Лѣт. о мят.* 233, и *Авр. Пал.* 224.
(818) *Ник. Лѣт.* и *Лѣт. о мятежахъ.*
(819) Кобѣржицкій, стран. 434. — Объ участіи ГоСѣвскаго въ семъ ковѣ, см. въ Машкѣвичѣ.
(820) *Лѣт. о мят.* 236.
(821) *Авр. Пал.* 224, и *Лѣт. о мят.* 236.
(822) *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*
(823) Аврам. Иалиц. 225, и *Дневникъ* Машкѣвича. Списокъ *Дневника*, съ коимъ справлялся покойный Историографъ, былъ ему доставленъ изъ Витебскаго Поіезуитскаго монастыря.
(824) *Доп. къ Дѣян. Петр. В.* II, 198.
(825) См. выше, стран. 312.
(826) *Псков. Лѣт.* л. 367, и *Лѣт. о мят.* 242.
(827) Видек. стран. 326, *Псков. Лѣт.* л. 84 и дал
(828) Видек. стран. 312 и 313.

ОГЛАВЛЕНІЕ
XII ТОМА.

ГЛАВА I.

Стран.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій 1

Г. 1606 — 1608.

ГЛАВА II.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе

Страп.

Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему 83

Г. 1607 — 1609.

ГЛАВА III.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ, и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву 158

Г. 1608 — 1610.

ГЛАВА IV.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе

Стран.

столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена 241

Г. 1610 — 1611.

ГЛАВА V.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи . 340

Г. 1611 — 1612.

Bayerische Staatsbibliothek München

РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ

РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинить полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (+), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая*; *третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

ІЙ.

Игорь женатъ на Кунигунде, Графинѣ Орламиндской).

Елисавета (за Гаральдомъ, Королемъ Норвежскимъ).

Анна (за Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ).

Анастасія (за Андреемъ, Королемъ Венгерскимъ).

N. N.

Давидъ

исдавъ. 1099

Всеволодко (зять Мономаховъ). 1127.

Мстиславъ. 1167.

Глѣбъ. 1167.

ВЕЛИКАГО.

Ярополкъ.

Передслава (за сыномъ Коломана, Короля Венгерскаго). 1104.

Ярославъ. + 1102.

Вячеславъ. + 1105.

...льфрида ...севоло... ...ь, сыномъ ...лава Изя...ича, внука ...слава Ве...).

Анна, супруга Рюрикова.

Романъ.

…горь.	*Святославъ.*		
…147.	+ 1166.		
…севолодъ.	*Игорь-Георгій.*		*Владиміръ.*
+ 1196.	+ 1202.		+ 1201.
Влади-міръ. (…зять Ха…а Конча…а). + 1212.	*Романъ.* 1212.	*Свято-славъ.* (зять Рюриковъ). + 1205.	*Олегъ-Павелъ.* 1176.
Изяславъ	*Всево-лодъ.*	*Олегъ.* Курскій. 1228.	

…исл…
…47.
…исл…
Все…
Все
…ика
…187.
(…
б…
с…
…ъ
…).

Марія
(за Леономъ Греческ. Царевичемъ).

Василько.
1136.

Дочь (за Греческимъ Царевичемъ Алексіемъ, сыномъ Императора Іоанна).

Дочь (за Всеволодомъ Ольговичемъ).
1140.

С

ВЕЙ

М

Святос

ıвъ

ıй.

ɔи Глѣ-

аго.)

итръ

Владимиръ Псковскій.

Давидъ Торопецкій. 1214.

рей

донач

ıхъ).

Дочь (за Ярославомъ Өеодоромъ, отцемъ Невскаго).

Ярославъ. (ж. на Св. Евпраксіи).

Пасынокъ. Евпраксіинъ.

Елена (за Казимиромъ Справедливымъ). 1196.	*Всеволодъ.* 1211.

О

Я

ЫН

въ-*Григорій.* *Дочь*

зфросинія. *Горислава.* (за сыпомъ Императора Греческ. Алексія). 1104.

О С

АН С

ОСЛА

Юрій
Муромскій.

ъ.

Давидъ.
+ 1228.

Юрій.

Ярославъ.

Василій.

Р ятославъ. — 1174.

Всеволодъ
Великій, прозваніемъ Большое Гнѣздо.

Я

К
(Оп
скіе

Іоаннъ.
(Отъ него Стародубскіе Князья).

Ѳ

вер-

Василій
Костромскій.

В

Ю

Си
Го

Дан

Іоа

Юрі

Іо

Дим

Дим

Юр

1813 г. 21 февраля избранъ Михаилъ Ѳео
въ Марте вступилъ Онъ на царство.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago

Bd.: 12

Sanktpeterburg' (1831)

Russ. 266 z-12
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783988-5